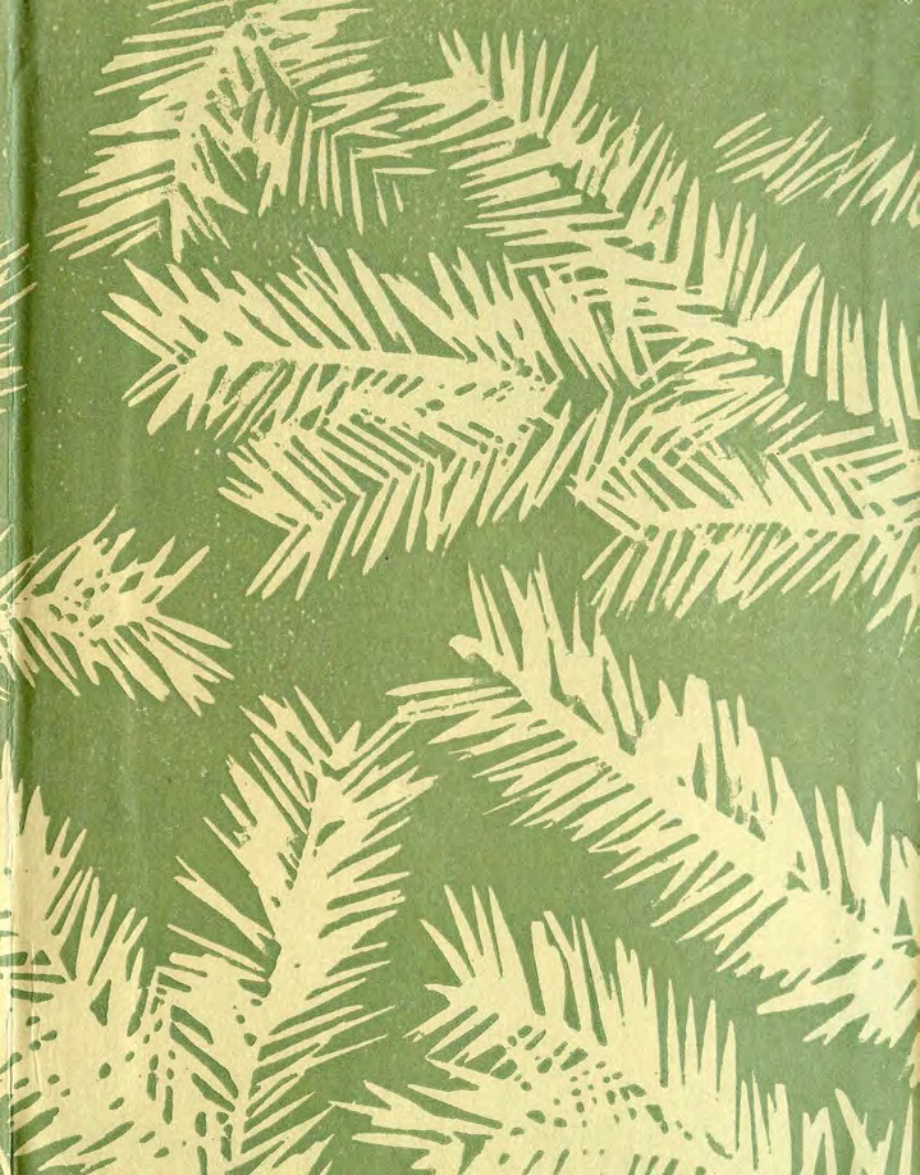

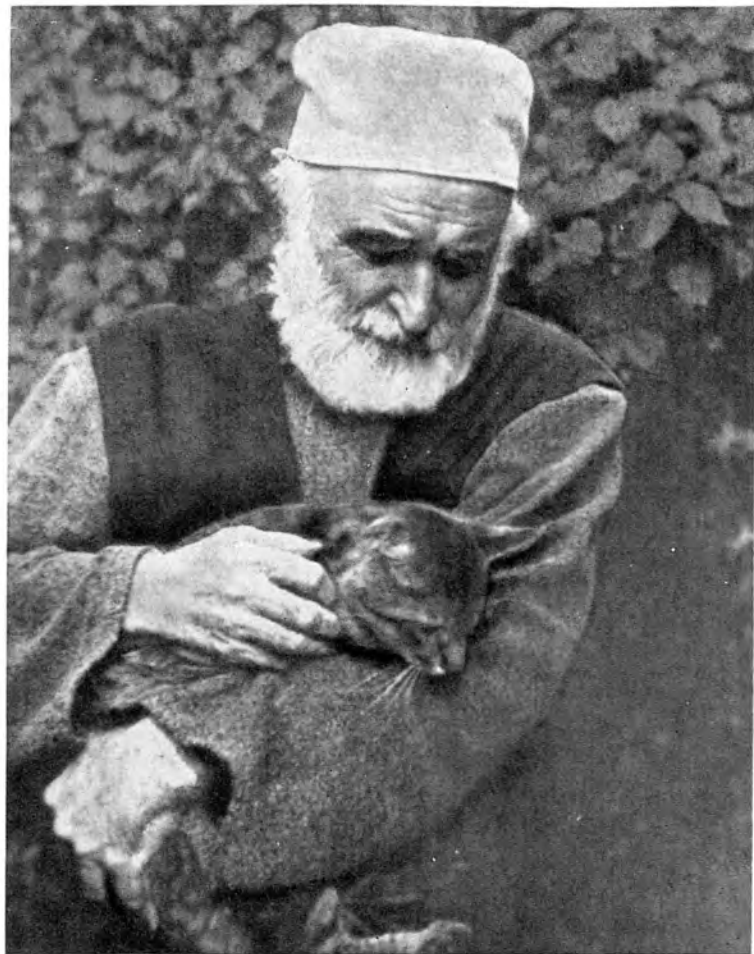
И. С. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

**У СВЕТЛЫХ
ИСТОКОВ**

И. С. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

**У С В Е Т Л Ы Х
И С Т О Ч К О В**

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1969

«У светлых истоков» — новая книга старейшего советского писателя Ивана Сергеевича Соколова-Микитова. Автор собрал в ней рассказы о природе и о путешествиях по Волге, на Каспий, на Крайний Север нашей страны. Исполненное душевного здоровья и поэзии, пропитанное любовью к жизни и к людям, творчество Соколова-Микитова продолжает лучшие традиции русской классической прозы.

ХУДОЖНИК Е. Я. ЗАХАРОВ

У СВЕТЛЫХ ИСТОКОВ

Как и когда возникает в нас страсть к путешествиям? Еще в раннем детстве впервые раскрывается перед нами обширный светлый мир. Радостно смотрим мы в голубое высокое небо на проплывающие легкие облака, слушаем шелест листвы над нашей головой. Нас радует пение невидимых птиц, стрекотанье кузнечиков в зеленых душистых лугах, плеск весеннего ручейка, блеск зимних снегов. Мы любимся далекими манящими звездами, широким течением реки, уносящим воды в дальнюю даль, с тоскою провожаем осенние косяки птиц, улетающих в неведомые жаркие страны.

А слышанные в детстве народные сказки, где так часто повторялся мотив далеких чудесных путешествий! В погоне за сказочной Жар-птицей мы переплывали огненные реки, сражались со Змеем-Горынычем и злоущей Бабой-Ягой, над синими морями, над высокими горами и темными лесами летали на ковче-самолете. Путешественниками были древние былинные богатыри, вдоль и поперек исходившие русскую землю. А как волновали пушкинские легкие сказки, на всю жизнь памятные слова:

У лукоморья — дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том. . .

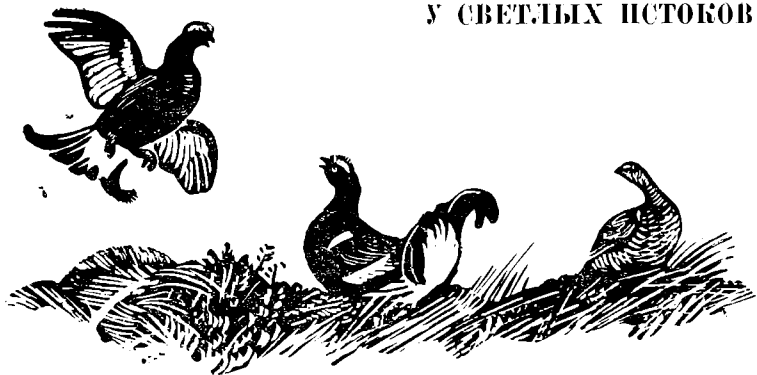
В отрочестве мы зачитывались книгами о путешественниках и далеких путешествиях, романами Купера, Майн-Рида, Киплинга, Хаггарда, Жюль Верна. Играли в Робинзона, в краснокожих охотников-индейцев, мастерили луки и стрелы, в далеких странах охотились на тигров и носорогов, подобно Колумбу плавали на кораблях, открывали неведомые земли и таинственные острова. Мы «бегали» в Америку помогать бедным индейцам, в далекий Трансвааль, чтобы вместе с бурами воевать против захватчиков-англичан, с жюльверновскими героями ле-

тали на луну и спускались на морское дно, вместе с Фритьофом Нансеном путешествовали на его «Фраме». Самые необычайные приключения ожидали нас в пути.

Я вырос среди лесов глухой Смоленщины на берегу маленькой тихой речки со сказочным именем Гордотá. Хорошо помню наш мельничный пруд, заросшие кувшинками и осокой тихие заводи, в которых водилось множество рыбы. Помню первые мои «путешествия» по этому пруду. Плавая в лодочке-плоскодонке, я воображал себя Колумбом, открывателем неведомых стран и островов. Я изучал заводи и заливы, видел таинственное, заросшее зелеными водорослями речное дно, где скользили легкие тени рыб. А первые прогулки в лес с отцовским охотничьим ружьем, лесные тропинки, первая охотничья добыча... Много лет прошло с тех пор, когда начались эти мои первые и, пожалуй, самые радостные путешествия. Сказочным Робинзоном, куперовским охотником-следопытом чувствовал я себя, один оставаясь в лесу...

Не каждый из нас, разумеется, становился настоящим путешественником, но первые радостные шаги в мир остаются в нашей памяти на всю долгую жизнь.

Всякий, кому посчастливилось путешествовать, хорошо знает, как в сроки путешествий глубоким содержанием наполняется каждый прожитой день, похожий на до краев наполненную чашу. Настоящего путешественника не пугают трудности и опасности, неизбежные в каждом далеком пути. Он терпеливо переносит обычные в путешествиях неудобства и невзгоды. Сладко спится у костра в лесу, на берегу реки, на палубе корабля, плывущего в открытое море. Жизнь приобретает цену и вес. Каждый час, каждая минута радуется новизною. А сколько удивительных встреч, необычайных приключений ожидает путешественника в пути!

Все хорошо в природе,
но вода — красота
всей природы.

С. Т. Аксаков

Мой дед Иван Васильевич, крепостной крестьянин, был в молодости у барина доезжачим. Мать моя рассказывала мне о дедовской псарне, о гончих собаках, которых по старой памяти продолжал держать дед. Давным-давно уже нет господских богатых охот, псарей и псарен, ловчих и доезжачих. Повывелась редкая дичь. Но в молодости моей я знал богатые охотничьи угодья в глухих смоленских местах, где проходило мое детство. Страстным охотником был отец. Я рано научился разбираться в повадках, в следах зверей и птиц, узнавать их голоса. Подрастая, я один бродил по окружавшему наш дом лесу, нередко возвращался с охотничьей добычей, застреленным тетеревом, рябчиком или белкой.

В девятилетнем возрасте отец впервые взял меня на весенний тетеревиный ток. В ночной предутренней темноте мы шли через заросшие кустарником луга и перелески. Над нами простиралось высокое, усыпанное звездами небо. На востоке едва занималась заря. В дальней деревне перекликались петухи.

Выйдя на кочковатую открытую поляну, мы осторожно забрались в шалаш, заранее сооруженный отцом из еловых колючих веток. Уютно устроившись в тесном шалаше на разостланных ветках, терпеливо ожидали утреннего рассвета. Еще в темноте слетались на ток косачи-тетерева. Я слышал шелест крыльев. Почти у самого шалаша раздался первый громкий, ни на что не похожий боевой клич. Ему в ответ со всех сторон слышались такие же грозные, мне незнакомые звуки, сменявшиеся глухим бормотанием. Прижавшись к отцу, я любовался невиданным зрелищем. . .

Первые охотничьи вылазки научили меня хорошо видеть и слышать, бесшумно и скрытно ходить по лесу, подслушивать лесные звуки и голоса. Спрятавшись за стволом дерева, я видел, как перебегают по моховым кочкам проворные рябчики, как с шумом срывается из-под ног тяжелый глухарь. В заросшем осокою и кувшинками пруду я наблюдал утиные выводки, видел, как плавают и ныряют маленькие пушистые утята.

В пруду было много всяческой рыбы. По утрам с удочкой в руках я сидел на берегу, следя за маленьким поплавком, сделанным из гусяного пера. По движению поплавка я узнавал, какая клюет рыба. Было приятно вытаскивать из воды трепещущих на крючке золотистых карасей, колючих окуней, толстоспинных серебряных головлей, красноперых плотичек, толстых маленьких пескарей. Вместе с отцом мы ставили на шук жерлицы. Иногда нам попадались крупные, почти пудовые щуки. Отец под-

тягивал добычу к лодке-плоскодонке. Мы осторожно вытаскивали, клали в лодку извивавшуюся сильную щуку, широко раскрывавшую зубастую пасть. В пруду водились жирные лини. В густой подводной траве мы ставили на линей плетеные верши — «норотá». Я сам вынимал из поднятой верши покрытых слизью золотистых тяжелых рыб, бросал на дно плоскодонки. Почти всякий день мы возвращались с богатой добычей.

Я хорошо знал все заветные уголки знакомого мельничного пруда, его тихие заводи и заводинки, заросшие цветущей розоватой водяной кашкой, над которой гудели пчелы, летали и повисали в воздухе прозрачные стрекозы. Видел таинственное, изрытое прудовыми ракушками дно, по которому скользили тени тихо проплывавших рыб. Чудесный подводный мир раскрывался перед моими глазами. По зеркальной глади, отражавшей белые высокие облака, быстро бегали пауки-челночки. Под темно-зелеными листьями водорослей плавали жуки-плавунцы.

В жаркие летние дни маленьким бреденьком мы ловили в открытых заводях рыбу. Было приятно брести в теплой воде, тащить к берегу деревянные мокрые «клячи», вытаскивать облепленный водорослями бредень. В широкой мокрой мотне билась и трепыхалась крупная и мелкая рыба. Мы вытаскивали на берег наполненную рыбой мотню, отбирали крупную рыбу, мелочь бросали в воду. На костре варили уху. Усевшись в тени зеленой береговой листвы, хлебали ее деревянными круглыми ложками. Удивительно вкусна, душиста пахнувшая дымом костра простая рыбацья уха из свежей рыбы, пойманной своими руками.

В летнюю пору, когда голубыми звездочками зацвела на полях лен, мы ходили ночами на дальнюю речку ловить раков. В эту пору перелинявшие голодные раки жадно шли на приманку. Приманкой служили поджарен-

пые на костре лягушки, мелкие рыбки. Лягушек и рыбок мы привязывали к концам длинных палок, опускали приманки у берега на дно реки. Время от времени, посидев у костра, мы обходили расставленные приманки, к которым присасывались голодные раки. С фонарем в руках осторожно поднимали приманку, подводили под нее небольшой сачок и стряхивали в него налипших на приманку раков. Ночная ловля раков была очень добычлива. Мы возвращались домой с мешками, наполненными живыми шептавшимися раками.

И в пруду, и в реке раков водилось множество. Руками ловили их под берегом в глубоких печурах, под камнями на дне неглубокой реки, быстро бежавшей по каменистому скользкому дну. Живо помню, как, засучив порточки, бреду по бегущей воде и, осторожно отвалив на дне плоский камень, в облачке поднявшейся легкой мути вижу притаившегося клещатого рака. Тихонько подвожу руку, хватаю пальцами за черную крепкую спинку сердито растопырившегося рака, кладу в мешок.

Темными летними ночами мы ловили раков на песчаных отмелях в пруду. С пучком полыхавшей сухой березовой лучины осторожно обходили отмели, руками брали на освещенном дне подползавших к берегу раков. Эта ночная охота доставляла нам большое и радостное удовольствие.

Поздненько осенью, когда вода в пруду становится прозрачной и длинны, темны осенние ночи, отец брал меня иногда на охоту с «подсветом». С острогами в руках мы выезжали на лодке-плоскодонке. На носу лодки, в железной рогатой «козе» ярко горели смолистые сосновые дрова. Лодка тихо скользила по водной недвижной глади. Полыхал и дымил на носу лодки костер, озаряя нависшие над водой ветви кустарников и деревьев, заросшее водорослями дно пруда. Глазам открывалось

подводное сказочное царство. У песчаного, освещенного костром дна мы видели длинные тени крупных спящих рыб. Нужна хорошая сметка, точный глаз, чтобы заколоть острой в воде спящую рыбу. Заколотых рыб стряхивали с остроги на дно лодки. Попадались широкие лещи, длинные щуки, язи, скользкие налимы. Навсегда запомнилась эта ночная охота. Неузнаваемым казался знакомый пруд. Проездив всю ночь, мы возвращались с добычей. Не столько добыча, сколько сказочная картина освещенного костром дна радовала меня и волновала.

Зимой мы ловили в реке налимов. Отец перегораживал заколами покрытую льдом неширокую реку, ставил в заколах прутьяные верши — «норотá». По утрам мы ходили осматривать заколы. В вынутых из воды вершах — норотáх — извивались мокрые иззелена-черные пузатые налимы. Уху из налимов варила в русской печи мать. Кому из вас приходилось есть уху из налимов, отведать вкуснейшую налимью вареную печень?

Хорошо запомнился и зимний подледный лов рыбы в пруду. Веселой артелью собирались из деревни знакомые мужики. Блестели снега, яркое светило солнце. В покрытом сверкающим снегом льду пешнями прорубали глубокие, наполнявшиеся водою лунки, выгребали из лунок на снег осколки прозрачного голубоватого льда. В широкую треугольную прорубь спускали крылья невода с привязанными к длинным веревкам гладко обструганными шестами. Эти шесты проталкивали под водой от лунки к лунке железными баграми, тащили за веревки широко раскрывавшийся своими крыльями невод.

Мокрый невод вытаскивали в конце тони. Из воды показывались крылья невода с берестяными поплавками и глиняными грузилами на верхнем и нижнем веревочных шнурах. В ячейках невода серебром блестела мелкая

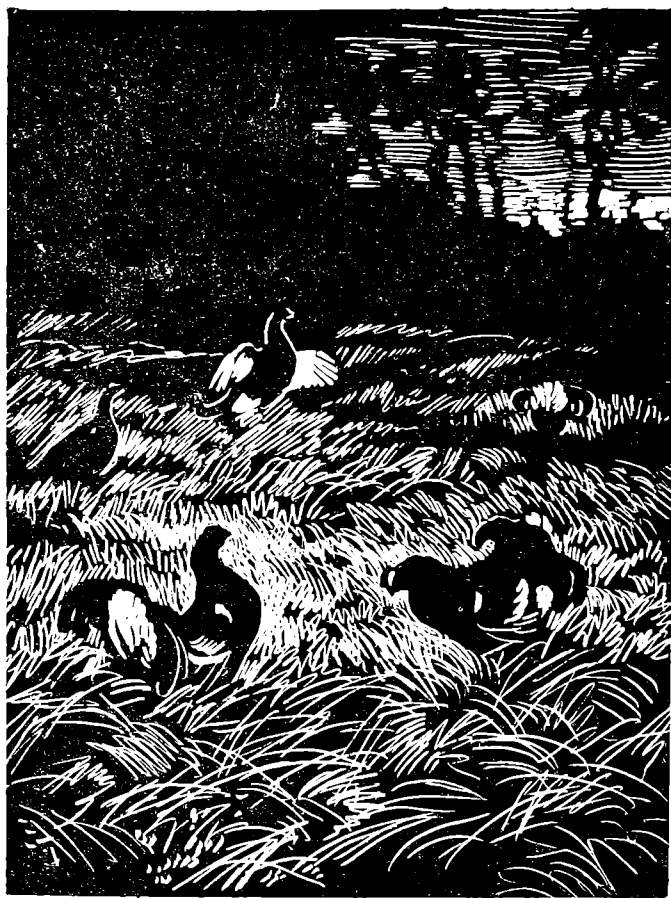
рыбешка — подлещики и плотички. Бережно вытаскивали на лед наполненную мотню с трепыхавшимися широкими золотисто-серебряными лещами и другой крупной рыбой. Мне навсегда запомнился зимний день, рыбная ловля, веселые мужики, делившие на льду добычу.

Зимою и летом, осенью и весной в свободное время мы неизменно занимались охотой и рыбной ловлей. Помню весенние вечера, березовые перелески, тонкие ветви берез над моей головою, звонкий свист дроздов и кукованье кукушек. С ружьями в руках мы стоим на весенней тяге. За рекою над лесом закатывается солнце. Слышно, как дышит, пробуждается после долгого зимнего сна земля, покрытая прошлогодней опавшей листвою, сквозь которую уже пробиваются зеленоватые стрелки оживших растений. В весенних прозрачных лужах, где золотистыми пуховками цветут кустики ивы, страстно турлычат лягушки.

Над кружевными макушами берез, покрытых смолистыми раскрывшимися почками, в лучах заходящего солнца показывается первый вальдшнеп. Слышно хорканье, звонкое цвирканье. Забирая крыльями, вальдшнеп пролетает над моей головою. Быстро поднимаю ружье, стреляю. Цепляясь за ветви, падает на землю застреленная птица.

Как многие старые и настоящие охотники, я уже давно не беру в руки ружья, но, разумеется, в душе остался прежним страстным охотником. Так же волнуют меня весенние радостные зори, запахи земли, далекое бормотанье тетеревов. Я без ружья хожу в лес, слушаю знакомые звуки земли, печальное и радостное возникает во мне чувство. Все, что совершается в природе, неотделимо от моей человеческой жизни. Молодые, счастливые слышатся в лесу голоса: это поют, пересвистываются вернувшиеся на свою родину птицы.

ЗВУКИ ЗЕМЛИ

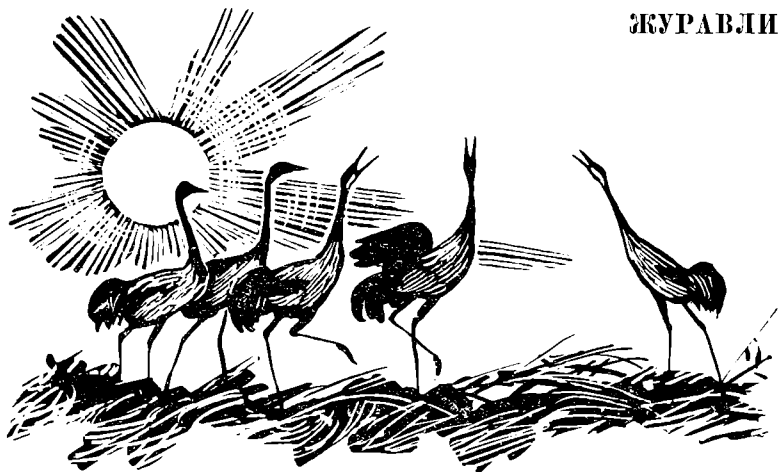
Прислушайтесь хорошенько, стоя в лесу или среди пробудившегося цветущего поля, и если у вас сохранился чуткий слух — вы непременно услышите эти чудесные звуки земли, которую во все времена люди так ласково называли своей родной матерью-землею. Будь это журчание весеннего ручейка или нахлест речных волн на береговой песок, пение птиц или гром отдаленной грозы, шелест цветущих луговых трав или треск мороза в зимнюю ночь, трепетанье зеленой листвы на деревьях или треск кузнечиков у протоптанной луговой тропинки, взлет жаворонка и шум хлебных колосьев, тихое порханье бабочек — все это бесчисленные звуки земли, слышать которые городские, оглушенные шумом машин, люди отвыкли. Тем радостнее такому человеку, еще не совсем утратившему чувство родной природы, побывать в лесу, на реке, в поле, набраться душевных сил, которые, быть может, всего нам нужнее.

Для земледельцев и нас — бывалых охотников — звуки земли драгоценны. Перечислить их, пожалуй, невозможно. Они заменяют нам музыку, и не из этих ли звуков возникло лучшее, что запечатлелось в песнях и музыкальных великих творениях.

Я вспоминаю теперь звуки земли, некогда радовавшие меня в детстве. И не от тех ли времен осталось лучшее, что заложено в моей душе? Вспоминаю лесные таинственные звуки, дыхание пробудившейся родной земли. И теперь волнуют и радуют они меня. В ночной тишине еще отчетливее слышу дыхание земли, шелест листка над поднявшимся из земли свежим грибом, трепетание ночных легких бабочек, крик петуха в ближней деревне...

А как хорошо, незабвенно каждое новое утро! Еще до восхода солнца просыпаются, начинают радостно петь птицы. Спят в каменных домах люди, редкая про шумит

машина, но уже полнится жизнью пробудившийся лес, полною грудью дышит земля. В природе нет ничего музыкальнее наступающего раннего утра. Еще серебристее звенят ручьи, душистее пахнут лесные травы, и чудесный их аромат как бы сливается с музыкальной симфонией утра.

В далеком детстве с особенным радостным чувством встречали мы весною журавлей, возвращавшихся на свою родину. Услышав их голоса, доносившиеся с высокого неба, мы оставляли наши игры и, подняв головы, глядели в голубую небесную высь.

— Журавли! Журавли! — громко кричали мы, радуясь прилету весенних гостей.

Журавли летели стройными косяками. Они возвращались из далеких теплых стран. Покружив над болотом или берегом реки, они иногда садились, чтобы отдохнуть и подкрепить свои силы после далекого пути.

Во время прилета журавлей уже оживала, теплым ды-

ханием дышала земля. На полях, поднимаясь в небо, трепеща крылышками, заливались песнями жаворонки, цвела черемуха, над золотыми пуховками ивы гудели пчелы. Журавли летели на север к знакомым родным болотам, где каждый год они выводили и выращивали своих долгоногих птенцов.

Уже поздней осенью, когда с деревьев опадал золотой и багряный лист, журавли возвращались на юг. Они летели такими же стройными косяками, и нам казались печальными прощальные их голоса.

— Прощайте!.. Прощайте!.. — кричали нам с неба улетающие журавли.

Некогда мне довелось близко наблюдать журавлей. Я охотился на глухаринем току возле большого зыбкого, почти непроходимого болота. Ночуя в лесу, много раз на рассвете я слышал, как водят хороводы, громко кричат на болоте журавли. Пробравшись к болоту, спрятавшись в густых кустах, я наблюдал в бинокль за журавлями. Собравшись в широкий круг, размахивая сильными крыльями, журавли трубили и плясали. Это был весенний свадебный журавлиный праздник. Я не тревожил журавлей, готовивших свои семейные гнезда. В летние и осенние ясные дни в поисках корма журавли вылетали с болота на соседние крестьянские поля, бродили по ним вместе с деревенским стадом.

Пойманного молодого журавля очень легко приручить. Ручные журавли ходят вместе с курами и другими домашними птицами. В прежние времена таких ручных журавлей нередко держали для охраны домашних молодых птиц. Зоркий наблюдательный журавль не позволял крылатому хищнику — ястребу или вороне — убить или похитить цыпленка. Ступая на длинных своих ногах, одним глазом все время поглядывал ручной журавль в небо. И, если показывалась хищная птица, издавал

тревожный крик, который куры, индюшки, цыплята хорошо понимали.

Путешествуя некогда по северу нашей страны, на лесном аэродроме, где стояли небольшие самолеты, я увидел ручного журавля. Он безбоязненно ходил по аэродрому, как бы следя за общим порядком. Иногда он улетал в лес на болото и скоро возвращался. Знакомые летчики рассказали мне, что в осенние дни, когда над аэродромом пролетали косяки журавлей, их любимец журавль беспокоился, издавал призывный крик. Журавлиные стаи кружили над аэродромом, и однажды ручной журавль не выдержал — поднялся в небо, улетел на юг вместе с земляками.

ЖАВОРОНОК

Из множества звуков земли: пения птиц, трепетанья листвы на деревьях, треска кузнечиков, журчания лесного ручья — самый веселый и радостный звук — пение полевых и луговых жаворонков. Еще ранней весной, когда на полях лежит рыхлый снег, но уже кое-где на пригреве образовались первые темные проталины, — прилетают и начинают петь наши весенние ранние гости, жаворонки. Столбом поднимаясь в небо, трепеща крылышками, насквозь пронизанными солнечным светом, выше и выше

взлетает в небо жаворонок, исчезает в сияющей голубизне. Удивительно красива, звонка песня жаворонка, приветствующего приход весны. На дыхание пробудившейся земли похожа эта радостная песня.

Многие великие композиторы в своих музыкальных произведениях старались изобразить эту радостную песню. Даже неопытные городские люди, живущие далеко от природы, выезжая за город, слышали веселые песни жаворонков.

Еще в далеком деревенском детстве моем я любил слушать песни жаворонков. Идешь по тропинке во ржи, любуясь синими васильками. Справа и слева взлетают, с песнями поднимаются в небо жаворонки. Чудесной музыкой наполнен небесный простор. Звонко стрекочут кузнечики, на опушке ближнего леса воркуют горлинки. Идешь, идешь, ляжешь спиной на землю, через тонкую ткань рубашки чувствуя материнское ее тепло. Глядишь и не нагладишься в высокое летнее небо, на склоненные над лицом колосья.

С теплой землею связана жизнь жаворонков. На обработанных человеком полях, среди зеленеющих хлебных всходов делают они свои скрытые гнезда, выводят и выкармливают птенцов. Жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, избегают густых, темных лесов. От берегов теплого моря до таежных лесов живут на обработанных человеком полях жаворонки. Над широкой степью, над полями и лугами почти все лето слышны их радостные песни.

В прошлые времена, в весенний праздничный день, матери наши пекли в русских печах слепленных из теста жаворонков. Мы радовались русскому весеннему празднику. С жаворонками в руках весело выбегали на берег реки смотреть, как пробуждается земля, слушать весенние ее звуки.

О соловьях, о их пении рассказано и написано так много, что трудно сказать новое, никому не известное. Кто не слышал соловьиного пения, не удивлялся силе голоса маленького лесного певца?

Несколько лет назад у самого крыльца нашего лесного домика в кустах черемухи каждую весну распевал соловей. Я присаживался на ступеньку, закуривал трубочку и слушал. Иногда нам удавалось близко видеть певца. Соловей обычно сидел на низкой ветке черемухи, скрытой зеленой молодой листвою. Видно было, как дрожит тельце маленького невзрачного певца.

Было трудно понять, откуда у крошечной птички такая необычайная сила голоса. Он пел почти без перерыва всю ночь, и чудесное пение далеко разносилось по округе. В те времена мы не держали кошек, и наш певец чувствовал себя в безопасности. Людей он почти не боялся. Вместе с маленьким моим внуком, случалось, мы подходили к нему вплотную.

Хорошо известно, что соловьи поют неодинаково. Есть отменные, особенно талантливые певцы. Есть певцы поплотнее и послабее. Наш соловей был, по-видимому, из опытных старых певцов. У таких старых соловьев учатся петь молодые. Когда-то соловьиное пение очень ценилось.

На Руси были большие знатоки этого пения. В давние годы особенно славились курские и киевские соловьи. За отменных певцов богатые люди — купцы и помещики — плачивали до тысячи рублей. Их держали в особых клетках с полотняными потолками, кормили муравьиными яйцами, которые собирали в лесу в пустые бутылки.

Пойманный соловей быстро привыкал к людям и в жилище человека пел так же громко и краснво, как пел некогда в лесу.

Я и теперь люблю слушать соловьев, хотя у самого нашего домика давно нет знакомого нам певца. По-видимому, гнездо соловья разорили кошки, которых пришлось завести в доме, так как в комнатах и в подполье развелось много мышей.

Теперь я хожу слушать соловья на край березовой рощи, окружающей наш дом. Особенно нравится мне ночное пение соловья, когда над головою светят звезды и все в лесу примолкает. Хороша и вечерняя и утренняя песни соловьев, радостно встречающих вместе с другими птицами восход солнца.

Вам, наверное, известно, что немудреные свои гнезда соловьи вьют на земле под кустами. Домашним кошкам и лесным хищникам легко разорить соловьиное гнездо. Соловьи живут в старых усадебных парках и даже в городах, где есть деревья, вода и заросли кустарников.

В Ленинграде я слушал соловьев в парке Победы на шумном Московском проспекте. Там соловьи пели и гнездились на небольших заросших кустарником островках, со всех сторон окруженных водою. Ни кошке, ни человеку на эти островки проникнуть невозможно.

Соловьи широко распространены по всей нашей русской земле, где есть сады, рощи, вода и поля. Вряд ли

есть на всей земле другая птица, умеющая так звонко и красиво петь, как поет наш русский соловей.

Забыть не могу, как однажды возвращался я с весенней охоты по старому Ладожскому каналу. На утреннем рассвете старый маленький пароходик тихо плыл по каналу, берега которого заросли густыми кустами. Боже мой! сколько собралось здесь соловьев! Казалось, мы двигались по нескончаемой соловьиной дороге. Я сидел на палубе парохода и слушал хор соловьев. Голоса бесчисленных соловьев звучали справа и слева, сзади и впереди тихо плывшего парохода. Такого количества соловьев мне еще не приходилось слышать, и я навсегда запомнил — весеннее раннее утро, мое возвращение с охоты, звонкую соловьиную дорогу.

Весной соловьи прилетают, когда начинает одеваться лес, цветет черемуха. Первыми прилетают самцы соловьев. Темною ночью они селятся в кустах, по берегам рек, на опушках березовых рощ, в садах и парках. Приванивая соловьев-самок, они поют всю ночь непрерывно. Усладя сидящих на гнездах самочек, самцы-соловьи поют долго, до лета. В самое это время искусные ловцы ночью ловили в сети доверчивых певцов. Поймать соловья нетрудно. Нужно терпение, опыт и некоторая охотничья смекалка.

Теперь уже не держат в клетках соловьев. Но все же приятно послушать пение соловья, вырвавшись на денек из городского громкого шума.

Рассказывая о соловьях, не могу не вспомнить об удивительном случае, происшедшем прошлой весной. В день моего рождения, утром, под окно моей комнатки прилетел и долго пел соловей. Мы слушали прилетевшего поздравлять меня соловья и дивились. Появление соловья в памятный день было лучшим подарком.

Из всех певчих птиц, пожалуй, самая близкая к человеку птица — это скворец. Кто не видал, не знает скворцов, не слушал их весеннего пения? С незапамятных пор русские люди устраивали для скворцов деревянные домики-скворешни, украшали их затейливой резьбой, укрепляли под крышами своих домов, подвешивали на шестах и стволах деревьев.

Прилетают скворцы ранней весной, когда еще лежит кое-где на полях снег. Прилет скворцов — верный признак близкой надежной весны. После прилета скворцы начинают торопливо устраивать свои гнезда. Смотришь, бывало, как чистят они домики-скворешни, как носят в клювах былинки и мягкую подстилку, устраивают гнездо.

Сидя на сучке дерева или на прикрепленной к скворешне ветке, трепеща черными крылышками, самец распевает по утрам и вечерам свои звонкие песни. Хороша весенняя песня скворцов. Бодрой радостью звучат их голоса.

Каких только звуков не услышишь в скворцовой песне! Скворцы умело подражают голосам многих птиц. То вдруг пустит скворец соловьиную звонкую трель, то закрикает дикой уткой. Русские деревенские люди любят

слушать скворцов. Скворцы служат образцом доброй трудолюбивой семейной жизни. Скворец и скворчиха вместе устраивают свое гнездо, выкармливают птенцов. Сидящую на гнезде скворчиху самец услаждает звонкими песнями.

Я очень люблю скворцов, всегда любовался их жизнью, с удовольствием слушал их весенние песни. Вокруг нашего лесного домика я поставил несколько скворешен. Каждую весну в них поселяются скворцы. Одна скворешня привязана низко у крыльца домика, и я близко наблюдаю хлопотливую жизнь ее жильцов. Прилет и песни скворцов совпадают с весенним пробуждением земли, радостными звуками вливается их песня в симфонию жизни. Поют в лесу дрозды, воркуют дикие голуби, кукуют кукушки, заливаются над полями веселые жаворонки, но ближе всех к жилищу человека поют скворцы. Уже оделся зеленой листвою лес, появились на пригреве первые лесные цветы, а все еще поют и поют скворцы у нашего домика.

Сидящего у скворешни скворца хорошо можно разглядеть, его черные с зеленоватым отливом перышки, трепещущие кончики крыльев. Скворцы мирно и дружно живут между собою. Как-то я наблюдал, как скворцы и скворчихи из соседних скворешен подлетали к скворчине домику, в котором уже вывелись маленькие птенцы. Они заглядывали в чужой домик и, казалось, поздравляли счастливых родителей.

Скворцы никогда не остаются без дела. Я всегда любил наблюдать их веселую трудовую жизнь. Они оберегают наши поля, огороды, сады, являются верными друзьями человека. Весь день скворцы бегают в саду по дорожкам, заглядывая под каждый листик, охотятся в поле, в лесу, на пашне, собирают для птенцов корм. Трудно подсчитать, сколько скворцы уничтожают вредных насекомых,

червей и личинок. То и дело прилетают они к скворешнику с добычей в клюве. Своих родителей молодые скворчата встречают шумной радостью. Даже в самые хлопотливые дни выкармливания птенцов самец ухитряется петь. В вечерний час, перед сном, он садится на ветку у своей скворешни и начинает звонко и радостно петь. Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов трудно увидеть: они живут в густых лесах.

Разумеется, у скворцов есть враги. Их обижают многие хищные птицы. В низко поставленные скворешни забираются нередко домашние кошки, лапой вытаскивают маленьких скворчат.

Как многие перелетные птицы, поздней осенью скворцы отлетают на юг. Они не улетают в далекие жаркие страны, зимуют на юге нашей страны, на побережье Каспийского моря и в других теплых краях, где не бывает суровой зимы. Осенью, собираясь к отлету, как бы желая проститься с родными местами, скворцы иногда возвращаются ненадолго в свои скворешни, и тогда можно услышать их прощальную знакомую песню.

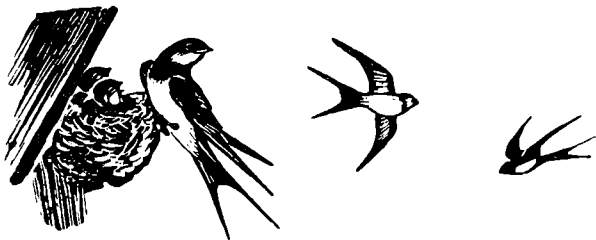
К осени скворцы собираются в многочисленные шумные стаи. Беспорядочным клубком носятся они над полями, садятся на сучья деревьев, на береговой легкий тростник. В полете скворцов есть что-то радостное и веселое. Нередко они ссорятся, но никогда не вступают в жестокие драки.

Густыми стаями, похожими на черное плотное облако, поздней осенью отлетают скворцы на юг. В пути останавливаются, рассаживаются на деревьях или на пашне и скоро опять пускаются в путь. На теплом юге скворцы не расстаются между собою, держатся друж-

ными стайками. Весною скворцы неизменно возвращаются в свои скворешни, безошибочно находя путь.

Молодые пойманные скворцы быстро привыкают к людям. Они живут в клетке по многу лет, летают по комнатам, радуются своему хозяину, доверчиво садятся на его плечо. Я сам никогда не держал ручных скворцов, предпочитая наблюдать их жизнь на воле, слушать веселое их пение, вместе с ними радоваться приходу весны.

ЛАСТОЧКИ И СТРИЖИ

Еще в детстве я очень любил смотреть на веселых быстрокрылых ласточек. Спрячешься, бывало, в жаркий июльский день в высокой дозревающей ржи или на берегу реки в душистой траве посреди нескошенного цветущего луга, глядишь — не нагладишься на голубое летнее небо, по которому тихо плывут пушистые белые облака. Высоко-высоко под облаками кружат, купаются в воздухе белогрудые быстрые ласточки, со звонким свистом проносятся острокрылые стрижи.

Качаются над головою золотые и белые луговые цветы, порхают бабочки, трепещут прозрачными крылышками, недвижно повисая в воздухе, легкие стрекозы, стрекочут кузнечики. А по зеленым стеблям растений

ползают красные и желтые с черными крапинками маленькие жучки божьи коровки. У самых корней растений пробегают по невидимым тропинкам хлопотливые муравьи.

Каждое лето под высоким карнизом дома, в котором проходило мое детство, белогрудые веселые ласточки лепили свои гнезда. Я внимательно наблюдал, как с краев непросохшей лужи носят они в клювах липкую грязь, клеют из нее свои маленькие и опрятные жилища. Любовался потом, как выводят и кормят птенцов. Проснешься на сеновале, где под соломенной крышей на деревянных стропилах касатки слепили из грязи свои открытые, похожие на чашечки гнезда. Нырять в ворота, над самой головою то и дело пролетают длиннохвостые птички. Я близко видел, как, уцепившись за край гнезда, они кормят своих детей, приветствующих родителей веселым и бодрым пискom.

Всем, наверное, хорошо известно, что есть ласточки городские и ласточки деревенские — касатки. Жизнь ласточек связана с жизнью человека. Городские белогрудые ласточки лепят свои уютные закрытые гнездышки под карнизами каменных и деревянных домов. Ласточки-касатки гнездятся под крышами деревенских сараев, хлевов и овинов. Свои открытые, слепленные из грязи гнезда они прикрепляют к деревянным стропилам, к выступам деревянных стен и крыш. Ласточки-касатки ловко ныряют в открытые ворота и двери, в открытые окна пустующих старых построек. И городские и деревенские ласточки питаются исключительно насекомыми. Почти всю свою жизнь проводят они в воздухе — в полете. Широким своим ртом они ловко ловят летающих насекомых.

Особенно красивы деревенские ласточки-касатки. Хвост касатки украшен двумя длинными косицами. Ласточки-касатки умеют красиво петь. Усядется касатка на

конёк крыши, потряхивая косицами, начинает щебетать свою несложную, но очень приятную песенку. Помню — песенку эту, добродушно посмеиваясь над женами, деревенские люди так переводили на человеческий язык:

Мужики в поле, мужики в поле, —
Бабы — за яшенку. . .
Мужики в поле, мужики в поле, —
Бабы — за яшенку. . .

Городские ласточки живут не только в городах, где много каменных домов и построек. Живут они и в деревнях вместе с ласточками-касатками. Между собою ласточки живут в большой дружбе, никогда не ссорятся, никогда не мешают друг дружке строить свои гнезда. Случается, что в гнездо ласточки заберется нахал воробей. Ласточки беспокойно выются вокруг гнезда, стараясь выгнать незваного жильца. Иногда они бросают занятое воробьями гнездо и начинают лепить другое рядом.

Перед переменой погоды, перед грозой ласточки-касатки летают низко над землею. Идешь по дороге в поле, — над самой дорогой быстро проносятся, ловя у земли насекомых, длиннохвостые ласточки-касатки. Часто можно видеть ласточек, летающих над самою поверхностью пруда или широкой спокойной реки. Своей грудкой они касаются воды, оставляя на ней расплывающиеся кружки. Так они купаются и пьют на лету воду. Я не знаю птичек милее наших ласточек. Быстрым полетом своим они оживляют дождливое хмурое или ясное летнее небо. Люди издавна относились к ласточкам с любовью, дали им ласкательное имя.

Кроме городских и деревенских ласточек есть еще у нас ласточки-береговушки. Эти ласточки делают свои гнезда в береговых песчаных крутых откосах, роют в них глубокие норы. Ласточки-береговушки обычно летают

над самой водою. От обыкновенных городских ласточек и ласточек-касаток их можно отличить по сероватому оперению.

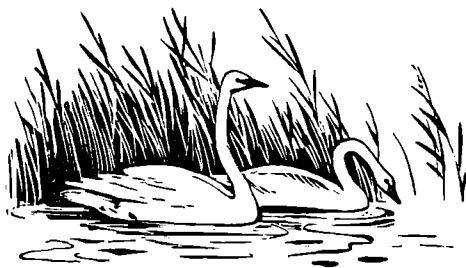
Зимуют ласточки в далекой экваториальной Африке и каждый год возвращаются на свою родину. В конце лета, перед отлетом, они собираются в небольшие стайки, их можно видеть сидящими на телефонных и телеграфных проволочных проводах, на голых склонившихся над водою сучьях. Возвращаются ласточки на свою родину позднее других перелетных птиц. «Ласточка на своем хвосте лето приносит», — говаривали, бывало, на деревне.

Помню, еще в далеком детстве увидел я однажды над крышею нашего дома, стоявшего среди большого леса, метавшихся в беспокойстве ласточек. Они то садились на крышу, то взлетали. Ясно было, что там что-то случилось. Приятель мой — пастушок Сашка — забрался на крышу и увидел, что одна белогрудая птичка застряла лапкой в расщепе деревянной крыши. Другие ласточки беспокоились, старались ее спасти. Сашка снял с крыши застрявшую ласточку, спустился вниз. Мы увидели, что одна лапка сломана, беспомощно висит. Я перевязал тряпочкой лапку, положил ласточку в коробку, наполненную мягкой ватой. Некоторое время эта ласточка жила у меня, потом выпорхнула в окно, и я часто видел ее с повисшей, перевязанной мною сломанной лапкой, когда она подлетала к своему гнезду. Самое удивительное, что эта ласточка на следующее лето вернулась. Я узнал ее по сломанной висевшей лапке. Трудно понять, как многие перелетные птицы, в том числе и ласточки, находят путь к своим старым гнездам. Над лесами, над морями, над высокими горами, над обширной степью они пролетают многие тысячи верст, безошибочно находят место, где когда-то сами родились.

Кроме всем нам знакомых ласточек городских и деревенских можно наблюдать летом в небе быстро летающих черных стрижей. Эти длинокрылые черные птички, со свистом летающие над нашими головами, также всю жизнь проводят в воздухе, на землю никогда не садятся. Если пойманного длинокрылого стрижа посадить на голую землю, он не может взлететь. На коротеньких своих лапках стриж не умеет ходить по земле.

Обычно стрижи живут на высоких церковных колокольнях, на каменных зданиях и высоких деревьях. Чтобы взлететь, стриж падает в воздух из своего гнезда или с высокого карниза, расправляет в воздухе крылья и быстро, стремительно летит. Известно, что стрижи — самые быстрые птицы. Соперников в быстроте полета они не имеют. Прилетают к нам стрижи еще позднее ласточек, а в конце лета исчезают в один день, точно по данной кем-то команде.

ЛЕБЕДИ

Прошло много лет с тех пор, когда почти каждой весной я уезжал охотиться на волховские широкие разливы. Найдя удобное местечко на каком-нибудь островке, окруженном водою, я старательно устраивал шалаш, вытаскивал из воды и прятал в кустах лодку. Выпустив

подсадную утку, забираясь в шалаш и терпеливо ждал добычи. Подсадная ручная утка плавала, охорашивалась и, поглядывая одним глазком ввысь, начинала призывно и страстно крякать. На ее зов откуда-то с небес, свистя крыльями, падали красавцы женихи-селезни, начинали ухаживать за коварно призывавшей их уткой. Выждав некоторое время, я осторожно высовывал из шалаша стволы ружья, прицеливался и стрелял в красавцев селезней-ухажеров. Теперь мне стыдно вспоминать об этой весенней жестокой охоте. Подсадная утка продолжала призывно крякать, а вокруг нее плавали мертвые ее женихи. Я не выходил из шалаша, пока над разливом не поднималось солнце и утренняя охота кончалась.

Засев однажды в шалаш, уютно устроившись, я был удивлен необычайным и еще не виданным мною чудесным зрелищем. Многочисленная стая лебедей, возвращавшихся на север с далекого юга, стала кружить над разливом. Я видел освещенные зарею распахнутые розоватые крылья, длинные вытянутые шеи, слышал их голоса. Лебеди долго и низко кружили над разливом, стали садиться на воду. Еще никогда не видел я такой чудесной, почти сказочной картины. Я сидел на маленьком островке в своем тесном шалаше и затаив дыхание слушал и наблюдал.

Изогнув длинные шеи, лебеди близко плавали вокруг островка. Разумеется, я забыл о ружье и любовался невиданным зрелищем, напоминавшим мне дивные пушкинские сказки. Не замечая меня, лебеди плавали, купались, переговаривались, и я мог близко наблюдать этих чудесных птиц. Я долго не выходил из шалаша, пока по какому-то знаку, шумя крыльями, брызгая водою, лебеди вдруг не стали подниматься и, собравшись в стаю, потянули дальше на север. Я остался с моей подсадной уткой и уже больше ничем не интересовался.

На всей земле вряд ли есть птицы красивее наших северных лебедей. Весною и осенью пролетных лебедей можно видеть у берегов Финского залива под Ленинградом, где иной раз они собираются в большие стаи. Недаром одно из рыбацких селений на берегу залива и теперь называется Лебяжьим. Над берегом моря пролегает воздушный путь птиц. В темные ночи лебеди пролетают над освещенными городами, над широкой Невой и Ладожским озером.

Некогда, уже в давние времена, путешествуя по пустынному Заонежью, где еще не было проезжих дорог, а не тронутые топором и пилою старые деревья умирали своей естественной смертью, на маленьких и больших лесных озерах я не раз любовался гнездившимися там лебедями. Вечером по узкой лесной тропинке я подходил к древней Даниловой пύстыни, где в петровские времена скрывались от гонений раскольники-староверы. Надо мной высились огромные мертвые, пропитанные смолою сосны, с сухими сучьями, обломанными ветром. Как в настоящей сказке, над самой моей головою бесшумно летали огромные филины с кошачьими круглыми головами. Я долго бродил по Заонежью, любуясь древними шатровыми церковушками, расписными могильными крестиками на старых кладбищах, лебяжьими чистыми озерами, встречался с людьми, помнившими старинные русские песни и сказки.

Жители Заонежья, еще сохранявшие быт и уклад старинной жизни, любовно рассказывали мне о лебедях, о привязанности их к родным озеркам, о том, что на каждом озерке живет лишь одна пара лебедей и что других лебедей на свое озерко они не пускают. Рассказывали и о супружеской верности лебедей, о том, что если один лебедь погибнет — другой никогда его не забывает и долго, печально кружит над родным озерком. Лесные жители-

охотники никогда не стреляли прекрасных лебедей, считая убийство лебедя большим грехом. Рука не поднималась и у меня на прекрасную сказочную птицу и за всю мою долгую охотничью жизнь я не сделал ни одного выстрела по лебедям.

Прилет лебедей доводилось мне наблюдать и на далеком севере в Лапландском заповеднике, куда они прилетали в самом начале северной поздней весны. Они грациозно плавали в первых открывшихся полыньях, иногда выходили на покрытый снегом лед, теряя свою грациозность. Весною я один, подобно Робинзону, жил в маленьком домике на берегу озера Чуна и всякий день любовался плававшими в полынье лебедями. Сотрудники заповедника в начале лета находили гнезда лебедей, расположенные в скрытых местах на кочках и островках, окруженных водою. Открытое людьми гнездо лебеди иногда покидали. Молодые, подрастающие лебеди непохожи на взрослых лебедей. Они покрыты сероватым оперением и не так грациозны.

На птичьих зимовках у Ленкорани я наблюдал зимою много лебедей, спокойно плававших по широкому птичьему заливу. В районе заповедника лебеди почти не боялись людей. Молодые, еще не совсем побелевшие лебедята жались к береговым отмелям, мешаясь с другими бесчисленными птицами.

На самый дальний север, на озера полярной тундры, лебеди не долетают. Они гнездятся лишь на лесных закрытых таежных глухих озерах.

Недалеко от Ленинграда, у восточной части Ладожского озера, я знал небольшое глухое лесное озерко, на котором из года в год гнездилась пара лебедей. К сожалению, эту пару убили безжалостные охотники-браконьеры, и лебедей я больше там не видел.

Лето мы проводили на берегу глухой и очень рыбной небольшой реки Жиздры. В старинном сосновом бору там сохранилась большая колония цапель. В отличие от журавлей, живущих на глухих недоступных болотах, цапли обычно гнездятся у берегов рек. Широкие, сплетенные из толстых прутьев гнезда цапли устраивали на самых высоких вершинах вековых сосен. Сколько лет существовала здесь колония цапель? Наверное, еще в давние времена стали селиться в сосновом бору цапли. Под высокими соснами, на которых жили цапли, скопилось много птичьего известкового помета.

Летом взрослые цапли улетали на реку ловить рыбу, приносили из леса в гнезда птенцам живых ужей, которыми изобиловала местность. Я часто видел на берегу реки цапель, неподвижно стоявших над бегучей водой. Они терпеливо ждали добычу. При появлении лодки или идущего по берегу человека — лениво взмахивали широкими крыльями и неторопливо отлетали на другое укромное место.

В отличие от журавлей, цапли плохо привыкают к человеку. Держать их в неволе не доставляет никакого удовольствия.

Однажды в бурную ветреную погоду из гнезда выпал оперившийся, но еще не умеющий летать птенец, почти ничем не отличавшийся от взрослых птиц. Я поймал это-

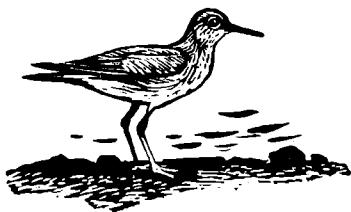
го птенца и, осторожно держа за длинный, острый как шило клюв, принес домой. Золотистые глаза молодой цапли казались недобрыми. Рукою я придерживал клюв пойманной цапли, опасаясь, что она может выколоть мне глаз.

Молодую цаплю я устроил на небольшой застекленной веранде, где в одном углу на охапке сена помещалась моя легавая собака — коричневый пойнтер Фрам. Устроенная в другом углу цапля, казалось, ни малейшего внимания не обращала на Фрама. Она скоро привыкла к своему новому обиталищу и охотно глотала мелкую рыбешку, которую я приносил.

Когда Фраму в глиняной чашке приносили корм и он начинал обглаживать кости, повторялась смешная картина: цапля медленно выходила из своего угла и, не торопясь, направлялась к Фраму. Боже мой, что делалось с бедным Фрамом! Он поднимал на спине шерсть, грозно оскаливал зубы, рычал и лаял. Не обращая ни малейшего внимания на Фрама, цапля медленно приближалась к нему, осматривала его чашку, разбросанные на полу кости, поворачивалась и так же медленно возвращалась в свой угол.

Я не долго держал у себя злую цаплю, опасаясь, что она может поранить доверчиво подходивших к ней детей, выпустил ее на волю. Окрепшая молодая цапля взмахнула широкими крыльями, поднялась над деревьями и скоро исчезла.

Мы долго вспоминали цаплю, злые ее глаза, а добродушный Фрам продолжал поглядывать в опустевший угол, из которого к нему подходила недобрая, пугавшая его цапля.

Из самого давнего детства мне запомнился маленький куличек-перевозчик. Мы жили у берега широкого мельничного пруда. Мать водила меня купать на песчаный отмелистый берег. Раздевшись, я барахтался в нагретой солнцем воде, собирал рбсшую на берегу землянику, в мокрой горстї приносил ее матери. Над гладкой поверхностью пруда, отражаясь в воде, с берега на берег то и дело с криком перелетал, трепеща крылышками, маленький куличек-перевозчик. Мне очень нравился этот веселый куличек.

Вряд ли в птичьем мире есть такое разнообразие видов и пород маленьких и больших птиц, как в обширном семействе куликов. Живут кулики почти повсеместно на севере и на юге. Летом они долетают до самого крайнего севера, до побережья Ледовитого океана, гнездятся и живут в голой тундре. Русский простой народ добродушно относился к веселым быстрым куликам, шутливо говорил: «Кулик не велик, а все-таки птица».

Я не был ученым натуралистом и не знаю названия всех пород и видов куликов. Знаю, что есть совсем маленькие песочники-кулики, бегающие по песчаным берегам наших рек и озер. Есть и крупные кулики, живущие обыкновенно на больших болотах и пескошенных зеленых лугах. Громкий крик этих куликов крестьяне, по-мню, так переводили на человеческий наш язык:

— Жгите сено, жгите сено, новое поспело!

Слова эти обозначали начало покоса, уборки нового сена.

Я уже как-то рассказывал о лесных куликах вальдшнепах, о весенней и осенней на них охоте, о дупелях, о бекасах и маленьких гаршнепах.

К куликам относятся большие и малые кроншнепы, строгие птицы с загнутыми клювами. Застрелить сторожкого кроншнепа удастся не всякому охотнику. Многие из вас, наверное, видели длиннокрылых чибисов, живущих на кочковатых болотах, на вспаханных полях. Махая длинными крыльями, они кувыркаются в воздухе, звонко кричат: «Чьи вы? Чьи вы?» Так переводит народ их громкий крик.

Путешествуя по пустынному Таймырскому полуострову в безлесной голой тундре, где до нас еще не были люди, летом я видел и слышал великое множество куликов. Некоторые из этих куликов мне были совсем неизвестны. Я слушал их странные голоса, раздававшиеся над пустынной тундрой. Небольшие кулички срывались иногда из-под самых моих ног.

В маленьких неглубоких озерах я видел куличков-плавунчиков, близко подходил к ним, любовался, как бойко они плавают меж небольших тростинки, купаются и ныряют. До смелого куличка-плавунчика можно было дотянуться рукою, но он не позволял взять себя в руки и перелетал на новое место. Там же я наблюдал красиво и пышно одетых куликов-турухтанов, в весеннее брачное время устраивавших между собою смешные поединки. Кулички эти носили пышные воротники, и каждый самец куличек отличался особенностью своей брачной одежды.

Множество куликов наблюдал я и на птичьих зимовках на южном Каспии в Кизыл-Агачском заливе. Отлогие

берега залива были исписаны множеством больших и малых птичьих следов. Тут вертелись кулики самых разнообразных видов и пород. Ни малейшего внимания не обращали они на грозных орланов-белохвостов, неподвижно сидевших на берегу залива и ожидавших легкой добычи.

Здесь я видел крупных куликов с загнутыми клювами-носами. Этими изогнутыми клювами они ловко поднимали мягкий ил, разыскивая червей, улиток и насекомых.

Осенью и весной многие породы куликов совершают далекие перелеты. Знакомых нам куликов зимою видят на берегах рек и озер центральной Африки. Поразительны перелеты кочующих птиц, их умение безошибочно находить дорогу к местам своих гнездований.

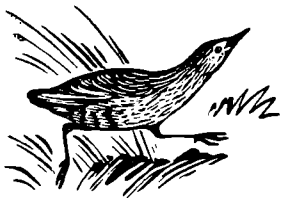
У берегов Земли Франца-Иосифа однажды мы высадились из шлюпки на небольшой отлогий островок, покрытый гнездами гаг. Известно, что крупные гаги устилают свои гнезда легким и мягким пухом, который самки гаг выщипывают из своей груди. Слетая с гнезда, гага прикрывает яйца этим теплым пухом.

На маленьком островке кроме гагачьих гнезд оказалось множество гнездившихся крачек — небольших птиц, похожих на чаек. Птицы эти близки к породе куликов. Они храбро вились над нашими головами, садились на наши шапки, стараясь защитить свои гнезда. Ученые-зоологи рассказывали мне, что маленькие крачки каждый год совершают далекие путешествия в южное полушарие, перелетают экватор. Весною вновь возвращаются на берега холодной арктической земли.

О куликах и близких к ним птицах рассказать можно многое. Я ограничиваюсь тем, что пришлось видеть самому. Бродя в юности с охотничьим ружьем, я любовался веселыми куликами, следил за их жизнью. Кроме

вальдшнепов, дупелей, бекасов и гаршнепов я не убивал маленьких куличков, оживлявших родной пейзаж. Из всех больших и малых куликов мне больше всех запомнился виденный в детстве куличек-перевозчик. Я и теперь иногда вижу его во сне, просыпаясь, невольно радостно улыбаюсь.

ДЕРГАЧ

Почти все лето возле нашего карачаровского домика на клеверном поле кричал дергач-коростель. По ночам я выходил на дорогу слушать его бодрый крик. Случалось, я подходил совсем близко. Влажный хриплый крик раздавался почти у самых ног. Я долго слушал громко звучащий в ночной тишине голос дергача, думал, что такой же крик, наверное, раздавался тысячу и десять тысяч лет назад, быть может и в те времена, когда еще не было на земле человека.

Звездное небо широким шатром простиралось над моей головою. Казалось, я слышал живое дыхание земли. Я смотрел на звезды, на их тихий свет, и радостное чувство близости к матери-земле наполняло меня.

В хриплом крике дергача есть что-то гордое. Всю ночь

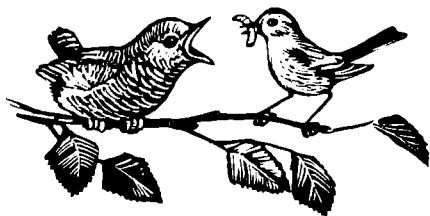
дергач кричит неустанно, прославляя земное бытие. Я всегда любил этот, с детства знакомый мне, бодрый крик. Теперь вспоминаю — росистое раннее утро, легкий туман, расстилавшийся над лугами, крик дергачей. Вспоминаю мое детство, журчание чистой воды в маленькой речке, звуки пастушьей трубы пастуха Прокопа, выгонявшего на росу деревенское стадо. Вспоминаю восход солнца, пение птиц, торжественным гимном встречающих этот восход. Из множества звуков земли крик скрытного дергача казался мне самым таинственным, сказочным звуком.

Редко кому удастся увидеть близко быстроногого юркого дергача, живущего в не́кости — высокой нескошенной траве — или в мелких зеленых кустарниках. Даже охотничьей легавой собаке не всегда удастся заставить взлететь юркого дергача.

Летает дергач неумело. Смотришь, бывало, на летящего над травой дергача, на его вытянутую шею, висящие длинные ноги, короткий хвост и удивляешься неловкому его полету.

О коростелях-дергачах рассказывают, будто весной и осенью они пешком совершают далекие путешествия. Осенью убегают в жаркие страны и весной возвращаются в родные края. Не очень верю таким рассказам. Да и трудно поверить, что небольшая быстроногая птица может пешком добежать до берегов знойной Африки. Никто никогда не видал отлетающих на юг дергачей. Наверное, далекие путешествия свои совершают они в темные ночи, бесшумно и низко летя над землей.

У русского коренного человека, жизнь которого была связана с родной землею и ее живой природой, ночной мирный крик дергача неизменно вызывает поэтическое и радостное чувство.

В ольховых кустах на берегу ручья мы нашли гнездышко каких-то маленьких птичек. Птички метались над нашими головами и жалобно пищали. В гнездышке мы увидели четыре небольших, усеянных крапинками яичка и одно довольно большое яйцо, совсем непохожее на маленькие яички.

— Наверное, это яйцо положила в гнездышко кукушка, — сказал я своему внучонку Саше. — Давай заметим это гнездо и будем за ним внимательно следить.

Мы часто навещали знакомое гнездышко. Казалось, птички привыкли к нам и уже не так испуганно пищали, кружась над нашими головами. Скоро из насиженных яиц стали вылупляться голенькие птенцы: четыре маленьких и один покрупнее. У всех птенцов были желтые мягкие клювы, которые они широко разевали, когда мы приближались к гнезду. Мы наблюдали, как родители кормят птенцов, принося в клювах насекомых, извивавшихся червячков и гусениц.

Мы тоже пытались подкармливать птенцов, накалывая на тонкий прутик мошек и червячков. Мы клали угощение в их широко раскрытые клювы. Особенно много ел и быстро вырастал обжорливый кукушонок. Я рассказал внуку о том, что кукушка, единственная из всех птиц, подкладывает свои яйца в чужие гнезда и никогда сама

не выкармливает своих птенцов. Снеся на земле яйцо, самка-кукушка в клюве или в лапках переносит и кладет его в чужое гнездо. Доверчивые родители высидивают и усердно кормят своих родных птенцов и прожорливого подкидыша-кукушонка. Обычно бывает так, что, быстро подрастая, кукушонок выталкивает из тесного гнездышка маленьких птенцов и остается в гнезде один. Родители погибших птенцов продолжают его усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит.

Мы долго наблюдали за гнездышком, в котором рос и толстел подкидыш-кукушонок. Однажды, подойдя к гнезду, мы увидели, что в нем остались кукушонок и два маленьких захудалых птенца. Оперявшийся кукушонок, по-видимому, вытолкнул из гнездышка своих маленьких собратьев: в траве под кустами мы нашли двух мертвых птенцов.

— Давай возьмем кукушонка и оставим в гнездышке маленьких птенцов, — сказал мне внук.

Так мы и сделали. Мы вынули из гнезда теплого кукушонка и принесли домой. Я посадил кукушонка в старое птичье гнездо, которое хранилось у меня на книжной полке. Кукушонок уютно устроился в чужом гнезде. Каждый день мы с внуком кормили его гусеницами, мухами и жучками, накалывая их на вязальную спицу. Кукушонок приветствовал нас, махал отставшими крылышками и широко разевал свой уже окрепший клюв. Скоро он стал выползать из гнезда и однажды свалился с полки на мягкий диван. Вместе с гнездом мы посадили его в пустую клетку, в которой жил когда-то наш снегирь.

К концу лета кукушонок стал похож на взрослую кукушку. Иногда мы его выпускали, и он летал по комнате, садился на полки, на стол, с удовольствием глотал сырое рубленое мясо и ловил живых мух. Кукушонок оказался очень прожорливой, нечистоплотной и беспокойной

птицей. Летая по комнате, он забирался на полки, пачкал корешки книг, по утрам просыпался очень рано, мешая мне спать. Я не знал, как нужно приручать и воспитывать в неволе кукушек, и мы решили выпустить кукушонка на волю. Мы вынесли его на лесную опушку, подбросили в воздух. Он повис в воздухе, махая крыльями, и, будто прощаясь с нами, сделал над головами круг, поднялся высоко и исчез за деревьями.

Больше мы не видели нашего кукушонка. Кто знает — быть может, на другой год он прилетал в родные места. Весною мы слышали кукованье у самого нашего домика и говорили:

— Не наш ли это прилетел и приветствует нас кукушонок? ..

ДЯТЛЫ

В мартовский ясный день идешь, бывало, по тихому лесу и вдруг остановишься: над самой твоей головою звучит громкая барабанная трель.

Городской неопытный человек, пожалуй, подумает, что над его головою скрипит дерево. Нет, это не скрип дерева. Прислушайтесь хорошенько: там и там звучат в лесу барабаны. Так лесные барабанщики-дятлы

праздничной барабанной трелью приветствуют приход весны.

Зиму и лето живут в наших лесах барабанщики-дятлы. Много пользы приносят дятлы лесу. Под корой больных деревьев ищут они вредных насекомых, уничтожают червячков, личинок. В стволах старых деревьев крепкими клювами они выдалбливают глубокие дупла, устраивают в них свои гнезда, выводят птенцов.

Летом на вершине сухого звонкого дерева можно увидеть барабанщика-дятла. Сидя на стволе дерева, часто-часто барабанит он своим крепким клювом, над макушами леса раздается барабанная бодрая трель.

Еще зимою в лесу мы нашли мастерскую дятла. В развилине старого пня торчала еловая шишка. А внизу на снегу лежала целая куча расклеванных шишек.

Я показал лесную мастерскую внучонку Саше и сказал:

— Все это наделал большой пестрый дятел. Он та-скает сюда и долбит шишки. Чтобы удобнее добывать из шишек семена, он устроил себе верстак.

Мы спрятались за большим деревом, стали ждать. Скоро прилетел дятел. В лапках он держал тяжелую шишку и ловко вправил ее в свой верстак. Вправил и стал долбить клювом. Во все стороны полетели смолистые чешуйки.

Летом возле нашего домика мы нашли гнездо дятлов. Птенцы жили в дупле старой осины. Когда к дуплу подлетали взрослые дятлы, молодые поднимали громкий крик и высовывали из дупла носатые головы в красных платочках.

Когда пришло время, молодые дятлы вылетели из гнезда. Мы услышали отчаянный крик и стали тихонько подходить. Молодые, уже оперившиеся птенцы сидели вокруг дупла на деревьях и кричали изо всех сил.

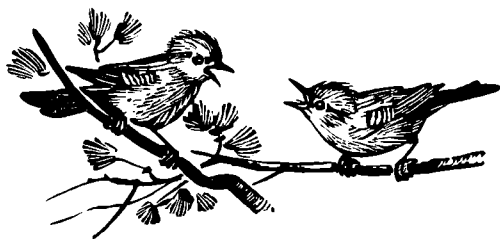
Наверное, им было страшно вылетать первый раз из родного гнезда. Они испуганно и жалостно звали своих родителей на помощь.

Кроме больших и малых пестрых дятлов живут в наших лесах черные красноголовые крупные дятлы. В народе такого черного дятла называют желною. Они перелетают с дерева на дерево, и далеко слышен их громкий знакомый крик.

Есть еще в наших лесах зеленые дятлы. Питаются зеленые дятлы муравьиными яйцами. Бродя с ружьем по лесам, много раз видел я этих зеленых дятлов. Зарывшись в высокую муравьиную кучу, они вылетали у моих ног и, низко летя над землею, исчезали в глубине темного леса.

Теперь у лесного нашего домика зеленых дятлов я больше не вижу. Не вижу и муравьиных высоких куч. Быть может, зеленые дятлы переселились в безлюдные места, где их никто не тревожит и где сохранились еще муравьиные кучи.

СОЙКИ

Это было ранней весной. Лес еще не успел одеться. Мы шли в лесу по нашей тропинке. Вдруг послышались тихие, незнакомые и очень приятные звуки. Было похоже, что в глухом лесу собрались настоящие музыканты,

играют на флейтах, фаготах и еще каких-то диковинных инструментах.

Прячась за деревьями, мы увидели много рыжеватых соек. Усевшись на сучках деревьев, сойки пели и щебетали. Раньше мы не знали, ни от кого не слышали, что беспокойные крикливые сойки умеют красиво петь и даже устраивать концерты. Обычно их можно видеть на лесных дорогах и опушках. Заметит сойка собаку или человека и, перелетая с сучка на сучок, издает резкий, тревожный и неприятный крик. По этому крику звери и птицы узнают о близкой опасности, стараются поскорее укрыться.

А тут поют!

Подкравшись тихонько, мы стали слушать лесную музыку, любоваться веселыми нарядными музыкантами.

Неожиданно лесной концерт был испорчен. По нашим следам примчался мой охотничий пес Фомка. С высунутым мокрым языком он стал носиться под деревьями и распугал соек. С тревожным криком они разлетелись.

Мы очень рассердились на глупого Фомку.

ЩУР

Я никогда не был большим любителем содержания птиц в неволе, но иногда зимою у меня жили лесные певчие птицы. Случалось, я держал веселых чижей, всю

зиму летавших свободно по комнатам нашей квартиры, радовавших меня веселыми песнями. Жили у меня краснозобые и важные снегири, нарядные и хлопотливые щеглы, но больше всех полюбился некогда живший у меня шур — веселая птичка с нарядной брусничного цвета грудью.

Гнездятся шуры в глухих лесах нашего севера и только зимою прилетают в наши подгородные леса. Шур — очень добродушная и милая птичка. Живя в безлюдных местах, человека он почти не боится. Даже самым неопытным птицеловам удастся ловить зимою прилетевших шуров, идущих на самую бесхитростную приманку.

Обычно шуры зимой держатся небольшими дружными стайками. Бывало так, что к накрытым ловчею сетью шурам добровольно забирались оставшиеся на свободе их верные товарищи-друзья. Пойманный шур очень быстро привыкает к неволе и своему заботливому хозяину, который кормит его сушеными ягодами, тертой морковкой и семенами. Тихое пение шура похоже на звук маленькой флейты.

Мой шур жил в небольшой клетке, подвешенной над окном. Клетка всегда была открытой, и шур мог летать по комнате свободно. Он сам прилетал в клетку, где лежал приготовленный для него корм. Особенно любил шур кедровые вкусные орешки. На моем письменном столе всегда лежало несколько таких круглых орешков.

Щурка — так мы все его называли — садился ко мне на стол, я в пальцах раздавливал орешек и кормил его с ладони. Он очень любил сидеть на ветвистом лосином роге, прибитом к стене над моей головою. На этом лосином роге висели мои охотничьи ружья и охотничьи принадлежности: патронташи, сумки, бинокль.

Щурка очень любил купаться. Каждый день я ставил на пол небольшую ванночку с чистой водою и любовался, как радостно купается щур. Искупавшись и отряхнувшись, закусив сладким орешком, он усаживался над моей головою и начинал тихонечко петь. Под его лесную тихую песенку мне было приятно писать рассказы о моих лесных похождениях, о радостных встречах.

• Он часто присаживался на мой стол, и каждый раз я угощал его сладким орешком. Иногда Щурка садился на мою пишущую машинку, глядел на меня, как бы желая сказать ласковое и доброе словечко на птичьем своем языке.

Щур очень радовался, когда после прогулки я возвращался в свою рабочую комнату. Случалось, он садился на мое плечо и опять взлетал на свое любимое местечко — на ветвистый лосиный рог.

Так мы прожили почти целую зиму. Однажды, перелетая с лосиного рога в клетку, щур вдруг упал на пол, забился крылышками, и мне показалось, что он умирает.

Я поднял его с пола, положил на ладонь. Он скоро опомнился, пришел в себя и стал летать, по-прежнему петь и весело купаться.

Болезненные припадки повторялись все чаще и чаще. Я догадался, что причиною припадков были любимые щуром кедровые орешки. Питаясь маслянистыми орешками, он ожирел, и это явилось причиной его болезни. Пришлось посадить щура на строгую диету, кормить тертой морковкой и сушеными ягодами. После такого лечения щур скоро оправился, и болезненные припадки больше не повторялись.

Я знаю, что щуры плохо переносят неволю, не живут долго в клетке, и решил выпустить Щурку ранней весной. Когда лес готовился одеваться, я вынес Щурку на опушку и выпустил на волю. Он сел на сучок ближнего

дерева и, как бы прощаясь со мною, запел свою тихую песенку.

Признаюсь, мне было очень жалко моего друга щура и горько с ним расставаться. На прощанье я помахал ему рукою, и он скрылся в вершинах густого темного леса.

Не знаю — мог ли он привыкнуть к лесной свободной жизни после моей теплой комнаты и сытного корма. Очень возможно, что он погиб в холодном незнакомом лесу. А может быть, благополучно встретился со своими земляками-щурами.

УДОД

Доводилось ли вам видеть или слышать эту удивительную птицу, столь непохожую на всех других наших лесных птиц? Ночуешь, бывало, весною у костра в лесу или на лесной вырубке возле большого пустынного глухаринного болота. В глухую полночь примолкают все певчие птицы. Изредка гугукнет и замолчит сова, страшно ухнет ушастый филин. Тихо потрескивает костер. Колышутся над костром освещенные пламенем густые еловые лапы-ветви. Петрожная окружает вас тишина.

В этой глухой полуночной тишине слышится неумолкаемый и таинственный голос. Этот таинственный голос точно выговаривает колдовские и недобрые короткие слова:

— Худо тут! Худо тут! Худо тут! Худо тут!

Суеверный незнающий человек, пожалуй, может испугаться: так загадочно звучат эти слова. Ночной колдовской голос принадлежит удодам.

Живут удоды в глухих лесных местах, на песчаных вырубках, где земля неродима. Нередко живут они и на старых заброшенных деревенских кладбищах, где под деревьями, над холмиками забытых могил стоят покосившиеся деревянные кресты.

Быть может, поэтому в народных повериях удод считается зловещей птицей, предсказывающей человеку смерть. Селиться и жить там, где живут удоды, человеку не годилось.

На песчаных лесных дорогах, у деревенских околиц нередко можно было видеть сидящих на изгороди удодов.

Похож удод на сказочную птицу: с высоким хохлом на голове, с пестрым, песочного цвета оперением и крепким черным клювом. Сказочная птица эта так и просится на картину.

Уже в далекие, помню, времена в дупле старой липы мы обнаружили гнездо удода. Из дупла торчали пестрые головы птенцов. Я взял одного молодого удода и посадил в клетку. Когда я подходил к клетке, молодой удод сердито распускал на голове свой широкий хохол. Удод оказался очень неопрятной и недоброй птицей. Недолго подержав его в клетке, я решил выпустить удода на волю.

Из всех певчих птиц русского леса, пожалуй, самые интересные — клесты. Идешь, бывало, зимою на лыжах по тихому лесу, любишься сказочной его красотой. Высятся над головой высокие темные ели, снежною белою нависью покрыты их ветви. Точно кружевные ворота, изогнулись под тяжестью снега тонкие стволы молодых берез. Зимнее низкое солнце освещает вершины деревьев. Почти ни единого звука не слышно в спящем зимнем лесу. Изредка простучит, перепорхнет меж стволами деревьев неутомимый труженик-дятел. С широкой еловой ветви упадет, алмазной пылью рассыпется ком легкого снега, закачается над головой, точно ожившая, освобожденная от тяжести темно-зеленая ветвь. Тихо шуршат по пушистому снегу легкие лыжи. И еще безмолвнее кажется зимний лес.

Лесную тишину нарушат вдруг веселые негромкие птичьи голоса. Стайка клестов пронеслась над головою, красными яркими бусами обсыпала вершину украшенной лиловыми шишками ели. Удивительно красивы эти красногрудые птички, оживляющие тишину зимнего леса. Стоишь и любишься, как быстро и ловко теребят они тяжелые шишки, добывая из них семена. Одна за другой падают в снег растрепанные клестами шишки. Клюв маленьких лесных мастеров-клестов устроен так, что им

очень удобно трепать еловые и сосновые шишки, доставать из них семена.

Замечательны клесты тем, что из всех зимующих в наших лесах птиц они выют свои гнезда зимою и в лютую январскую и февральскую стужу выводят в этих гнездах птенцов. Зимнее теплое гнездо клестов трудно увидеть: гнезда эти обычно скрыты в густых ветвях хвойных деревьев. Во время кладки яиц и высиживания птенцов самки не вылетают из своих теплых глубоких гнезд. Самец заботливо кормит сидящую в гнезде самку. Усевшись на вершине дерева, на котором свито гнездо, он услаждает свою подругу короткой веселой песенкой.

Однажды при мне лесорубы свалили зимой в лесу высокую ветвистую елку. Над поваленной елкой и головами людей беспокойно кружилась парочка клестов. Осмотрев хорошенько поваленную елку, в густых ее ветвях, у самого ствола, я увидел глубокое гнездо клестов. На мягкой и теплой подстилке в нем лежали три маленьких яичка. Жалко было кружившихся над людьми трудолюбивых маленьких птичек. Жалко было и поваленную зеленую красивую елку, дававшую приют клестам. Зимой единственный корм клестов — еловые и сосновые семена, которые они ловко добывают своим крестообразно устроенным клювом, немного похожим на клюв попугая.

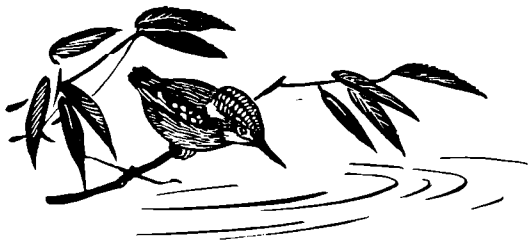
Мне не приходилось держать в клетке веселых красивых клестов, но от опытных людей знаю хорошо, что в неволе клесты быстро привыкают к своему хозяину-человеку. Живущих в клетке клестов можно брать в руки. Подобно попугаям, они любят, когда хозяин легонько гладит пальцем по их маленькой головке. Клестам ежедневно подкладывают в клетку свежие еловые шишки, и на глазах своего хозяина они быстро расправляются с ними, выбирая из шишек легкие семена. Ручных

клестов можно кормить и другими семенами, но, живя в неволе, самцы быстро теряют свою яркую красивую окраску.

Наблюдательные люди давно заметили, что мертвые клесты, всю жизнь питавшиеся смолистыми семенами, долго не разлагаются. Тело мертвого клеста как бы на-бальзамировано смолой. Нёкогда клестов считали птицами святыми.

Живущих в наших хвойных лесах веселых клестов разделяют на две породы. Есть клесты-еловики, живущие в еловых лесах, и есть клесты-сосновики, обитающие в высоких сосновых борах. Клесты-сосновики успешно справляются с крепкими сосновыми шишками.

Если вам придется побывать зимою в глухом еловом или сосновом лесу, вы почти наверняка увидите веселые стайки красивых клестов, услышите их приятные и тихие голоса. Разумеется, в лесу нужно ходить тихо и осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, и тогда перед вами откроется много чудесных лесных тайн, совсем неизвестных городскому неопытному, оглушенному шумом и грохотом человеку.

ЗИМОРОДОК

Я шел крутым берегом знакомой реки. Под обрывистым песчаным откосом текла вода. Внизу, над быстрой водою, склонялись зеленые ветви ив и ольхи. У самой

поверхности нет-нет, сверкая серебром чешуи, поблескивал на солнце бок мелкой рыбешки-верхоплавки.

Смотря вниз, я увидел небольшую голубовато-лазурную птицу, стрелой кинувшуюся с высокого песчаного откоса в прозрачную воду реки. На несколько мгновений птица исчезла под водою. Это был зимородок — удивительная птичка, редкая в наших местах. Зимородка я узнал по яркому оперению, по длинному клюву, по быстрому полету и умению нырять. Вынырнув из воды, неся в клюве маленькую серебряную рыбку, зимородок скрылся у края песчаного откоса.

Живут зимородки по берегам быстрых и прозрачных рек с крутыми песчаными берегами. Свои гнезда они делают в глубоких норах, вырытых в песке на крутых откосах. В самой глубине норы находится гнездо, устланное сухими рыбьими костями и рыбьей чешуею. Здесь зимородки выводят и выкармливают своих птенцов.

Зимородки непохожи на обычных певчих птиц. Они умеют нырять, плавать и ловить мелких рыбешек. Замечательно оперение взрослого зимородка, так похожего на редкостную экзотическую птицу.

Народное название — зимородок, — наверное, произошло оттого, что даже в зимнюю стужу, подобно оляпкам, зимородки иногда остаются на берегах быстрых, незастывающих рек и ручьев. В суровые зимы зимородки улетают на юг, как и другие пролетные птицы. На птичьих зимовках в заливе Кизыл-Агач, на южном Каспии, я часто наблюдал зимородков. Там они держались в высоких шелестящих на ветру камышах, зорко высматривая в воде добычу.

Весною зимородки улетают на север, на знакомые берега малых и больших рек. В средней России я только два или три раза наблюдал красивых зимородков, и мне четко запомнились эти редкие встречи.

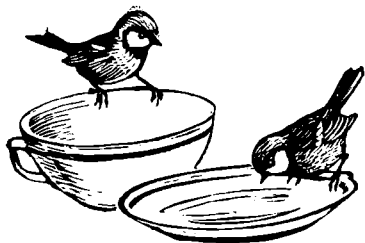
Из всех певчих птиц — лесных музыкантов — самая скрытная и красивая — золотисто-желтая иволга.

Живут иволги в березовых чистых рощах, в старинных тенистых парках, в высоких дубовых и липовых аллеях.

Весною иволги появляются поздно, когда рощи уже одеты зеленой листвою и все лесные певчие птицы давно прилетели.

Кто не слышал в березовой роще громкий свист иволги? Точно на невиданных музыкальных инструментах играют в лесу неведомые музыканты.

Трудно найти гнездо иволги, искусно подвешенное в зеленых ветвях деревьев. Не всегда удастся близко увидеть и саму чудесную птицу, скрытно пролетевшую от дерева к дереву. Лишь иногда, перелетая открытую, освещенную солнцем лесную полянку, блеснет она своим ярким оперением.

У самого окна нашего домика зимой я устроил для птиц кормушку. На прикрепленную к сучкам рябины дощечку мы сыпали хлебные крошки, кашу, мелкие кусочки сала и мяса. Всякий день сюда стали слетаться черноголовые бойкие синицы, другие лесные птички. Пухлые на морозе синички бойко клевали рассыпанный корм.

Вы все знаете и видели обыкновенных наших синичек. Летом они живут в лесах и парках, кормятся насекомыми. Зимой обычно прибываются к человеческому жилью, добывают корм на выгребных ямах и часто залезают в открытые форточки жилых домов. В большие морозы синицы бьются в оконные стекла, влетают в сени.

Синицы — птички всеядные. Они ловко ловят насекомых, очень любят жирное мясо, клюют крошки хлеба и кашу. Поймать синицу нетрудно. Я поставил у выгребной ямы обыкновенную проволочную мышеловку, подвесив в ней небольшой кусочек сала. Очень скоро в мышеловке оказались две синицы. Этих синиц я принес в наш домик и пустил летать в комнате. Синицы скоро привыкли к человеческому жилью, сами находили себе корм, рассыпанные на столе крошки хлеба и кусочки мяса, и очень забавно ловили толстых зимних мух, которые вылетали из щелей бревенчатых стен нашего домика.

Кошки Машки тогда еще у нас не было, и синицам не угрожала никакая опасность. Лежавший у печки мой охотничий пес Фомка поглядывал на синиц и заметно волновался, когда птички подлетали к его чашке с едою.

Почти всю зиму синицы жили в комнатах нашего домика. Они перелетали с места на место, часто садились на обеденный и на мой письменный стол, но в руки никогда не давались. К тогда еще маленькому внучонку нашему Саше относились они, впрочем, с полной доверчивостью. Случалось, они смело присаживались на его голову, покрытую светлыми, легкими как пух волосами. По-видимому, голову внука они принимали за обыкновенную лесную кочку. Прыгая по обеденному столу, они ловко воровали вкусные пенки из блюдца с топленым молоком, которое стояло перед внуком, сидевшим на высоком детском стуле.

Уже в самом конце зимы кто-то неосторожно открыл входную дверь, и обе синички вылетели на волю. Признаться, мы все тосковали по милым веселым синичкам, своею вознею развлекавшим нас в зимние вечера, и долго их вспоминали.

ПОПОЛЗЕНЬ

Сегодня к нам в форточку влетел поползень, небольшая, очень шустрая и смелая птичка. Несколько раз он пролетел над столом, где мы пили наш утренний чай.

Моя жена Лидия Ивановна встревожилась. Ей казалось, что, испугавшись людей, влетевший поползень станет биться о стекла окон. Но он, не обращая на нас внимания, спокойно перелетал из угла в угол, обследуя наше зимнее жилище. Кто знает, в наше отсутствие, быть может, он уже не раз бывал внутри лесного домика и хорошо знал расположение комнат? Перелетая с места на место, он пробрался в маленькую кухню, где на полу были рассыпаны хлебные крошки, стал спокойно кормиться.

— Погляди, какая смелая птичка, — сказала жена, с удивлением глядя на храброго поползня.

Поползень долго оставался внутри нашего жилища, и мы не заметили, как и когда улетел он на волю в открытую форточку. Улетая, он оставил на память нам на чистой обеденной скатерти стола небольшую кучку помета.

Жена, разумеется, рассердилась на невоспитанного поползня, — ей пришлось замывать пятнышко, но ее неудовольствие скоро сменилось желанием еще раз увидеть милого гостя.

Наверное, не все видели и знают эту небольшую, бойкую и очень веселую птичку. Поползни похожи на синиц и немного на дятлов. Можно наблюдать, как проворно ползают они по стволам деревьев, нередко вниз головой.

Зимой, так же как синицы, они прибывают к человеческому жилью, живут в старых парках, в садах, возле протоптанных людьми дорожек. Я очень любил наблюдать ловких поползней — замечательных гимнастов. Подобно дятлам, они иногда начинают долбить кору деревьев. Стукотня поползня значительно тише громкой стукотни пестрого или черного дятла, — издали ее невозможно услышать.

Как-то зимою я устроил кормушку под самым окном нашего лесного домика. На кормушку каждый день слетались синицы и другие лесные птички. Всякий раз неизменно появлялся и поползень. Он бесцеремонно разгонял синиц, усаживался на стволе дерева, казалось, гордился тем, что маленькие птички его боятся. Никакого вреда лесным птичкам поползень, впрочем, не причинял. С таким же удовольствием клевал приготовленный для птичек корм и, пообедав в одиночестве, улетал в лес.

Поползней, пожалуй, нельзя считать певчими птицами. Только ранней весной, когда поползни собираются жить семейно, самец поет свою несложную песенку, похожую на обыкновенный свист.

Мне никогда не приходилось держать поползней в клетке, но я не сомневаюсь, что они быстро привыкают к человеку и могут жить с ним в большой дружбе.

Поползень несомненно очень умная и полезная птичка. Так же как дятлы, поползни уничтожают в лесу вредных насекомых, забравшихся в щели древесной коры. Я всегда очень радуюсь, когда маленькие птички залетают в наш лесной домик, считаю их моими добрыми желанными гостями. Разумеется, мы стараемся не делать резких движений, чтобы не пугать наших лесных гостей.

Очень советую вам, молодые люди, — если придется зимою или ранней весной побывать в лесу или пригородном парке, — приглядывайтесь хорошенько, и вам, наверное, удастся увидеть поползней, прыгающих по натоптаным дорожкам или ползающих по стволам ближних деревьев.

Над моим окном, под карнизом, свили гнездо веселые проворные трясогузки. Весною я наблюдал, как, перепархивая на своих легких крылышках, хлопотливо носили они в клювах длинные конские волосинки, сухой мох, надерганную из пазов бревенчатой стены мягкую паклю, сухие травинки.

Мне всегда были милы эти проворные и веселые птички. Идешь, бывало, по песчаному берегу реки или по полевой нахоженной тропинке. Впереди, потряхивая длинными хвостиками, все время прыгают, бегают и перелезают веселые трясогузки. Человека они почти не боятся. Идешь и радуешься, глядя на веселых доверчивых птичек.

Уже не первый год, прилетая весной, наши знакомые трясогузки устраивают над моим окном свое незамысловатое, но очень опрятное гнездо. Каждое лето мы наблюдаем, как трясогузки выводят и выкармливают своих маленьких птенцов, как подрастают и оперяются эти беспомощные и голые птенцы, как, в свой срок, с радостным щебетаньем один за другим вылетают они из родного теплого гнезда, скрываясь в листве высоких деревьев, окружающих наш маленький лесной домок.

Нынешним летом трясогузки опять вернулись на свое

облюбованное место. Бог знает — в каких дальних краях зимовали они, как находили путь к нашему карачаровскому домику, где под крышей крылечка, над моим окном, было их прошлогоднее гнездо?

Из окна мы вновь наблюдали, как с веселым бодрым чириканьем порхают возле гнездышка милые длиннохвостые птички, как выводились и подрастали птенцы, а родители прилетали их кормить. Какой радостный нетерпеливый писк поднимался в гнезде, когда с мухой или извивавшимся живым червячком в клюве подлетала к гнезду взрослая птичка! Желтые, широко раскрытые клювы тянулись к матери, и в один из них она опускала принесенную добычу. В гнезде мы насчитали пять головок птенцов, ожидавших корма.

Начало нынешнего лета было холодным и дождливым. Всю первую половину июня дул северный неласковый ветер, пасмурное небо редко прояснялось. В погожие ясные дни особенно веселы были в своем гнездышке подставшие птенцы, и мы часто ими любовались.

В холодное дождливое утро произошло несчастье. Мы услышали писк, тревожное чириканье. На крыльце кто-то крикнул:

— Птенцы! Смотрите — птенцы!

Выйдя на крыльцо, мы увидели двух несчастных обмокших птенцов. Сбитые дождем, дрожащие, они сидели в высокой мокрой траве и не имели сил взлететь. Над ними с криком тревоги порхали, останавливаясь и повисая в воздухе, взрослые птички.

Мы поймали обмокших птенцов и, приставив лестницу, посадили в гнездо. Ослабевшие мокрые птенцы прижались к громко пищавшим своим сестрам и братьям.

Родители продолжали кормить птенцов, и нам показалось, что всё кончилось благополучно. В полдень из

гнезда вылетел еще один птенец и сел на ступеньку деревянного крыльца. Поймать его было невозможно: при приближении человека он взлетел и уселся на закачавшуюся ветку сирени.

К обеду из гнезда вылетело еще три птенца. Несомненно, для них наступило время вылета, и они соблюдали свой неписанный закон, несмотря на дурную погоду.

Мы очень боялись, что плохо летавших птенцов изловит наш черный кот Григорий, и заперли кота в чулан. Взрослые птички долго и беспокойно кружились над вылетевшими птенцами, как бы стараясь научить их летать.

На следующий день мне понадобилось на целых две недели выехать в город. Разумеется, в городской суете я забыл о трясогузках. Когда я вернулся, внук сказал мне:

— Посмотри-ка, дедушка: в гнезде трясогузок до сих пор живет и не вылетает последний взрослый птенец. Наверное, ему страшно вылететь из гнезда. Мать по-прежнему его кормит.

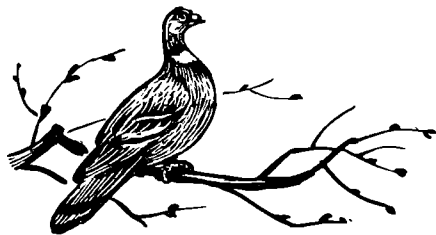
Я подошел к окну. В гнезде сидел оперившийся крупный птенец, ничем не отличавшийся от взрослых трясогузок. Подлетевшая трясогузка-мать положила в его раскрытый клюв жирную гусеницу. Птенец взмахнул крыльями, но остался в гнезде.

Мы долго не могли понять, почему не вылетает из гнезда выросший птенец, и считали его трусишкой. Мать усердно кормила птенца. Держа в клюве крупного червяка или вкусную гусеницу, она присаживалась иногда на самый край крыши, стараясь выманить из гнезда жалобно пищавшего, трепыхавшегося птенца. Случалось, кормилица-мать долго не прилетала, и тогда голодный птенец громко пищал, зовя свою мать.

Заподозрив неладное, я сказал однажды внуку, чтобы он принес лестницу и посмотрел, что происходит в гнезде трясогузок и почему не вылетает из гнезда выросший птенец. Когда внук поднимался по лестнице к гнезду, над его головой беспокойно металась старая трясогузка. Под ее тревожный писк внук снял с доски гнездо, спустился на землю. Необъяснимая загадка раскрылась: оказалось, подросший птенец запутался лапкой в петле конского волоса, которым была выстлана внутренность гнезда. Два пальца на лапке оказались сломанными. Мы освободили птенца, и он с радостным криком поднялся в воздух, в сопровождении матери исчез с наших глаз.

Самое трогательное в этой истории — привязанность матери-трясогузки к своему птенцу, попавшему в негданную ловушку. Трясогузка-мать не покинула своего несчастного птенца, продолжала его кормить.

ГОЛУБИ

Сознаюсь — не очень люблю городских сизяков-голубей, под ногами прохожих ползающих по асфальтовым тротуарам. Городские голуби пачкают фасады домов, красивые памятники, которые приходится ограждать от

них металлической сеткой. Городские голуби не умеют сами добывать себе корм, питаются подаянием. Никогда не садятся они на сучья зеленых деревьев. Сизяки-голуби не умеют ладить и вить опрятные гнезда, как это делают лесные вольные птицы. Свое некрасивое гнездо нередко устраивают под карнизом каменного дома на куче собственного затвердевшего помета. Здесь они выводят птенцов. Под рыхлым оперением городских голубей сизяков кишат паразиты.

Милее мне шустрый бойкий воробей, не нуждающийся в подаяниях сердобольных старушек. Воробей умеет строить опрятное гнездо, сам добывает себе корм, садится на сучья зеленых деревьев. Повсюду следуя за человеком, воробьи остаются проворны и умны, уничтожают вредных насекомых, приносят некоторую пользу.

Веселое звонкое чириканье воробьев служит для городских жителей верным признаком прихода весны.

Разумеется, есть красивые породистые голуби, которых любители голубей содержат в голубятнях, устроенных над крышами домов. Я не раз любовался полетом голубей турманов, кувыркавшихся высоко в небе, совершавших там красивые мертвые петли.

Разводили и держали некогда почтовых голубей, заменявших в давние времена беспроволочный телеграф. Отвезенный даже на большое расстояние, на сотни километров, выпущенный почтовый голубь безошибочно находит путь к своей голубятне. Почтовыми голубями пользовались для пересылки срочных военных донесений. Их держали в осажденных врагами крепостях, чтобы поддерживать связь со своими войсками. Породистые ручные белоснежные голуби в прошлые времена были живой изящной игрушкой для их владельцев.

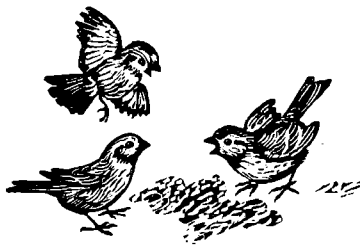
Но как хороши, сильны и гордо красивы дикие голуби витютни, живущие в наших лесах и полях на приволье! Редко удастся близко наблюдать витютней: так они чутки и осторожны. На самых высоких деревьях вьют дикие голуби свои гнезда. В наши среднерусские леса, вместе с другими перелетными птицами, дикие голуби возвращаются ранней весной. Еще лежит белыми пятнами в лесу снег, а уже далеко слышно трубное воркованье диких голубей витютней. Возвращаешься, бывало, ранним утром с глухариного тока. Озаряя макуши высоких деревьев, поднимается солнце. Многоголосое, радостное слышится пение птиц. Свистят дрозды, заливаются над пробудившейся землею жаворонки, кукуют и перехохотываются в лесу кукушки. А гулче всех, всех призывнее раздастся трубный голос дикого голубя витютня. Подойдешь тихонько к высокой сосне, в самом небе раскинувшей свою зеленую вершину, присядешь на пень. В недосыгаемой вышине, весь в золотых лучах, радостно, трубно воркует витютень, приветствуя восход солнца.

В самом облике дикого голубя нет ничего общего с обликом городского голубя сизяка. Голубь витютень значительно крупнее, плотное оперение его красивого песчано-золотистого цвета. Трепетен и стремительно быстр его взлет. Идешь по лесу и вздрогнешь. Совсем рядом послышался громкий всплеск сильных крыльев, на мгновение увидишь кормившегося на земле дикого голубя, быстро исчезающего в зеленых макушах высоких деревьев. В конце лета диких голубей можно наблюдать на убранных хлебных полях, где они подбирают рассыпавшиеся из колосьев зерна. Собираясь к осеннему отлёту, дикие голуби табунятся, полет их стремителен. Что-то гордое, сильное есть в облике вольного дикого голубя.

Кроме вяхирей-витютней в средней России можно наблюдать небольших диких голубей, которых ласково называют в народе горlinkками. Живут горlinkки по опушкам наших березовых рощ и зеленых дубрав. Нежное приятное воркованье горлинок можно слышать весною и летом. Полет их легок и быстр. Особенно любят горlinkки дубравы, покрытые зелеными плотными листьями дубы, на которых выют свои гнезда.

Жизнь диких голубей, каждый год совершающих далекие воздушные путешествия, не похожа на домоседную жизнь городского голубя сизяка. Несомненно, для многих художников прообразом голубя, вещающего людям мир и свободу, был дикий голубь, вольно и смело живущий в природе.

ВОРОБЬИ

Я люблю воробьев, этих дерзких, смелых и умных птичек, благополучно живущих даже в шумных многолюдных городах. Люблю их весеннее бодрое чириканье. Стоит поярче светить и пригревать солнышку, как на крышах и возле оттаявших луж, на деревьях городских бульваров начинают громко чирикать веселые воробьи.

Они радуются солнцу, приходу весны. Сколько задора в их громком чириканье!

Кажется, нет на земле ни одной страны, в которой люди не знают шустрых воробьев. Особенно любят их веселые французы. В парижских уличных кафе воробьи свободно прыгают по столикам, покрытым чистыми скатертями. Там их никто не гоняет.

Живут воробьи на севере и на юге, неизменно сопровождая человека. Вместе с человеком воробьи переселились в далекую Австралию. В одном из наших больших северных городов, построенном у берегов сурового Баренцева моря, воробьев раньше совсем не видали. С заселением разросшегося ныне большого города в нем появились воробьи. Трудно сказать — как и откуда они взялись. С таким же веселым чириканьем прыгают они по городским тротуарам. Очень возможно, что в прошлые времена, когда было мало машин, зимою воробьи следовали за лошадьми. Они расклевывали навоз, доставая непереваренные зерна овса. Трудно назвать другую, более распространенную, близкую к человеку птицу.

Недавно в Китае пытались уничтожить всех воробьев, несправедливо считая их вредными птицами. Чтобы уничтожить воробьев, китайские начальники распорядились устроить день расправы над воробьями. Все многочисленное население Китая вышло в этот день на улицы. Криками, стуком в железные сковороды и заслонки люди стали гонять воробьев. Воробьям не позволяли спускаться на землю, садиться на деревья. Оставаясь много часов в воздухе, воробьи смертельно уставали и замертво падали на землю, где их уничтожали. Говорят, что теперь в Китае пожалели о воробьях. Вред, причиняемый воробьями, был ничтожен в сравнении с пользой, которую они приносили.

На самом дальнем севере я не видал воробьев. Там для них мало корма. Да и привык воробей жить в больших и многолюдных селениях и городах, в отличие от своего ближайшего родственника — воробья полевого. Полевой воробей отличается внешне от воробья городского тем, что у него есть черные пятна на белых щеках и белый ошейник. Да и держится он более робко, не умеет так звонко чирикать.

Живя в городе, я часто люблюсь веселыми воробьями, смотрю, как бочком-бочком скачут они по бульварным дорожкам, клюют крошки хлеба, которые я вынимаю из кармана. О шустрых, умных воробьях ходило много присказок и рассказов. «Старого воробья на мякине не проведешь!» — говаривали люди. Само название «воробей» сложилось несомненно из двух слов: вора бей! Так называли воробьев русские крестьяне, у которых на конопляниках воробьи обклевывали спелые семена. «Вора бей!» — кричали деревенские ребятишки, которым было поручено охранять коноплю. Помню веселую песенку, которую мы певали в далеком детстве:

Как повадился, как повадился
В мою конопельку, в мою зеленую
Вор-воробей, вор-воробей. . .

В клетках воробьев, разумеется, не держат. Уж очень просто и некрасиво их всем известное чириканье. В клетках предпочитают держать певчих птиц — чижей, снегирей, красивых нарядных щеглов, развлекающих хозяина своим благозвучным пением. Известно, что воробьи, в отличие от многих птиц, не отлетают зимою на теплый юг. Они зимуют в тех самых местах, где родились и жили. Они не обладают изяществом и красотой, звонко петь не умеют, но все же милы мне эти веселые, маленькие, дерзкие разбойники.

В отличие от многих лесных певчих птиц, воробьи не умеют вить красивые уютные гнезда. В укромном местечке, где-нибудь под карнизом каменного или деревянного дома, в дупле старого дерева они кое-как устраивают свое простое гнездо. Птенцов своих воробьи старательно кормят и храбро защищают от всяких опасностей. Иногда воробьи забираются в уютные гнезда ласточек, в деревянные скворешни. Высуня из скворешника голову, хватчик громко, победоносно чирикает: «Жив! Жив! Жив!» Ласточкам и скворцам трудно выгнать хватчика-воробья.

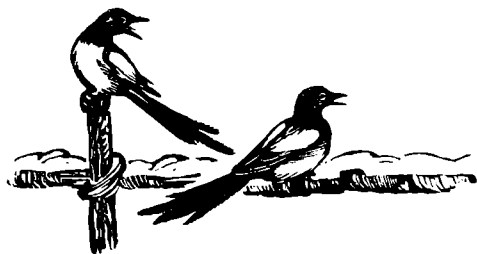
В весеннее и летнее время самцы воробьев часто устраивают между собою шумные потасовки. Нередко можно видеть, как, спустившись на землю, на утопанную людьми тропинку, они продолжают драться, не причиняя, впрочем, друг другу большого вреда.

Нет такого большого или малого селения, где бы не видели воробьев. Они смело скачут по улицам, по которым проезжают шумные машины, прыгают под ногами прохожих. Громкое их чириканье можно слышать в центре больших городов.

Поймать воробья — дело нелегкое. Приметливые, умные и осторожные, воробьи редко попадают в лапы кошек. Они ведут себя осторожно и быстро примечают опасность.

В отличие от неряшливых городских голубей-сизяков, строящих гнезда на собственном помете, воробьи очень чистоплотны. Весною и летом они любят купаться в маленьких лужицах, обдавая себя брызгами воды.

Чистоплотность воробьев, веселый и бодрый их нрав, привязанность к своему подрастающему потомству, смелость, умение самостоятельно добывать себе пищу, польза, которую они приносят, уничтожая вредных насекомых, заслуживают уважения.

Зимою и летом возле нашего карачаровского домика в лесу живут сороки. Летом по утрам они слетаются на крышу домика, садятся перед моим окном на развесистую березу. Каждый раз они будят меня своим торопливым стрекотаньем. Здесь — на крыше домика и на березе, — казалось мне, делятся они своими сорочьими новостями. Я просыпался. Слушая торопливое стрекотанье сорок, невольно вспоминал известную народную поговорку, в которой слишком говорливые женщины назывались «сороками». Кому не приходилось слышать, как две или три женщины, собравшись на улице или в комнате, делясь новостями, совсем как сороки, говорят все разом без малейшего перерыва. Слушаешь и удивляешься.

Стрекотливые сороки немало доставляли нам хлопот. В маленьком садике нашем они обклеивали спелые вишни, долбили крепкими клювами самые сладкие яблоки. Но было что-то веселое, знакомое с давнего деревенского детства в повадках хлопотливых и умных сорок.

Нередко наблюдал я, какой шум поднимали сороки, когда наша кошка Машка отправлялась в лес на охоту. Сороки преследовали Машку, перелетая с сучка на сучок, громко стрекотали над нею, как бы предупреждая всех птиц, что в лес направился разбойник. Машке очень не нравилось громкое стрекотанье сорок. Она нервно

подергивала хвостом, старалась незаметно скрыться. Охотясь зимой на лисиц, я не раз слышал, как над лисцей, стронутой с дневной лежки, начинают стрекотать, следуя за ней, всевидящие сороки. По стрекоту сорок можно безошибочно узнать, куда направляется, скрывааясь в чащобе, хитрая лисица.

Сороки очень умные, хитрые, вороватые, а подчас и жестокие птицы. Обычно они живут в лесах или парках, вблизи человеческого жилья. Летом питаются насекомыми, воруют яйца и птенцов из гнезд маленьких певчих птиц. Зимой держатся возле деревень и людных поселков, избегают шумных больших городов.

В самом облике длиннохвостой сороки есть что-то сказочное. Недаром в народных русских сказках и детских песенках так часто поминается сорока-белобока.

О том, как хитры и вороваты сороки, у меня есть что рассказать. В карачаровском садике нашем мы устроили летнюю кухню с трубой, крышей и небольшой плитой. Возле кухни стоят стол и скамейки. Каждый раз в летние дни, когда женщины начинают готовить обед, на соседние с кухней деревья слетаются сороки. Они внимательно следят за тем, что делается и творится внизу возле кухни. Стоит хозяйкам зазеваться или разговориться — сороки успевают утащить со стола кусочек мяса или голову рыбы. Однажды произошел такой случай. Наша добрая гостья Наталья Михайловна пекла в летней кухне блины. Испеченные блины она клала на тарелку и, накрыв полотенцем, ставила на стол. Сороки внимательно наблюдали за тем, что делает Наталья Михайловна. Как-то Наталья Михайловна отвернулась от испеченных блинов и разговорилась о карачаровских новостях с моей женой Лидией Ивановной. Воспользовавшись этим, одна из сорок слетела на стол, успела ухватить из-под полотенца толстый блин и улетела с ним

в кусты. Боже мой! какой шум подняли женщины, возмущенные поведением нахальной сороки! В ответ женщинам из кустов слышалось веселое стрекотанье сорок, деливших добычу. В стрекотаньи проказниц сорок как бы слышались насмешливые слова: не углядели, не углядели, не углядели!

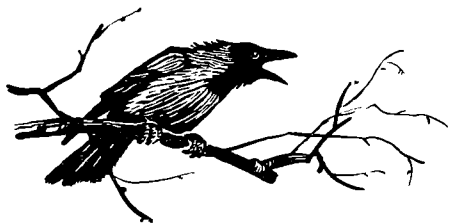
Весной возле нашего домика, в густых ольховых кустах, мы нашли сорочье гнездо. Было трудно увидеть его сквозь густые зеленые ветви. Гнездо было устроено очень искусно. Основание сплетенного из тонких веток гнезда было скреплено глиной. Над гнездом возвышалась крыша из колючих тонких ветвей. В этом тщательно скрываемом гнезде сороки выводили и выкармливали своих прожорливых птенцов. Колючая крыша не позволяла хищникам забраться в сорочье гнездо.

Сороки заботливо ухаживают за своим потомством. Вылетевшие из гнезда подросшие молодые сороки все лето держатся неразлучным выводком вместе с родителями, обучающими своих птенцов сорочьим хитростям и воровству. Страсть к воровству свойственна бойким сорокам. Нередко они таскают забытые людьми блестящие вещицы, чайные ложечки, монеты, кольца, прячут их в укромные места.

Пойманные молодые сороки скоро привыкают к людям и становятся ручными. Их можно научить всяким смешным штукам. Они сами влетают в открытое окно, садятся хозяину на плечо, но страсти своей к воровству блестящих металлических вещиц никогда не забывают.

Много лет назад у меня жила ручная сорока. В честь болтливой соседки нашей мы называли ее Пелагеей Петровной. Все лето, к великому удивлению других сорок, Пелагея Петровна влетала в мое окно и я угощал ее кусочками мяса, намоченной в молоке сладкой булкой, которую она особенно любила. Однажды с письменного

стола исчезли мои очки в блестящей оправе. Я долго искал их и только через несколько дней обнаружил случайно над самым крыльцом под щеляным навесом, куда их спрятала Пелагея Петровна.

ВОРОНЫ

Зимою я возвращался из леса с охоты в знакомую деревеньку. Положив на плечи лыжи, я шел по накатанной снежной дороге. Из школы, стоявшей на краю деревеньки, выбегали после занятий ребята. Шумной толпою, с сумками в руках, они шли серединой деревенской широкой улицы. Я шел следом, прислушиваясь к разговорам веселых ребят. На середине деревни, у колодца, ребята остановились. Задрав головы, они стали смотреть на вершину высоких берез, где сидели вороны. Один из мальчиков снял меховую шапку и стал махать ею над своей головой.

Нежданно-негаданно одна из сидевших на вершине березы ворон, взмахнув крыльями, стала тихо спускаться, села на плечо мальчика, махавшего шапкой. Достав из сумки кусочки черного хлеба, ребята обступили мальчика и стали кормить ворону. Оставшиеся на березе вороны, наклонив головы, с удивлением смотрели на свою смелую товарку. С таким же удивлением смотрел и я на ворону и кормивших ее ребят. Подойдя, я стал их рас-

спрашивать. Ребята охотно рассказали мне, что удивительную ворону выкормил и воспитал мальчик Коля, к которому на плечо она слетела с березы. Сероглазый Коля смотрел на меня и улыбался. В тот же день я зашел к нему в дом и узнал все подробно.

Минувшим летом Коля подобрал в лесу выпавшего из гнезда плохо летавшего вороненка, принес его домой. В сених избы он устроил из палок небольшую загородку для вороненка и стал его кормить. Вороненок очень скоро привык к Коле, хорошо его узнавал и всякий раз радостно каркал и махал крыльями, когда Коля подходил к своему питомцу. Когда вороненок подрос, Коля стал выпускать его на волю. Вороненок неизменно к нему возвращался. Он влетал в открытое окно дома, съедал приготовленное для него угощение. Осенью вороненок присоединился к другим воронам, но каждый раз, когда видел на улице Колю, слетал с дерева и, к великому удивлению других ворон, садился на его плечо.

О воронах принято говорить как о глупых и недогадливых птицах. Недогадливых и нерасторопных зевак часто называют воронами. «Проворонил!», «Экая ты ворона!» — говорят иной раз рассеянному человеку. «Старой каргой» (по-татарски ворону называют — каргой) добродушно бранят пожилых женщин. Такое мнение о воронах не совсем справедливо. Очень возможно, что причиной насмешливого отношения к воронам является их неуклюжесть и неловкий полет. Посмотрите, как в ненастный день неловко, боком летают по ветру вороны. В холодные осенние дождливые дни вороны кажутся нам смешными. Всем известен и некрасивый голос ворон, их громкое карканье, выражающее самые разнообразные оттенки: внезапный испуг, тревогу, предупреждение, удовлетворение сытным обедом. По вороньему карканью опытные люди угадывают близкую перемену погоды.

Вороны нередко похищают у зазевавшихся пасадок маленьких неоперившихся цыплят, разоряют птичьи гнезда, убивают и поедают лесных маленьких животных, нападают даже на зайцев. Однажды летом, бродя за грибами, я увидел несколько ворон, преследовавших большого зайца русака. Со злым карканьем они взлетали и падали над спиной убегавшего от них русака. Спасаясь, заяц переворачивался иной раз на спину, отбиваясь от нападавших ворон сильными ногами. По-видимому, вороны увидели притаившегося на дневной лежке русака и пытались разделаться с ним.

Ворона очень умная, догадливая, а подчас и хитрая птица. Свои гнезда вороны строят обычно в лесу, подальше от человеческого жилья. Когда подрастут и начнут летать воронята-птенцы, вороны возвращаются к людным селениям. Вряд ли кто знает, что умные вороны умеют считать. А между тем это так. Возле одной мусорной ямы стоял небольшой сарайчик с дровами. Кормившиеся на яме вороны каждый раз взлетали на деревья, когда в сарайчик входил человек. Они не спускались на яму, пока человек оставался в сарайчике. Чтобы испытать смекалку ворон, в сарайчик вошли два человека. Выждав некоторое время, один из них вышел. Вороны не слетали с дерева до тех пор, пока не вышел второй человек. На следующий день в сарайчик один за другим вошли четыре человека. Из сарайчика вышел сначала один, обождав некоторое время, вышел другой. Вороны оставались на дереве. Только тогда, когда из сарайчика вышел третий, вороны слетели кормиться на мусорную яму. Четвертого, оставшегося в сарайчике человека, они не досчитали. Этот не раз повторенный опыт доказывал, что вороны умеют считать только до трех. Дальше считать они не умеют.

Лето мы провели в Беловежской пуще. Там мне показывали редкостных зубров, живших в обширных загонах. Не раз я видел на воле оленей, спокойно выбегавших на проезжие дороги, охотился на кабанов, разорявших колхозные поля. Наблюдал черных аистов, гнездившихся на высоких деревьях.

Но больше всего нам запомнился ручной ворон Петька. С Петькой меня познакомил директор заповедника — мой старый приятель.

В первый день приезда мы вышли на берег реки. На вершине высокого дерева сидел ворон. Директор заповедника посмотрел на меня и улыбнулся.

— Хотите познакомиться с нашим Петькой?

Он помахал над головой шапкой и громко сказал:

— Петя, Пстенька, лети сюда!

К великому моему изумлению, как бы понимая человеческую речь, ворон снялся с вершины дерева и, распахнув черные крылья, тихо планируя, спокойно уселся на плечо хозяина — директора заповедника.

— Познакомься, Петя, с нашим гостем! — сказал хозяин, тихонько сталкивая ворона с плеча.

Взмахнув крыльями, Петька переместился на мое плечо. Это была большая, черная и очень серьезная птица.

Пошарив в карманах, я нашел кусочек сухого печенья. Петька взял печенье в клюв и осторожно спрятал его в подклювный мешок.

В карманах больше не было печенья. Я вынул маленькую десятикопеечную монетку и показал Петьке. Эту монетку он также спрятал в подклювный мешок вместе с печеньем, потом слетел на песчаную дорогу и стал делать клювом круглую ямку. Запратав печенье и монетку в песок, он деловито вырвал клочок травы, воткнул его в песчаный холмик.

В заповеднике я слышал много рассказов о проделках проказника Петьки. Сотрудники заповедника рассказывали, что однажды он утащил из дамской сумочки деньги, а в другой раз, влетев в обеденный час в окно, расшвырял и похитил документы какой-то комиссии, приезжавшей для ревизии в заповедник. Похищенные вещи Петька прятал над крышей в пустом гнезде аистов, которых ухитрился выжить. В этом гнезде не раз находили ножи, ложки и вилки и многие другие предметы. Особенно досаждал Петька проезжим шоферам. Стоит машине остановиться, разложит шофер свои инструменты, отвинченные от мотора болты и гайки — Петька тут как тут! Схватится шофер, а самой нужной гайки или инструмента нет. Утащил Петька.

Рассказывали, что Петька не любит женщин. Сядет на плечо к завитой, накрашенной девице и давай путать и портить ее праздничную прическу или пребольно ущипнет за ухо. Женщины побаивались Петьки, отмахивались руками. Очень возможно, что эти резкие движения раздражали и сердили Петьку. Рассказывали также, что Петьку не любили дикие вороны и воробьи, к которым он иногда пытался приближаться. Они били и отгоняли его, как бы не желая прощать измену.

Однажды проказник Петька сотворил такую шутку.

Весной на огороде, возле дома, пожилая женщина сажала капустную рассаду. Опрятными рядами она рассаживала на грядках капустные корешки. Увлеченная работой, женщина не замечала, что рядом с нею по грядкам разгуливает Петька. Всю посаженную рассаду он пересаживал на свой лад, разумеется, без всякого порядка...

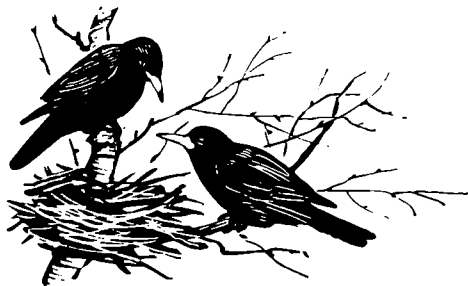
Не всегда проделки Петьки были безобидны. Летом он стал таскать маленьких цыплят. Петьку все знали и любили, и даже такие недобрые проделки ему прощали.

Директор заповедника пробовал приучать Петьку к охоте. Бродя по опушкам, он брал его вместо гончей собаки. Перелетая с дерева на дерево, Петька видел сверху каждого залегшего в кустах русака, начинал кружиться и каркать. Директор подходил к лежке и поднимал затаившегося зайца...

О трагической гибели Петьки мне написали, когда я вернулся в Ленинград. Один из сотрудников заповедника писал, что осенью к ним в заповедник приехали посторонние люди строить разрушенный мост через реку. Не зная о существовании Петьки и его проделках, кто-то из приезжих людей ловил на удочку рыбу. Сидя на берегу реки, пойманных окуньков и плотичек рыболов клал рядом, на землю.

Все примечавший Петька тотчас явился на место ловли, начал таскать пойманных рыбок. Заметив Петькины проделки, незадачливый рыболов схватил палку и убил наповал смирно сидевшего проказника Петьку.

«Самое удивительное, — писал мне сотрудник заповедника, зоолог, — что после вскрытия трупа трагически погибшего Петьки наш общий любимец оказался не Петькой, а Машкой. По внешнему виду пол вороновых птиц различить невозможно, и долгое время мы ошибочно принимали Машку за Петьку».

Всем хорошо известны грачи и галки. Помню времена, когда в Москве на Пушкинском бульваре в зимние морозные вечера кружили бесчисленные крикливые стаи галок. На фоне вечернего неба стаи галок то поднимались, то опускались, усаживаясь ночевать на голых ветвях деревьев. Было трудно понять, откуда слетались на бульвар эти бесчисленные галки.

Теперь крикливых галок на московских бульварах осталось мало. В подгородных парках, во многих поселениях и городах и галки и грачи по-прежнему обычная птица.

В наших среднерусских местах грачи открывают весну. Еще лежит на полях и в лесах нетронутый снег, а на зимних дорогах, у колхозных скотных дворов, уже бродят первые вестники русской весны. Важные, черные, ходят они по сельским улицам, дворам и дорогам. Помню, как радовались мы в детстве прилету белых грачей. Услышав знакомый крик, радостно возвещали:

— Грачи, грачи прилетели!

Не всегда точно угадывают грачи приход весны. Не раз случалось, что после прилета первых грачей зима

зубы показывала: возвращались морозы, кружили над полями снежные метели. Прилетевшие рано гости отлетали на юг и скоро опять возвращались. На голых деревьях, над крышами сельских домов, в рощах и старых запущенных парках начинали вить и поправлять свои старые гнезда прилетные грачи. Боже мой! Какой шум поднимается тогда на облюбованных грачами еще голых деревьях! Грачи спорят за каждый свободный сук, на котором можно построить гнездо.

Кто не слышал этого весеннего грачиного крика? Нервных, непривычных людей шумный весенний крик грачей, случается, раздражает. Но я люблю этот с детства знакомый мне шум, отношу его к первым звукам пробудившейся земли. Грачи спорят и ссорятся, но драк и побоищ у них не бывает. Широкие гнезда свои грачи прочно вяют из тонких древесных веток. Прилет грачей, покрытые гнездами сучья деревьев дополняют весенний русский пейзаж. Каждому вспоминается картина художника Саврасова «Грачи прилетели». На этой известной картине с удивительной точностью изображена старая деревенская церковушка, весенний снег, голые деревья, на которых прилетевшие грачи начинают строить свои гнезда. Что-то необыкновенно русское, печальное видим мы на этой картине.

Удивительна и трогательна дружба грачей и галок, остающихся у нас на зимовку. Радостно встречают весною галки своих друзей. В весенних стаях грачей слышны тонкие галочки голоса.

Похожи галки на шустрых бабенок в серых платочках. Вместе с грачами бродят они по дорогам, по проталинам на колхозных полях, ищут корм на задворках скотных дворов. Гнезда свои галки вяют в укромных местечках, под крышами домов на каменных зданиях, иногда в печных трубах.

Кто из вас не видывал галок? Всю зиму они держатся возле жилых домов, собирают корм на мусорных ямах. Пойманную галку легко приручить. Она будет брать корм из рук человека, сама прилетать и улетать из человеческого жилища. Пойманные грачи к человеку приручаются трудно. Поселяясь возле человеческих жилищ, они всегда держатся тесной стаей. Грачи и галки никогда не живут в глухих темных лесах, обычно они жмутся к человеческому жилью, к обработанным человеком полям, где находят себе корм. В этом они отличаются от своих сородичей — ворон и больших черных воронов, строящих свои скрытные гнезда в темном лесу, нередко у вершин высоких деревьев. На полях часто можно видеть, как за распахивающим землю трактором перелетает многочисленная стая грачей, ворон и галок. Взлетая и опускаясь на поднятую плугом землю, они разыскивают насекомых, личинок, дождевых червей. Грачей нужно считать полезной птицей. Они во множестве уничтожают насекомых, вредящих посевам. Но иногда грачи приносят человеку вред. Они выкапывают и поедают посеянные сеялкой размокшие в земле семена. Особенно охотно расправляются они с посеянной на наших полях кукурузой. Крупные размокшие семена кукурузы им особенно нравятся, и волей-неволей на грачей приходилось устраивать охоту, стрелять из ружья, отпугивать громкими выстрелами с полей, засеянных кукурузой и горохом.

Из наших среднерусских мест грачи отлетают поздней осенью, позже всех перелетных птиц. Уже начинает перепархивать легкий снежок, а грачи по-прежнему бродят по засеянным полям, разыскивая корм. Возле моего лесного домика, окруженного высокими темными елями, осенними вечерами грачи слетаются на ночлег. Устраиваясь почевать на покрытых густою хвоей еловых вет-

вах, хорошо защищающих их от ветра, они по ночам часто поднимают громкий крик, и от этого крика я каждый раз просыпаюсь.

Во время отлета грачей галки их провожают. Слышны их прощальные тонкие голоса. Всю зиму галки проводят в родных местах, далеко не улетая. Они близко жмутся к человеческому жилищу. Я очень люблю наблюдать и прикармливать у крыльца смешных галок. Мы бросаем им корки хлеба, кухонные отбросы. Они всегда собираются у крыльца, бесшумно перелетают с сучка на сучок, ждут, когда откроют форточку или дверь. Вместе с галками к нашему домику прилетают и другие лесные птицы, — шустрые синички, сойки и смелый поползень. Последнюю зиму к домику стали подбегать две белочки. Они хватали хлебные корки, быстро взбирались с добычей на дерево, а возмущенные галки старались отнять у них хлеб.

Уже много лет назад, когда я жил в родных смоленских местах, летом галки устроили гнездо в трубе моей печки. Гнездо было устроено на чугунной выюшке. Сидя за рабочим столом, я слышал, как они хлопочут, разговаривают, кормят своих птенцов. Случается, осенью печи начинают дымить. Это — верный признак того, что галки свили гнездо в трубе, дыму нет выхода, тяга в трубе прекратилась.

Очень хороши веселые голоса галок. Они умеют пердразнивать других птиц, а каждый звук их голоса обозначает что-нибудь особенное. Известно, что звери и птицы умеют переговариваться между собою на непонятном человеку птичьем и зверином языке, сообщать друг другу об опасности или добыче. Наблюдатель живой природы должен знать язык птиц и зверей. Знание этого языка несомненно доставит ему большое удовольствие.

Летом однажды мне пришлось пробовать новое ружье. Я вышел в лес на глухую поляну, где никто не мог помешать. Повесив на толстой осине мишень и отсчитав шаги, я хорошенько прицелился и выстрелил пулей. Пуля насквозь пробила осину, а после выстрела из дупла вылетела огромная птица с большой круглой головой. Ослепленная дневным светом, птица неуклюже уселась на старой осине.

В необыкновенной птице я узнал филина пугача, голос которого мы слушали по ночам в лесу. Из рассказов охотников я знал, что в птичьем мире филин слывет самым злым и страшным хищником, которого все птицы боятся и ненавидят. Чтобы приманить хищных птиц, охотники сажают на дерево чучело филина, и тогда со всех сторон слетаются ястребы и вороны чинить расправу над своим лютым врагом.

В самом облике ночной страшной птицы есть нечто зловещее. Филин сидел как копыта на осине, и его круглая, с ушами, кошачья голова медленно вращалась, а ослепленные светом большие глаза беспомощно закрывались. По-видимому, филин скрывался днем в дупле старой осины, и пробившая осину пуля его испугала.

Я не торопился убивать редкостную птицу и, спрятавшись за стволом дерева, стал наблюдать. Филин си-

Дел почти неподвижно, только ушастая голова его медленно вращалась, как на шарнире. Головастое чудовище, сидевшее на голой осине, было видно со всех сторон издалека.

С появлением филина на моих глазах в лесу стало совершаться нечто необычайное. Первыми заметили филина неведомо откуда появившиеся стрекотухи-сороки. С особенным, тревожным и злым стрекотаньем закружились они над осиной. Они кружились, взлетали и падали, присаживались на сучки и тотчас слетали. Беспорочное их стрекотанье как бы возвещало по всему птичьему царству большую тревогу.

— Тра-та-та! Тра-та-та! — трещали, слетаясь со всех краев, сороки.

Точно по птичьему радио был передан этот сорочий сигнал тревоги. С реки, с полей, из леса на сорочье стрекотанье торопливо летели вороны и воробьи, откуда ни возьмись появились большие и малые ястребы, тучею кружились галки. Птицы слетались на великий суд над ненавистным разбойником. Они кружились, подсаживались ближе и ближе к филину, угрюмо ворочавшему ушастой головой. Даже самые маленькие птички смело подлетали к нему. Сбитый нападавшими, филин распустил крылья и, преследуемый всей птичьей оравой, неловко переместился на соседнее дерево. Но и здесь птицы не оставляли его, все настойчивее и смелее терзали его и клевали.

Чтобы не дать свершиться жестокому самосуду, я поднял ружье, прицелился. Убитый наповал филин упал с дерева. Напуганные выстрелом птицы еще долго кружились надо мною, но отчаяннее всех суетились и трещали неугомонные сороки...

Много лет спустя довелось мне охотиться в глухой лесной местности на глухариную току. Каждую весну

я выезжал в исхоженные мною лесные уголья. Знакомый егерь Егорыч показал мне глухариный ток, и, разумеется, я хорошо запомнил указанное место.

После двухлетнего перерыва довелось мне еще раз побывать на этом глухарином току. Старинный приятель Егорыч встретил меня, с досадою покачивая головою.

— Плохо наше дело, — сказал он. — Наш глухариный ток нынче стал не тот. Дай бог, чтобы на всем току несколько птиц живых осталось.

— Браконьеры, что ли, завелись? — спросил я.

— Какие у нас браконьеры. Будет похуже.

— Да что такое?

— Филин! Филин разбойничает на току.

Я и прежде слыхивал от старых охотников о проказах филина, охотящегося на глухариных токах. По словам этих охотников, где повадится филин — глухариному току конец. Охотится филин так же, как люди, пользуясь беззащитностью токующих птиц.

— Что же, совсем, что ли, птицы не стало? — с грустью спросил я Егорыча.

— Есть птица, да ток теперь стал не тот, далеко не тот, — ответил мне старый приятель.

Под вечер я один отправился в лес на знакомое место. Уже на подслухе (обычно охотники приходят на ток перед закатом солнца, чтобы заранее услышать, где усаживаются вечером на деревьях слетающиеся птицы) я заметил перемену. Глухари слетались лениво и расслаживались осторожно, по краям токовища.

Возвращаясь с подслуха, я натолкнулся в темноте на черный предмет. Нагнувшись, я рассмотрел мертвого глухаря. Голова и крылья были целы. С груди и спины мясо было ошипано, торчали голые кости скелета. Я знал, что звери — лисицы, норки, хорьки, — поймав

крупную птицу, обычно съедают голову. Осмотрев глухаря, я решил, что его убил хищник пернатый. «Наверное, — подумал я, — это проделки филина, расстроившего мне охоту и уничтожившего глухариный ток».

С большим негодованием на лесного разбойника устраивался я на ночлег. Сидя у костра, я вспоминал прежние удачные охоты. «Только бы мне попался этот разбойник!» — злоратно думал я, и рука тянулась к ружью.

Ранним утром, еще до рассвета, я затоптал костер и, оправив свое охотничье снаряжение, отправился на ток. Я шел тихо, прислушиваясь к звукам, наполнявшим просыпавшийся лес. Иногда я останавливался, думал: «Только, только бы встретить лесного разбойника!»

Я долго бродил по токовищу. Пели всего две-три птицы. Глухарь пролетел над моей головой, я не вытерпел, выстрелил влет, и огромная птица, ломая ветви, грузно упала на землю. Я поднял птицу, спрятал в мешок и, присев на пенек, закурил трубочку.

Станный, очень громкий, как бы наполнявший весь лес звук поразил мой слух. Я услышал шум близкой борьбы, громкое хлопанье крыльев, раздававшееся по всему лесу. Схватив ружье, я со всех ног бросился на раздававшиеся звуки. «Филин, это филин поймал и убивает глухаря!» — думал я, продираясь сквозь густую чащобу. Задетая сучком, шапка слетела с меня. Не обратив внимания на потерю, я бежал на непрекращавшийся звук борьбы. Подбегая, я был уверен, что увижу филина. Ружье я держал на изготовку.

На краю раскрывшейся перед глазами лесной зеленой поляны я остановился. То, что я увидел, не соответствовало ожиданиям. Вместо разбойника-филина, приканчивающего свою добычу, я увидел дерущихся самцов-глухарей. Это был настоящий рыцарский турнир.

Одетые в бронзовые латы, лесные рыцари бились на покрытой бархатным мохом арене, а их прекрасные дамы, поквохтывая и ободряя бойцов, сидели вокруг на березах.

Пораженный чудесным зрелищем, едва переводя дух, я остановился. Боясь двинуться, я стоял за стволом дерева, и передо мной продолжался лесной турнир. Я близко видел надувшиеся шеи и красные брови. Громкое хлопанье раскатами наполняло лес.

Не знаю, долго ли продолжался поединок. Лесные рыцари то расходились, следя друг за другом, то вновь сшибались своим оружием. Затаив дыхание я следил за невиданным турниром. Вдруг один лесной рыцарь не выдержал — я не мог понять причины его поражения — и, опустив голову, пустился наутек. Я видел, как за деревьями мелькает черная его шея. Не переставая рассыпать песню за песней, его преследовал торжествующий победитель.

С большим трудом я нашел в чащобе потерянную шапку и вернулся к своему костру. Разбойника-филина увидеть не удалось. От Егорыча, приехавшего летом в город, я узнал о судьбе знаменитого глухариного тока. Начав разбойничать, филин перевел на току всех глухаредей, и богатое токовище совсем запустело.

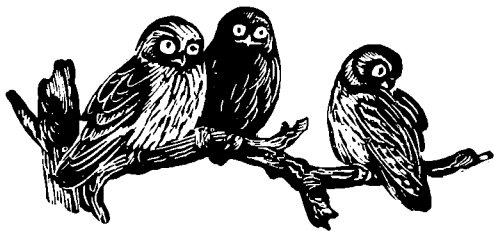
Однажды, бродя по лесу, Егорыч нашел гнездо филина. Огромная птица взлетела с земли, и, подойдя ближе, Егорыч увидел два больших яйца, лежавших на голой земле под сосною. За поимку и отстрел хищников охотникам полагается награда, и, найдя гнездо филина, любивший выпить Егорыч начал заранее подсчитывать будущие доходы.

«Вот хорошенько примечу сосну и гнездо, подожду, когда выведут детей, тогда прикончу всех, — думал он, рассчитывая побольше заработать. — Будет мне премия

тройная. А если доведется всех взять живьем, пожалуй, в десять раз больше заплатят».

В надежде на большую премию и предстоящую выпивку весело возвращался Егорыч домой. Через неделю он решил проведать замеченное гнездо. К его величайшему изумлению, под сосною не оказалось ни филина, ни яиц. Яичной скорлупы тоже не было. Несомненно, почуяв опасность, разумные птицы перенесли на новое место свои яйца, и рассчитывавший на хорошую выпивку Егорыч остался с посом.

СОВЫ

Кто из охотников, проходя в поздний час лесом, не слышал страшных звуков, некогда так пугавших робкого человека, наивно верившего в таинственные недобрые силы природы. Лесным таинственным существам, колдунам, лешим приписывались страшные ночные звуки. Дьявольский хохот филина, зловещее уханье сов раздаются в темном лесу. Даже видалому человеку становится порой в полуночный час жутковато. Воображению представляются сказочные лесные чудовища, пугавшие наших предков. Нередко над головою запоздавшего охотника в ночной темноте бесшумно промелькнет и тотчас исчезнет крылатая легкая тень.

Много огромных ушастых филипов, малых и больших сов обитает в наших лесах. Совы и сычи живут в подгородных парках, в садах и старых усадьбах со старыми дуплястыми липами и дубами. Нередко совы-неясыти поселяются в больших многолюдных городах, живут в старых каменных зданиях, на пустующих колокольнях.

Днем редко можно увидеть сову. Застигнутая в своем темном убежище, она неохотно вылетает на солнечный свет. Неуклюже усевшись, взъерошив свои легкие перья, ослепленная дневным светом, ночная птица сидит неподвижно. Не выносят яркого света ее огромные, круглые, беспомощно закрывающиеся глаза, во все стороны поворачивается круглая кошачья голова. При появлении человека птица грозно щелкает клювом, перья на ней шевелятся.

Ночные совы приносят людям большую пользу. Они уничтожают грызунов, причиняющих вред сельскому и лесному хозяйству. Но есть хищные совы, которые убивают ночью сонных птиц и даже охотятся на глухариных и тетеревиных токах. Самым злым разбойником среди крупных сов справедливо считается ушастый филин-пугач.

Ночной полет сов так тих и беззвучен, что даже самые чуткие животные его не примечают. О присутствии сов можно узнать по громкому гугуканью, по уханью и хохоту страшного филина-пугача, раздающемуся в полуночный час в темном глухом лесу.

В прошлые времена мы лавливали живых сов в пустых деревенских овинах, где они скрывались от зимней стужи, охотясь на мышей, гнездившихся в обмолоченной ржаной и овсяной соломе. Днем совы прятались в закопченных темных «евнях» и «садках», где сушат зимою снопы. Чтобы поймать сову, мы протягивали в овине пеньковые вожжи или длинную вожвовую веревку. Усевшись

на протянутую веревку, выгнанная из своего темного убежища сова так судорожно-крепко вцеплялась кривыми длинными когтями, что ее можно было брать голыми руками.

Помню, деревенские ребята однажды мне принесли пойманную в овине сову. Я смастерил для нее клетку в холодных сенях нашего дома, и скоро она привыкла к новому жилью. В самом начале весны она стала вести себя беспокойно, громко кричала по ночам. Непокойное ее поведение мешало спать людям, и мне пришлось выпустить ее на волю.

Дня через два или три сова сама вернулась в свою клетку. Она по-прежнему сидела на жердочке и смотрела на меня круглыми глазами. Я угостил ее кусочком сырой говядины. С тех пор она неизменно прилетала в свою клетку. В нашем и соседних домах она ловила мышей, добросовестно выполняя обязанности кошки.

Несколько лет назад мне пришлось путешествовать по Кавказскому заповеднику. Некоторое время мы жили в горах, в глухом, окруженном лесом поселке. Сотрудники заповедника — молодые зоологи — устроили маленький зверинец. Кроме живших на свободе ручных оленят и смешного медвежонка Буки, воровавшего у нас со стола сахар, в клетках жили злые лесные коты и другие мелкие звери. В большой, обтянутой железной сеткой вольере помещались четыре совы. Днем они неподвижно сидели на ветвях сухого деревца, находившегося в самой вольере, и, поворачивая круглые головы, смотрели на проходивших мимо людей.

За этими совами ухаживал сын наблюдателя-лесника, наш четырнадцатилетний приятель Ваня. Он охотился на соек (других птиц в горном лесу водилось мало) и своей скромной добычей кормил сов. Добытые Ваней сойки были единственной их пищей.

Как-то кормилец сов Ваня захворал, долго не мог ходить на охоту. Несколько дней совы оставались без всякой пищи. Голодные птицы все так же неподвижно сидели на ветвях дерева, казалось не проявляя ни малейшего беспокойства.

Рано утром сойдя с крыльца и остановившись у вольеры, однажды я с удивлением увидел, что в ней осталось три совы. Четвертая сова исчезла бесследно. Я очень внимательно осмотрел вольеру. Кроме старых ссохшихся «погадок», в ней ничего не было. Никаких отверстий, куда могла вылететь ночью исчезнувшая сова, я не обнаружил.

Еще через две ночи в клетке остались лишь две совы. Несомненно, голодные совы в ночной темноте убивали и съедали своих подружек. Трудно представить, что происходило ночью в вольере. Никаких следов борьбы не было заметно, на земле не осталось и одного перышка (известно, что, в отличие от дневных хищных птиц, совы съедают добычу вместе с перьями и мелкими костями, которые отрыгивают потом в виде круглых комочков — «погадок»). Живые преступницы сидели спокойно, не шевелясь.

Чтобы прекратить безобразное «самоедство», я посоветовал выпустить птиц на волю. По моему совету, дверь в вольеру на ночь оставили открытой. Утром голодных птиц в вольере не оказалось — они улетели на охоту в лес.

Каково было наше удивление, когда на третий или четвертый день мы обнаружили выпущенных на волю птиц на прежнем месте, в открытой вольере. Они спокойно сидели на ветвях сухого дерева и так же смотрели на нас круглыми глазами. С тех пор вольеру мы не запирали, и каждое утро находили в ней сов. Трудно понять, почему так упорно возвращались птицы в свою тюрьму, где им пришлось пережить жестокую голодовку.

Ранней весною я возвращался с охоты. Я шел по лесу знакомой дорогой, и в ночной темноте над моей головою послышался странный негромкий звук. Этот странный звук перемещался, было похоже, что меня настойчиво преследует какая-то ночная неведомая птица. Чтобы приманить птицу, я стал подражать странному звуку. Невидимый провожатый охотно стал откликаться.

В темном лесу мне не удалось разглядеть таинственного провожатого, и, выйдя на лесную опушку, я остановился. На фоне звездного неба рисовались черные ветви деревьев. Здесь, на краю леса, я надеялся увидеть незнакомую птицу.

Я стоял под деревьями, продолжая тихо манить. Небольшая тень пролетела над самой головою, бесшумно уселась на ветке. В ночной темноте трудно точно прицелиться. Я зарядил ружье мелкой дробью и, не видя на ружье мушки, выстрелил наудачу.

После выстрела лес примолкает. Я зажег спичку, стал смотреть под деревьями. На засыпанном опавшей хвоей снегу, раскинувши крылья, лежала маленькая серая птичка с круглой совиной головкой.

В подстреленной птичке я признал сыча-воробья. В наших лесах эта птичка встречается редко, а днем ее трудно увидеть. Обычно она прячется в дуплах деревьев, а по ночам вылетает на охоту.

Дома я внимательно рассмотрел редкостную добычу. Сыч-воробей был немного больше обыкновенного воробья. Круглой головой, ушами, острым крючковатым клювом он напоминал своего большого собрата — обыкновенного лесного сыча.

Из шкурки сыча-воробья я решил сделать чучело для своего кабинета, в котором хранится множество добытых мною охотничьих трофеев.

Через несколько лет мне пришлось проходить тем же лесом зимою. На краю вырубки, возле только что срубленной и распиленной на дрова толстой осины, теплился огонек, грелись и отдыхали знакомые колхозники-лесорубы.

— Погляди-ка, — сказали они, прикурив от моей трубочки, — и разгадай нашу лесную загадку.

В верхней части лежавшей на снегу распиленной и расколотой осины лесорубы показали выдолбленное дятлом жилое дупло. Узкое круглое отверстие дупла, как крышей, было прикрыто большим грибом-наростом. В глубине этого покинутого дятлом дупла оказался склад продовольствия. Вытряхнув на снег содержимое, я насчитал шесть мертвых клестов и одиннадцать замороженных мышей. Я хорошо знал, что многие животные — птицы и звери — бережливо прячут свои запасы. Не раз в дуплах и под корнями деревьев мы находили наполненные отборными орехами лесные кладовые белок и бурундуков; сороки и сойки на моих глазах прятали в укромных уголках свою добычу. В подземных кладовых мышей хранятся многолетние запасы старательно высушенного сена и зерна. Обнаруженная лесорубами кладовая принадлежала какому-то запасливому хищнику, быть может имевшему в лесу много таких складов.

Редкая находка очень меня заинтересовала. Кто мог

убить и спрятать в птичьем дупле этих мертвых клестов и мышей? Злейший лесной хищник — куница — не могла пролезть в узкое отверстие дупла. Маленькая ласка, промышляющая на земле под корнями, вряд ли решится забраться на вершину высокой гладкой осины.

Крепко задумавшись над трудной лесной задачей, я направился через лес к дому. Недалеко от поваленной осины слышались тревожные голоса птиц. Я узнал стрекотанье сорок и хлопотливый крик соек. К поднятому этими птицами шуму примешивался тревожный свист синиц.

Чтобы узнать о причине переполоха, я свернул с дороги и осторожно приблизился к лесной маленькой полянке. На острой еловой макушке сидел сыч-воробей. Множество лесных птиц его осаждало. На дневном свете он казался беспомощным, круглая совиная головка его хохлилась и медленно вращалась. Наверное, ослепленному дневным светом маленькому ночному разбойнику пришлось бы совсем плохо, но он вдруг расправил крылья и, тихо и бесшумно планируя, нырнул под нижние сучки густой елки, почти у моих ног.

«Так вот кто жил в дупле, вот кто охотился и прятал свою добычу!» — подумал я, заглядывая под накрытую снежной нависью густую зеленую елку.

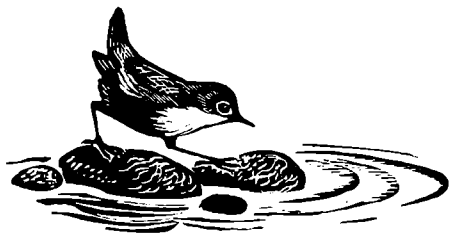
Не сходя с места, я хорошенько рассмотрел плотно прижавшегося к стволу елки сыча-воробья и, осторожно протянув руку, быстро накрыл его шапкой.

Пойманного мною живого сыча-воробья, несомненно, выгнали на дневной свет свалившие осину лесорубы, и занимавшая меня лесная загадка разрешилась сама собою. Обитавший в дупле маленький разбойник приносил и хозяйственно складывал свои продовольственные запасы. На клестов и мышей он охотился ночью, хватал спящих птичек на ветвях деревьев и убивал их.

Разумеется, птицы знали его и ненавидели. Как все хищные совы, он отрывал у пойманных птичек головы и выщипывал крупные перья.

Дома я выпустил маленького разбойника в комнату и стал приручать. Он охотно брал застреленных воробьев, а ночью, вылетая из убежища, сам ловил домашних мышей. Днем он обычно сидел под кроватью, забравшись в голенище старого валенка, которое ему заменяло дупло, а вечером неизменно выбирался из своего дневного убежища. Придерживаясь клювом, он, как попугай, лазил по моим книжным полкам и бесшумно летал по комнате. Иногда он присаживался на письменный стол и при свете лампы делал самые уморительные гримасы.

Весною сыч-воробей стал издавать те самые звуки, которые я некогда услышал в лесу. Звуки эти будили меня, но я скоро привык к ним, как мы привыкаем к обычным шумам и голосам. С наступлением весенней охоты эти звуки для меня стали необходимыми. Сыч-воробей будил меня, как верный будильник, и за всю весну я ни единого раза не проспал глухарьего тока.

ОЛЯПКИ

Наверное, вы слышали или читали о этой маленькой птичке, но немногие видели ее своими глазами. Путешествуя по северным нашим лесам, я не раз видел оля-

пок, живущих обыкновенно возле чистейших ручьев, ключей и маленьких водопадов. Идешь, бывало, по берегу такого ручья или небольшой быстрой речонки с прозрачной и чистой водою, — услышишь пение птички, очень похожее на журчанье маленького ручейка. Если подойти осторожно, можно увидеть и самую оляпку. Это — небольшая, очень подвижная и быстрая птичка с белой грудкой и длинными тонкими ножками, острыми крепкими коготками. Она шустро перебегает по мелким береговым камешкам и, взмахнув короткими крыльями, над самой водою перелетает с камня на камень. На ваших глазах она вдруг исчезает под быстро текущей водою. Хорошо видно, как, загребая крылышками, оляпка бежит по каменистому дну прозрачного ручья. Пробежав некоторое расстояние, она вылетает из воды и, усевшись на камень, вновь начинает петь свою веселую песенку.

Возле незамерзающих быстрых горных ручьев оляпки остаются иногда на всю зиму. Странно видеть эту птичку в морозный зимний солнечный день. Вокруг лежат снега, стоят покрытые снежной навесью высокие деревья, а маленькая оляпка по-прежнему поет и бежит по обледенелым камешкам у самого ручья или маленького шумного водопада. Она то и дело скрывается под водою и опять появляется.

Оляпка очень осторожная и чуткая птичка. Наблюдать ее близко не всегда удастся. Оляпки не живут возле больших городов на ручьях и речках с загрязненной водою. Их можно видеть в безлюдных местах, у чистых ключевых ручьев и прозрачных быстрых речек. Оляпки не любят затяжную дождливую погоду, когда в ручьях и реках вода замутняется. В такую погоду оляпки перестают петь, перелетают в тростники и осоку, быстро бегают по широким листьям кувшинок, плавают и ныряют,

собирают на подводной части растений водяных присосавшихся насекомых. Как только прояснится погода, оляпки возвращаются на свои любимые места, и опять над ручьем или рекою слышится их веселая песенка.

Кормятся оляпки водяными насекомыми, а зимою иногда ловят мелких рыбешек, вытаскивают их на берег и разбивают о камень на мелкие кусочки.

Оляпку можно увидеть и в средней части России на чистых незагрязненных речках и ручьях. Помню — в детстве я любовался оляпками, жившими у водяной мельницы на нашей деревенской речонке Гордоте. Гнездо оляпок было скрыто у большого мельничного колеса, с которого шумным пенистым водопадом скатывалась вода. Они летали почти под самыми вертевшимися колесами.

Нужно быть умелым наблюдателем природы, чтобы увидеть чудесную птичку оляпку. Если вам придется побывать в безлюдных лесных или горных местах — присматривайтесь и прислушивайтесь хорошенько. На чистом и быстром ручье или речке, быть может, вам повезет увидеть чудесную птичку оляпку.

КУКШИ

Приходилось ли вам бродить в лесах нашего севера, на Кольском полуострове или в далекой глухой тайге? Идешь, бывало, с ружьем за плечами, прислушиваясь

к каждому звуку. То из-под самых ног вылетит белая куропатка, с шумом вспорхнет, пролетит, сядет на сук и запищит непуганый рябчик, или с грохотом поднимется с земли тяжелый глухарь. Остановишься, смотришь и долго слушаешь. Чудесный, нетронутый открывается перед глазами мир.

Чем дальше углубляешься в лес, больше и больше негданных встреч, неожиданных происшествий. Следя за человеком, пробравшимся в заповедное царство тайги, непрерывно следуют за ним кукши. Они легко перелетают с ветки на ветку, садятся иногда над самой головой.

Кукш не увидишь вблизи городов, проезжих дорог или людных поселений.

Непуганые кукши не боятся человека, упорно и долго перелетают за ним. Остановившись на месте, можно внимательно рассмотреть доверчивую кукшу. Это небольшая, легкая в полете птица, очень похожая на обыкновенную нашу сойку.

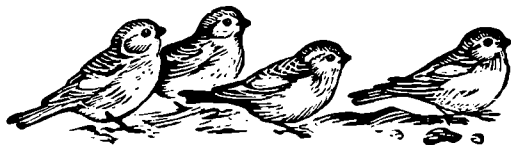
О жизни лесных кукш я знаю совсем мало. Знаю, что живут они в глухих северных лесах и отличаются крайним своим любопытством. Они следят за каждым шагом человека, легко перелетая за ним с сучка на сучок.

Что заставляет их преследовать человека, вошедшего в сказочное царство тайги? Иногда я останавливался в лесу на отдых, садился под дерево и закуривал трубочку. Кукши близко сидели на ветках и внимательно меня наблюдали. Казалось, они приветливо улыбались, и я улыбался им. Они развлекали меня в лесном моем одиночестве, были верными спутниками лесных моих путешествий.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с жизнью лесных кукш, но я никогда не находил их скрытных гнезд. Наверное, это очень доверчивые, тихие птицы.

Давние мои путешествия в страны непуганых птиц остались в моей памяти на всю жизнь. Я и теперь вспоминаю — северный лес, покрытые седым мхом зеленые кочки, недвижные редкие деревья, негаданные встречи в лесу и добрых моих спутниц кукш, не оставлявших меня в полном одиночестве.

ПУНОЧКИ

На самом далеком севере, на берегах и островах пустынного полярного океана, довелось мне видеть и наблюдать этих маленьких милых птичек. Еще лежат глубокие снега, бушует порою холодная пурга, а пуночки прилетели, первые радостные вестники полярной весны. Светит над тундрой незаходящее полуночное солнце. Сверкают снега. Собирают скудный свой корм на первых проталинах, поют и порхают веселые пуночки.

Гнездились когда-то пуночки в самых недоступных местах, в трещинах каменных скал, в пустынной и голой тундре.

Все ближе и ближе теперь прибываются пуночки к человеческому жилью, к городам и поселкам, возникшим на далеком севере нашей страны. Выйдешь, бывало, на крыльцо домика полярной станции — и в свисте хо-

лодной пурги совсем близко услышишь веселый звук радостной песенки.

— Пуночки! Пуночки прилетели!

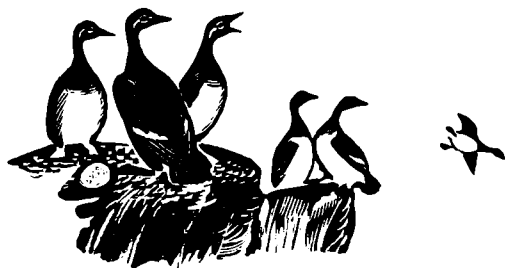
С человеком пуночки живут в большой дружбе. Нередко свои гнезда они выют под крышами жилых домов. На далеком Таймырском полуострове, в устье реки Нижней Таймыры, на полярной станции мы наблюдали весною множество пуночек. Эти пуночки скрывались от холода и выюги в прорытом людьми глубоком снежном тоннеле возле хранилища продуктов.

Пуночки — маленькие и очень подвижные птички. Весела их короткая радостная песенка, звучащая милым приветствием.

Зимою, когда на далеком севере скрывается солнце и начинается полярная темная ночь, пуночки отлетают на юг. А ранней весною неизменно возвращаются на свою холодную родину, где весною и летом светит незаходящее полуденное солнце.

Возле полярной станции мы нашли гнездо пуночек, устроенное в корпусе старого вездехода. Я близко наблюдал маленьких веселых птичек, выкармливавших своих птенцов. Жили птенцы в небольшом теплом гнездышке, укрытом мягким пухом.хлопотливые птички добывали в тундре корм для своих детей, ловили насекомых, надоедливых комаров, висевших темными тучами над нашими головами.

Не знаю, можно ли держать пуночек в неволе, но думаю, что пуночки должны быстро привыкать к человеку и доверчиво к нему относиться. Вспоминая свои давние путешествия в полярные страны, я всегда представляю веселых пуночек, оживлявших суровую, чудесную природу далеких холодных стран.

Уже много лет назад довелось мне побывать на далеких и пустынных островах холодного полярного океана. На Новой Земле и Земле Франца-Иосифа мы любовались чудесной, нам незнакомой природой. Видели сияющие, покрытые снегом купола ледников. Мимо нас проплывали высокие айсберги, светившиеся зеленоватым призрачным светом. Мы видели белых медведей, доверчиво подходивших к самому кораблю, моржей и тюленей, недвижно лежавших у своих лунок. Но больше всего в Арктике птиц. Птицы летали над нашими головами, садились на лед, безбоязненно плавали по открытой темной воде вскрывшихся проливов.

В бухте Тихой, где некогда зимовал полярный путешественник Георгий Седов, на высокой базальтовой скале Рубини шумел птичий базар.

Многие тысячи птиц гнездились на этой высокой скале, возвышавшейся над кипящим морем. Здесь жили маленькие люрики, большие белогрудые кайры с черными крыльями и острыми крепкими клювами, которыми они ловко ловили в море рыбу. Над самой водою небольшими стайками то и дело пролетали черные доверчивые чистики. Иногда они плавали почти у самой шлюпки, внезапно ныряли и надолго исчезали под водою.

Тут же летали чайки — черные хищные поморники и большие длиннокрылые буревестники-бургомистры. Стоило шлюпке приблизиться к скале Рубини, как на птичьем базаре поднимался оглушительный шум. Тысячи обеспокоенных птиц взлетали и с криками кружились над нашими головами.

Из всех птиц, живших на птичьем базаре, пожалуй, самые интересные — кайры. О птицах этих хочется рассказать особо.

Белогрудые кайры тесно гнездились сверху донизу на каменных выступах и в углублениях высокой отвесной скалы. На многочисленных птичьих базарах, где жили тысячи птиц, кайры никогда не ссорились между собою за место. Они дружно живут и с соседними птицами: с люриками и чистиками. Тревожат их лишь хищные птицы — черные поморники, орлы. Невероятный шум поднимается на птичьем базаре, когда близко показывается враг. За все короткое полярное лето кайра кладет в свое гнездо лишь одно яйцо. Гнезда-то, в сущности, и нет. Снесенное яйцо кайра держит меж ногами, обогревая теплом своего тела. Вылупившегося из яйца, покрытого теплым пухом маленького птенца взрослые кайры усердно кормят мелкой морской рыбешкой. Они трогательно ухаживают за своим единственным птенцом, охраняют его от злых чаек-поморников, которых сообща отгоняют от своего гнездовья.

Лето в полярных странах короткое, и птенцы кайр быстро растут. Самое интересное — как поступают взрослые кайры со своим подросшим птенцом. Когда птенец совсем окрепнет и оперится, мать и отец начинают подталкивать его к самому краю выступа скалы. Птенец не решается слететь на бушующее внизу холодное, кипящее волнами море: он упрямится, упирается. Родители настойчиво толкают его. Сорвавшись с выступа

скалы, подросший птенец невольно расправляет крылья и тихо планирует вниз на поверхность моря. Родители неотступно следят за ним. Испугавшись свободы, качаясь на волнах, птенец изо всех сил стремится плыть к основанию скалы, о которое с шумом разбиваются соленые волны. Мать и отец упорно гонят птенца в открытое море, дальше от скалы, об основание которой он может насмерть разбиться. Оставшись на свободе, птенец понемногу привыкает сам ловить мелкую рыбешку, добывать себе корм. Родители долго его не бросают, опекают и не позволяют подплывать к скале, где ему грозит верная смерть.

Я часто думал о поведении родителей-кайр, на первый взгляд, казалось, так безжалостно сталкивающих своего птенца в бушующее страшное море. Такое поведение родителей объясняется строгой необходимостью. Что стало бы с птенцом, если бы он не решился вылететь и плавать, а продолжал сидеть на маленьком выступе высокой скалы, который ему казался родительским домом? Родители-кайры поступают разумно и мудро. Кто знает — быть может, некоторым родителям-людям следует поучиться у мудрых кайр? Многие избалованные дети, привыкшие к теплым квартирам в высоких каменных городских домах, похожих на высокую скалу Рубини, страшатся пуститься в открытое море жизни. Слишком сердобольные бабушки и неумные родители тщательно оберегают и нежат своих детей, не подозревая, что этим губят их и своею эгоистической любовью делают из них жестоких и несчастных эгоистов, насмерть разбивающихся, подобно маленьким кайрам, о пороги отцовских домов. Наблюдая жизнь птиц и зверей, часто думал я, что людям многому можно у них научиться.

С ружьем за плечами я шел по берегу пустынного Таймырского озера, покрытому мелкой каменной галькой, рассыпавшейся под ногами. Полуночное солнце сияло над моей головой. Я смотрел и слушал — что делается в прозрачной и чистой тишине. Иногда над берегом пролетали дикие гуси, кружились над тундрой, высматривая добычу, хищные поморники. Мелкая галька шуршала под ногами.

Нежданно-негаданно из-под моих ног вылетел маленький куличок. Он тут же упал на землю и, притворяясь больным, стал трепыхаться, перебирать крылышками, как бы приглашая взять его руками. Я хорошо знал уловки некоторых птиц, хитростью отводящих охотников и собак от своих гнезд. Я стал внимательно осматривать под ногами мелкую гальку. Нелегко было разглядеть гнездо вспорхнувшего куличка. В сущности, никакого гнезда не было: прямо на голых и круглых камешках без всякой подстилки лежали яички, величиною и цветом ничуть не отличавшиеся от мелких камешков гальки.

Я знал, что куличков, гнездящихся на берегу моря, поморы-рыбаки называют зуйками. Этих небольших веселых куличков можно видеть на берегах Белого моря. Я осмотрел небольшие яички, лежавшие на нагретых

солнцем камешках, и, не трогая их, стал потихоньку отходить. Обманывавший меня зук скоро вернулся на свое гнездышко. Мне очень понравилась эта проворная маленькая птичка. Я с удовольствием вспомнил, что подростков-ребят, помогающих отцам ловить в море рыбу, поморы-рыбаки ласково называют «зуйками».

КОЛИБРИ

Эту историю мне рассказал мой старый знакомый, ученый зоолог, много путешествовавший по Крайнему Северу нашей страны и многое повидавший.

Когда-то ему довелось жить на далекой Чукотке. Почти все полярное лето он провел в походной палатке один на берегу Полярного океана. В холодной и пустынной тундре он охотился на птиц, снимал и сушил птичьи шкурки для музейных коллекций.

У палатки зоолога нередко собирались из соседних чумов чукотские ребята. Зоолог рассказывал им о далеких жарких странах, о тропических непроходимых лесах, в которых водятся диковинные птицы и звери.

Однажды зоолог рассказал чукотским ребятам о крохотных птичках колибри, живущих в лесах жарких стран. Крохотные птички эти, подобно бабочкам, пор-

хают над цветами, вьют маленькие гнезда, высиживают птенцов.

Выслушав рассказ зоолога о крошечных тропических птичках колибри, один чукотский мальчик сказал:

— Я видел в тундре такую птичку!

Разумеется, зоолог не поверил мальчику, но все чукотские ребята в один голос стали уверять, что не раз видели в тундре крохотных птичек. Кто-то из мальчиков рассказал, что его старый дедушка Тоголок — охотник-чукча — видел однажды, как такая маленькая птичка села на парус его лодки, когда дедушка возвращался с морской охоты на тюленей.

В тот же день ребята привели к палатке зоолога седого, покрытого глубокими морщинами дедушку Тоголока. Улыбаясь, зоолог спросил:

— Скажи, пожалуйста, ты видел здесь маленькую птичку, величиною с кончик твоего мизинца?

Старик чукча подумал и сказал:

— Один раз я видел такую маленькую птичку.

— Расскажи-ка — как и где ты ее видел!

— Видел я ее на море. Мы возвращались с охоты с моря, и такая маленькая птичка села на парус моей лодки.

— Ты сам ее видел?

— Видел сам, — ответил старик.

Рассказы чукотских ребят и старика смутили зоолога. «Кто знает, — подумал он. — Быть может, и в самом деле на севере водятся диковинные маленькие птички, о существовании которых ученые пока не знают?..»

Собирая коллекции редких птиц, коллекционеры-зоологи, чтобы не портить драгоценные шкурки, стреляют обычно самой мелкой дробью. Зоолог выдал мальчику немного пороха и мелкой, похожей на семена мака дробин. Строго сказал:

— Попробуй застрелить такую птичку и принеси сюда.

Через несколько дней ранним утром зоолога разбудили чукотские ребята. Они стояли вокруг палатки с очень серьезными лицами. Мальчик, которому зоолог поручил застрелить диковинную птичку, выступил вперед и торжественно вручил спичечный коробок, завернутый в тряпочку и перевязанный крепкой жилкой.

Чукотские мальчики в полном молчании наблюдали, как зоолог осторожно разворачивает и открывает короб с загадочной застреленной мальчиком птичкой.

Не торопясь, зоолог развернул вынутую из коробка бумажку. Вместо загадочной птички перед ним лежал... обыкновенный мертвый шмель.

На далеком севере, в холодных арктических странах, даже на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, в короткое полярное лето бурно пробуждается жизнь. Рядом со снежными сугробами и нерастаявшими ледниками распускаются нежные цветы золотистой сиверсии и душистые полярные незабудки. Здесь изредка можно видеть шмелей и некоторых других насекомых. На севере шмели очень быстро летают над цветами. Слушая рассказы зоолога о жарких странах и колибри, чукотские ребята вспомнили о виденных ими маленьких «птичках». Мальчик чукча застрелил мелкой дробью шмеля и принес в подарок зоологу диковинную птичку «колибри».

В богатствах календаря русской природы март числится первым месяцем весны, радостным праздником света. Уже кончился холодный, вьюжный февраль — «кривые дороги», как называют его в народе. По народному меткому слову, еще «зима зубы показывает». В первых числах марта нередко возвращаются морозы. Но все длиннее дни, раньше и раньше восходит над снежной сверкающей пеленой весеннее яркое солнце. В лесах и на поле нетронуты лежат глубокие сугробы. Выйдешь на лыжах — такая засверкает вокруг нестерпимая белизна!

По-весеннему пахнет воздух. Отбрасывая на снег лиловые тени, недвижно стоят в лесу деревья. Прозрачно и чисто небо с высокими легкими облаками. Под темными елями ноздреватый снег обсыпан опавшей хвоей. Чуткое ухо ловит первые знакомые звуки весны. Вот почти над самой головой послышалась звонкая барабанная трель. Нет, это не скрип старого дерева, как обычно думают городские неопытные люди, оказавшись в лесу ранней весной. Это, выбрав сухое звонкое дерево, по-весеннему барабанит лесной музыкант — пестрый дятел. Если прислушаться хорошенько, непременно услышишь: там и там в лесу, ближе и дальше, как бы перекликаясь, торжественно звучат барабаны. Так барабанщики-дятлы приветствуют приход весны.

Вот, прогретая лучами мартовского солнца, сама собой свалилась с макушки дерева, рассыпалась снежной пылью тяжелая белая шапка. И, точно живая, долго колышется, как бы машет рукой, зеленая ветка, освобожденная от зимних оков. Стайка клестов-еловиков, весело пересвистываясь, широким красно-брусничным ожерельем рассыпалась по увешанным шишками вершинам елей. Опершись на лыжные палки, долго любишься, как шустрые птички своими кривыми клювами тере-

бят шишки, выбирая из них семена, как, кружась в воздухе, тихо сыплются на снег легкие шелушинки.

Почти невидной и неслышной жизнью, доступной лишь зоркому глазу и чуткому уху, живет в эту пору едва пробудившийся лес. Вот, уронив обгрызенную шишку, взвершилась на дерево легкая белка. Прыгая с сучка на сучок, над самым сугробом уже по-весеннему тенькают синички. Мелькнув за стволами деревьев, неслышно пролетит и исчезнет сойка. Вспорхнет, прогремит и скроется в глубине лесного заросшего оврага пугливый рябчик.

Освещенные лучами солнца, высятся бронзовые стволы сосен, в самое небо вознося свои раскидистые вершины. В тончайшее кружево сплелись зеленоватые ветки голых осин. Пахнет озоном, смолою, багульником, жесткие вечнозеленые ветки которого уже показались из распавшегося сугроба у пригретого мартовским солнцем высокого пня.

Празднично, чисто в освещенном лесу. Яркие пятна света лежат на ветвях, на стволах деревьев, на слежавшихся плотных сугробах. Скользя на лыжах, выйдешь, бывало, на солнечную, сверкающую, окруженную березовым лесом поляну. Нежданно-негаданно, почти из-под самых ног, в алмазной снежной пыли начинают вырываться из лунок тетерева. Все утро кормились они на развесистых, усыпанных почками березах. Один за другим вылетают отдохавшие в снегу краснобровые черные косачи, желтовато-серые тетерки. В ясные дни по утрам уже можно услышать первое весеннее бормотание токующих косачей. В морозном воздухе далеко слышны их гулкие голоса. Но еще не скоро начнется настоящий весенний ток. Это лишь пробуют силы, точат оружие законные в черные латы краснобровые бойцы.

На глухих сосновых болотах готовятся к весеннему

току глухари-мошники. В глубоком снегу, в осиновых и сосновых зарослях, держатся лоси. Трудно увидеть чуткого лося, но нередко бывает и так, — спасаясь от злых браконьеров, лоси выходят к людным дорогам, на окраины селений и городов.

Чудесны лунные мартовские ночи! Крепким настом покрыты снега. Можно без лыж идти по хрустящему снежному паркету. Сказочным кажется ночной лес. Иные, ночные, слышатся звуки и голоса. Вот гугукнула, пролетая, сова, далеко-далеко отозвались ей другие невидимки-совы. Пискнув тихонько, лесная мышь пробежала по снегу, скрылась под пнем в сугробе. Опушкой леса пробежала осторожная лисица. В светлые лунные ночи выходят на поля жировать русаки.

Еще спят в своих теплых норах и берлогах барсуки и медведи. Но в ясные мартовские дни все чаще просыпается медведь. Подрастают в берлогах родившиеся зимою медвежата.

Настоящая весна приходит в середине марта. В городах и поселках течет с крыш, висят длинные сосульки. Радостно, по-весеннему чирикают воробьи. На лесных тропинках проваливается под ногами снег.

А где-то, на далеком юге, уже цветут сады, давно начался сев. Многотысячная армия пролетных птиц готовится в дорогу. Из далекой Африки, с берегов Южного Каспия отправляются птицы в далекий путь. Первыми прилетают близкие гости — грачи. В старых парках на высоких деревьях ладят они свои гнезда, шумом и гамом наполняя окрестности. За грачами прилетят скворцы, покажутся на весенних проталинах первые жаворонки.

С каждым днем сильнее греет солнце. Бегут под снегом весенние ручейки. Скоро придет апрель — самый шумный месяц вешней воды, пробуждения земли, бурного движения соков.

ВЫДРЫ И НОРКИ

Ранним утром я проходил берегом знакомой тихой реки. Уже взошло солнце, стояла полная беззвучная тишина. На берегу широкой и тихой заводи я остановился, прилег на луг и закурил трубочку. В кустах пересвистывались и перелетали веселые птички. По всей заводи густо цвели белые лилии и желтые кувшинки. Широкие круглые листья плавали на поверхности недвижной воды. Над кувшинками летали и присаживались легкие стрекозы, в небе кружили ласточки. Высоко, высоко, чуть не под самыми белыми облаками, распластав крылья, парил ястреб-канюк. Пахло цветами, скошенным сеном, береговой высокой осокой.

Вдруг что-то шлепнуло раз и другой посреди тихой заводи, и я увидел голову вынырнувшей выдры, плывущей к берегу меж недвижных кувшинок. С живой пойманной рыбой во рту выдра плыла к густому кустарнику, которым был покрыт берег. Я сидел не шевелясь, видел, как выдра выбралась из воды и исчезла под кустами. Мне еще не приходилось наблюдать на свободе живую скрытную выдру. Иногда только я видел на мокром береговом песке следы осторожной хищницы.

Выдры живут обычно у глухих и тихих лесных речек, где водится много рыбы. Они питаются исключительно рыбой, очень хорошо умеют нырять, подолгу остаются под водою. Выдра очень красивое животное. Теплый и легкий мех выдры дорого ценится на рынке.

Пойманную молодую выдру легко приручить. Еще в раннем детстве я знал человека — лесного объездчика, служившего у хозяина моего отца. У этого человека жила ручная выдра. Он брал ее с собою на охоту, и она бежала за ним, как обыкновенная собака. Иногда он посылал ручную выдру в воду. На глазах наших она ныряла и выносила на берег к ногам хозяина живую пойманную рыбу.

Выдры уцелели только в самых глухих и нетронутых местах. Живут выдры очень скрытно, их трудно увидеть и поймать.

Подобно выдрам, у глухих лесных ручьев и речек водятся небольшие проворные зверьки — норки. Они также умеют хорошо нырять, по ночам ловят мелкую спящую рыбешку. Норки — хищные и прожорливые зверьки. Они разоряют птичьи гнезда по берегам лесных рек и, подобно хорькам, не стесняются нападать на крупных птиц. По ночам забираются даже в курятники, расположенные недалеко от берега реки.

Возвращаясь однажды с глухариного тока, я нашел

спрятанную в лесном ручье, под корнями росших на берегу ольховых кустов, мертвую еще теплую глухарку с отгрызенной головою. На месте преступления валялась кучка окровавленных перьев. Перышки убитой глухарки плыли по течению лесного ручья. По-видимому, большую и сильную птицу злая, проворная норка загрызла в то время, когда глухарка, чтобы напиться, неосторожно подошла к ручью. Лесной разбойницы-норки я так и не видел.

БОБРЫ

Из всех диких зверей, которых мне доводилось видеть и наблюдать, самые диковинные и умные звери, несомненно, бобры. Уже много лет назад побывал я в Лапландском заповеднике — на далеком севере нашей страны. В те времена на Кольском полуострове еще не было хороших проезжих дорог. В заповедник нужно было пробираться на парусной лодке по пустынному и дикому озеру, носившему сказочное имя Имандра. Пустынные берега Имандры были покрыты глухими безлюдными лесами. Мы перетаскивали нашу лодку через каменистые пороги реки Нижняя Чуна, плыли по еще более пустынному озеру, богатому редкостной рыбой.

Я увидел лесной иструнутый край непуганых птиц, непуганого зверя. По заповеднику запросто бродили медведи, паслись стада диких оленей, почти у самых ног путешественника смело бегали белые куропатки. По озеру плавали дикие лебеди, по лесным трущобам скитались хитрые россомахи, с шумом взлетали тяжелые глухари, свистели и перепархивали рябчики.

Я поселился в маленьком домике, возле которого впадала в озеро река Верхняя Чуна. В эту реку сотрудники заповедника недавно выпустили бобров, привезенных в клетках из воронежского бобрового заповедника. Бобры быстро освоились и прижились на новых местах, со свойственным им трудолюбием начали устраивать на берегах реки свои жилища. Бродя по берегам реки Верхняя Чуна, мы находили много свежих бобровых погрызов, поваленные деревья, которые бобры у самого корня подгрызали своими острыми, крепкими зубами. Из обглоданных огрызков молодых деревьев бобры строили у воды свои высокие, скрепленные илом хатки с подземным выходом в бегучую воду. На реке Верхней Чуне мне не удалось увидеть живых бобров. Я видел лишь их следы, новые хатки и поваленные ими деревья.

Уже много позднее побывал я в воронежском бобровом заповеднике, где преданные своему делу люди охраняли и разводили редкостных зверей. Бобры жили там на воле, в лесной реке и на ее притоках. Отловленных бобров сотрудники заповедника держали в просторных проволочных вольерах. Привыкнув к ухаживавшим за ними людям, бобры не боялись выходить днем из построенных для них деревянных хаток. Усевшись на задние лапы, держа в передних обрубках ивовых ветвей и стволов, они на глазах наших быстро, как на токарном станке, сгрызали с них зеленоватую кору.

В отдельном помещении, с устроенными у стен

клетушками-загонами, жили ручные бобры. За ними ухаживали женщины, кормили их и поили. Некоторых бобров, отличавшихся кротким нравом, можно было брать в руки. Они становились совсем ручными, ходили как собаки за своими хозяевами, называвшими бобров ласковыми именами.

Из воронежского заповедника бобров расселяют по всей нашей стране, по глухим удобным для их поселения рекам. Сами бобры широко расселились из воронежского заповедника по окрестным местам. Нору бобров однажды нашли под насыпью железной дороги, по которой проносились скорые и товарные поезда. Парочка бобров жила под мостом, гремевшим и сотрясавшимся от проезжавших тяжелых машин.

Бобры когда-то жили почти повсеместно. Красивый и теплый мех бобров ценился дорого еще в далекие времена. Шкурки бобров в старину заменяли деньги. Бобровыми шкурками люди расплачивались за купленные товары, выплачивали дань. Из бобровых шкурок богатые люди шили себе шапки, красивые и пышные воротники. Особенно ценилась в давние времена «бобровая струя» — густая пахучая жидкость, выделявшаяся из подхвостных желез бобров. Драгоценной бобровой струей лечили в старину многие тяжелые болезни. Высоко ценилось и вкусное мясо бобров. Мясо бобров в старину считалось лакомством. Любители вкусных блюд особенно ценили широкий хвост бобра, покрытый чешуйчатой кожей. Католические монахи, любившие полакомиться вкусным мясом бобра, причисляли бобров к рыбам, ели бобровое мясо в постные дни, когда обыкновенное мясо монахам есть запрещалось.

В течение многих столетий люди беспощадно охотились на бобров. Они ловили их в ловушки, ставили хитроумные капканы, стреляли из луков и ружей. Страшась

людей, оставшиеся в живых бобры стали очень пугливы и осторожны. Они скрывались в малодоступных лесных трущобах возле самых глухих рек. Но и там их продолжали преследовать и истреблять. Бобров уничтожали не только в нашей стране, но и в Америке и в Канаде, где на них велась жестокая охота.

Перед революцией в России осталось очень мало бобров. Немного бобров сохранилось в глухих лесах Белоруссии. Случайно уцелели бобры под Воронежем, где устроен теперь большой заповедник. В последние годы количество бобров в нашей стране значительно увеличилось. Места, где обитают бобры, охраняются от браконьеров.

Наверное, многим из вас известно, что умные бобры умеют строить на реках высокие плотины. Они поднимают воду в реке, возводят на берегах целые поселки. В высоких, почти в рост человека хатках ютятся семьи бобров. В каждой бобровой хатке два этажа. В верхнем этаже, на мягкой подстилке, живут бобры и их дети. Съестные припасы хранятся в нижнем этаже. Выход из хатки скрыт глубоко под водою. В воронежском заповеднике я видел устроенную бобрами на небольшой лесной реке высокую плотину. Слепленная из речного ила, огрызков дерева и небольших бревен, плотина эта была полукруглой формы. По ее гребню, через который струилась запруженная вода, легко можно было ходить. Я изумлялся инженерному мастерству и уму бобров, построивших эту высокую плотину. Строительством плотины бобры занимались ночами. Пугаясь людей, днем они сидели в своих закрытых хатках и глубоких норах. Строительный материал для плотины они сплавляли по воде тоже ночами. У поваленного на берегу дерева они отгрызали сучья и ветви, разгрызали ствол дерева на небольшие обрубки и скатывали в воду. По-видимому, строитель-

ная дружная работа производилась всем обществом бобров. Я не сомневаюсь, что умные и трудолюбивые бобры, как и многие другие дикие животные, могли бы стать доверчивым и близким другом человека. К сожалению, в течение столетий люди беспощадно уничтожали безобидных бобров. Страх к своему врагу-человеку сделал бобров пугливыми и осторожными.

Питаются бобры исключительно растительной пищей: болотными и луговыми растениями, водорослями, осокой, корою деревьев: ив, осин и берез, растущих по берегам рек. Приготовленный на зиму корм бобры трудолюбиво сплавляют к своему жилищу. Кроме человека у бобров мало опасных врагов. Ходят рассказы, что хищные выдры иногда посещают жилища бобров, пожирают там пойманную рыбу, грязнят и пачкают жилище, похищают маленьких бобрат.

Совсем недавно мой друг Олег Измайлович Семенов-Тяньшанский, внук знаменитого географа и путешественника, много лет проживший в Лапландском заповеднике, рассказал мне такую забавную историю. Недалеко от заповедника теперь пролегает большая проезжая дорога, по которой то и дело ходят автобусы и грузовые машины. Возвращавшиеся из школы ребята увидели однажды переползавшего через дорогу бобра. Они погнались за ним, и бобр спрятался в наполненной водою глубокой придорожной канаве. Дети остановили проезжавшего мотоциклиста, просили его известить людей об их находке. Скоро из ближнего поселка пришла грузовая машина. Спрятавшегося в придорожной канаве бобра изловили, посадили в деревянный ящик и привезли в поселок. Там его некоторое время держали, пытались кормить, потом решили отправить в заповедник. В заповеднике бобра узнали: на его ухе была прикреплена металлическая бляшка. По-видимому, этот бобр пытался бежать из

заповедника в поисках нового для себя места. Олег Измайлович решил выпустить бобра в знакомое озерко, где уже жил один-единственный бобр. Он думал так: если живший в озерке бобр окажется самкой, то знакомство бобров произойдет мирно. Если же в озерке живет самец, то между бобрами неизбежно произойдет драка. Через некоторое время Олег Измайлович вместе со своей собакой-лайкой пришел навестить знакомое озерко. Нежданно-негаданно из воды вынырнул бобр. Голова и спина его были заметно потрепаны. Очевидно, в озерке недавно происходила драка. Увидев плававшего бобра, собака с лаем бросилась в воду. Бобр как бы хотел над ней подшутить. Он сильно шлепнул по воде своим плоским хвостом, обдал брызгами голову подплывавшей собаки, нырнул и опять показался над водою. Собака вновь поплыла к бобру, и он повторил свою шутку. Эта игра с плававшей собакой продолжалась долго, и Олег Измайлович, стоя на берегу, смеялся над затейной веселым бобром игрою.

БАРСУКИ

Недалеко от нашего домика, в лесу у тропинки, есть старые барсучьи норы. Прежде здесь жили барсуки. Вокруг в те времена возвышался старинный сосновый бор.

У барсуков был целый подземный городок. Днем они скрывались в своих глубоких норах, по вечерам выходили на промысел. Теперь барсуков в нашем лесу уже нет. Их норы давно раскопали, барсуков изловили, а в оставшихся опустевших норах поселились лисицы. Но и лисиц теперь почти не стало. Приехав на лето в наш карачаровский лесной домик, я, как всегда, пошел посмотреть на барсучьи старые норы. Оказалось, кто-то раскопал и последние уцелевшие норы, добывая молодых лисят.

Когда-то барсуков много водилось в наших русских лесах. Обычно они селились в глухих местах, возле болот, рек, ручьев. Для своих нор барсуки выбирали высокие, сухие, песчаные места, которые не заливали внешние воды. Барсуки рыли глубокие норы. Над их норами росли высокие деревья. Из нор было несколько выходов и входов. Барсуки очень опрятные и умные звери. Зимой они, так же как ежи и медведи, впадают в спячку и выходят из нор только весной.

Помню, еще в детстве отец водил меня смотреть жилые барсучьи норы. Вечером мы прятались за стволами деревьев, и нам удавалось видеть, как выходят на промысел старые коротконогие барсуки, как у самых нор играют и возятся малые барсучата. Отец рассказывал мне, будто хитрые лисицы выживают из нор чистоплотных барсуков. Лисица забиралась в барсучью нору и пачкала ее. Опрятные барсуки старательно убирали и закапывали лисий помет. Лисица настойчиво продолжала посещать барсучьи норы. Барсукам это надоедало, и они иногда покидали свои норы. В оставленных норах поселялись нечистоплотные лисицы.

В лесу по утрам мне не раз приходилось встречать барсуков. Я смотрел, как осторожно пробирается барсук у стволов деревьев, обнюхивает землю, разыскивая насекомых, мышей, ящериц, червяков и другой мясной и рас-

тительный корм. Барсуки не боятся ядовитых змей, ловят их и поедают. Барсуки не уходят далеко от нор. Они пасутся, охотятся вблизи подземного жилища, не надеясь на свои короткие ноги. Барсук по земле ходит тихо, и не всегда удается услышать его шаги.

Барсук безобидное и очень полезное животное. К сожалению, в наших лесах барсуков теперь почти не стало. Редко где в глухом лесу сохранились населенные барсучьи норы. Барсук умный лесной зверь. Он никому не причиняет вреда. К неволе барсук привыкает трудно, и в зоопарках днем барсуки обычно спят в своих темных конурах.

Очень интересно, найдя норы, следить за жизнью их обитателей.

Охотиться на барсуков нетрудно. В их норы запускали небольших коротконогих собачек такс. Прислушиваясь к подземному лаю, охотники разрывали нору и доставали живых барсуков. Иногда барсуков выкуривали из нор дымом. Зажигали у нескольких входов небольшие костры, норы наполнялись едким дымом, и барсуки волей-неволей появлялись наружу. Здесь их хватали и прятали в мешки. Однажды я встретил в лесу знакомого человека, несшего на плече двух пойманных молодых барсучат. Довольный своей добычей, он весело рассказал мне, что пробовал выкуривать из нор барсуков. У него не было мешка, и он придумал запрятать добычу в две штанины собственных снятых штанов. Штанины были завязаны снизу узлами, и в каждой штанине сидело по живому барсуку. У веселого охотника, шагавшего по лесной тропинке без штанов, был весьма забавный вид. Штаны с шевелившимися барсучатами были перекинута через плечо. Мы постояли, пошутили, покурили. Счастливый зверолов направился в деревню, чтобы похвастаться добычей.

Я никогда не охотился на миролюбивых барсуков, но иногда находил их лесные жилища. Живых барсуков редко приходилось видеть. Идешь, бывало, с глухариного тока, встает над лесом солнце. Остановишься, чтобы, присев на пенек, хорошенько послушать и посмотреть. Увидишь барсука, осторожно пробирающегося у стволов деревьев и обнюхивающего каждую пядь земли. Лапы барсука похожи на маленькие крепкие лопаты. В случае опасности барсук может быстро зарыться в землю. Когда барсуки роют свои норы, они выгребают землю передними ногами, задними — выталкивают ее наружу. Быстро, как машины, роют они норы.

Если вам придется найти в лесу жилые барсучьи норы — не трогайте их, не разоряйте и не убивайте полезных и добродушных зверей. Барсук стал в наших лесах очень редким животным. Совсем уничтожить этого зверя нетрудно.

ЛИСИЦЫ

Прошлым летом у нашего лесного домика произошло чрезвычайное происшествие. Ранним утром жена покликала меня на крыльцо, в голосе ее слышалась тревога. Я вышел за дверь и у ступеней крыльца увидел лисичку. Она стояла, спокойно смотрела на нас и как будто ожи-

дала угощения. Мне еще никогда не приходилось видеть, чтобы осторожные пугливые лисицы подходили близко к человеку. Обычно они прячутся в лесу, и живую лисицу даже опытному охотнику трудно близко увидеть. Наша лисичка стояла совершенно спокойно, доверчиво глядя на нас. Красивый пушистый хвост ее был вытянут, изящные тонкие лапки не двигались. Я с удивлением смотрел на негаданную гостью, сказал жене:

— А ну-ка, брось ей кусочек мяса!

Жена принесла из кухни небольшой кусок сырого мяса и бросила лисичке под ноги. Лисичка спокойно взяла и съела мясо. Ничего не понимая, я сказал жене:

— Попробуй бросить ей кусочек сахара.

Белый кусочек сахара лисичка съела так же спокойно. Я долго не мог понять — откуда взялась у нашего домика необыкновенная гостья, и наконец догадался.

За лесом, в двух или трех километрах, недавно построили большой пионерский лагерь. Летом в этом лагере отдыхают приезжие из Москвы пионеры. Как-то я был в лагере, читал ребятам мои рассказы. Они показали мне обнесенный железной сеткой маленький уголок юного натуралиста. Там в небольших клетках жили ручные белки и птицы, жила и рыжая лисичка, которую ребята кормили из рук. По-видимому, уезжая в город, пионеры выпустили на волю привезенную из московского зоопарка лисичку. Не привыкшая к свободе лисичка отправилась разыскивать человека. Наш лесной домик оказался первым на ее пути. Лисичка несколько дней жила у нашего домика. Днем она пропадала — быть может, забиралась в подполье или пряталась в пустую собачью конуру возле сарая. По утрам и вечерам она выходила на волю, и мы ее кормили. К нашему рыжему коту она относилась дружески, и нередко они ели из одной чашки. Иногда лисичка ночевала на маленькой тер-

расе возле моей комнаты. Однажды жена оставила на столе террасы кастрюльку холодного супа. Лисичка открыла крышку и съела ночью весь суп.

Судьба лисички была печальна. Она стала похаживать к большому дому отдыха, где отдыхающие люди, дивясь ручной лисичке, старались ее подкармливать. Напрасно я уговаривал построить для гостыи-лисички небольшую теплую конуру, где она могла бы провести холодную зиму. Лисичка есть лисичка. Поселившись возле дома отдыха, однажды она утщила у сестры-хозяйки четырех кур. Потом исчез и петушок. За эти проделки ее, разумеется, пристрелили.

О лисицах рассказано много всяческих басен и небылиц. В народных сказках лисицу обычно изображают хитрым зверем, обманывающим доверчивых птиц и зверей.

Сомнения нет, что живущие на воле лисицы нередко ловят зазевавшихся крупных птиц, изредка таскают домашних уток и кур, ловят зайцев беляков и русаков. Как многие звери, лисицы устраивают кладовые. Пойманного зайца лисицы не могут съесть в один прием и старательно зарывают оставшееся мясо в снег. Лисицы помнят свои кладовые и, когда нет добычи, доедают спрятанное про запас мясо. Они разоряют гнезда птиц, свитые на земле, ловят подростков-птенцов, не умеющих хорошо летать. Но самая обычная пища лисиц — это лесные и полевые мыши. Зайцами и мышами питаются они зимою, когда лежит глубокий снег. Даже днем можно увидеть в открытом поле мышкующую лисицу. Неся над снегом пушистый свой хвост, пробегает лисица по снежным полям и сугробам, прислушиваясь к каждому звуку. Слух и чутье у нее изумительны. Под глубоким сугробом она слышит писк мышей и безошибочно добывает их.

На мышкующих лисиц опытные охотники устраивали

охоту с легким щитом, обтянутым белым коленкором. В середине такого щита делали отверстие, через которое можно смотреть и стрелять. Прикрываясь щитом, охотник на лыжах потихоньку приближался к мышкующей лисице. Остановившись на месте, присев на снег, он по-свистывал в маленький пищик, издававший звук, похожий на мышинный писк. Услышав такой писк, лисица начинала приближаться к спрятавшемуся за белым щитом охотнику, подходила на верный выстрел, и охотник убивал ее.

Зимою на лисиц охотятся обычно с гончими собаками-лисогонами. Как всякий зверь, лисица делает по лесу круги и попадает под выстрел спрятавшегося охотника. Если ей удастся заметить человека, она уходит далеко на прямую, и тогда ее трудно убить.

Мне редко приходилось охотиться на лисиц, но хитрые их повадки мне хорошо известны. Не раз я находил в лесу норы лисиц. Нередко они селятся в норах хозяйственных барсуков, которых настойчиво выживают. Лисицы и сами роют глубокие норы, обычно в песчаных откосах, прикрытых деревьями и кустами. У жилых лисьих нор всегда можно видеть много костей птиц и зверьков, которыми взрослые лисицы кормят подрастающих лисенят. Спрятавшись в кустах, можно увидеть играющих у норы подростков-лисенок. Гостя как-то на водяной мельнице, стоявшей на берегу лесной реки, каждое утро я видел, как молодая собака мельника играет на лугу с вышедшим из лесу рыжим лисенком. Никаких ссор между ними не происходило.

Пойманные молодые лисицы очень быстро привыкают к человеку. Их можно водить по городу на цепочке, как водят домашних собак. Опытные люди уверяли меня, что даже в большом городе после выпавшей свежей пороши, среди кошачьих и собачьих следов на бульварах можно

увидеть и лисьи следы. Не знаю, можно ли верить таким рассказам, но вполне допускаю, что выпущенная в городе на волю лисица может себя прокормить.

Охотятся зимой на лисиц окладом с красными спитцевыми флажками, пришитыми к топкому длинному шнуру. Тихо обойдя залегшую в лесу лисицу, охотники обносили длинным шнуром широкий круг и вешали его на ветках кустов. Там, где стоял охотник, оставляли открытый проход. Лисицы боялись развешанных красных флажков, пахнущих кумачом и керосином, и близко к ним не подходили. Самые хитрые лисицы иногда подкапывались в снег под флажки и уходили от ожидавшего их стрелка.

Как-то в гатчинском лесу мне довелось охотиться на обложенную моим приятелем, старым охотником, лисицу. Я услышал громкий стрекот. Это стрекотали над убегавшей лисицей чуткие и осторожные сороки, отчетливо показывая ее путь. Я застрелил эту лисицу. Она была первой моей добычей в гатчинском лесу, где некогда устраивались царские охоты.

ЕЖИ

Приходилось ли вам слышать, как разговаривают между собою ежи? Наверное, никто не слышал.

А вот я слышал.

Расскажу по порядку. Зимой и летом мы живем в Карачарове на берегу реки, в маленьком домике, со всех сторон окруженном лесом. Мы ходим в лес наблюдать и слушать, как живут и поют птицы, как расцветают лесные цветы, летают и ползают насекомые.

Выходя по ночам на крыльцо полюбоваться на звездное небо, послушать ночные звуки и голоса, я часто слышал, как кто-то пробегает в высокой траве под сиренью. Я зажигал электрический фонарик и видел убежавшего большого ежа. Ежей мы нередко видели по вечерам, когда закатывалось солнце: в поисках пищи они безбоязненно бродили вокруг нашего домика, подбирали крошки и съедобные отбросы, которые мы для них оставляли. Нередко ежи подходили к большой чашке с едой, из которой мы кормили наших собак — добродушного черного Жука и хитрую Белку. Обычно Белка начинала обидчиво и яростно лаять, а ее флегматичный сын Жук отходил в сторонку и терпеливо молчал. Ежи забирались передними лапами в собачью чашку и, тихо пофыркивая, спокойно ели. Несколько раз я ловил ежей и приносил в дом. Они ничуть не боялись людей, спокойно бегали по комнатам и не пытались свертываться в клубочек. Я выпускал их на волю, и они продолжали кормиться возле нашего домика, раздражая собак.

Однажды в темную летнюю ночь я сидел в моей комнате за письменным столом. Ночь была тихая, лишь иногда с реки доносились легкие отдаленные звуки. В полной ночной тишине под полом вдруг послышались очень тихие незнакомые и приятные голоса. Голоса эти были похожи то ли на тихий разговор, то ли на шепот пробудившихся в гнезде птенцов. Но какие же птенцы могли быть в подполье?.. И на мышинный писк, на злобный визг крыс не были похожи эти ласковые подпольные голоса. Я долго не мог понять, кто разговаривает у меня

под полом. Через некоторое время я вновь услышал в подполье уже знакомый ласковый разговор. Там как бы беседовали между собою два загадочных, мне незнакомых существа.

— Каково спят наши детки? — говорил один ласковый голос.

— Спасибо, детки наши спят спокойно, — отвечал другой ласковый голос.

И загадочные голоса замолкали.

Я долго думал, кто так ласково разговаривает под моим письменным столом в подполье? «Наверное, там живут ежи, — подумал я. — Старый еж приходит к своей ежихе и спрашивает у нее о маленьких ежатах». Каждую ночь я слышал в подполье ежиные голоса и улыбался: так дружно разговаривали еж и ежиха!

Однажды вечером, когда за рекой закатывалось солнце, в открытое окно меня кликнул внук.

— Дедушка, дедушка, — кричал он, — выходи скорее!

Я вышел на крыльцо. Внук показал мне на спокойно прогуливавшееся по утоптанной дорожке целое семейство ежей. Впереди шел старый большой еж, за ним шла ежиха и маленькими комочками катились крохотные ежата. По-видимому, родители в первый раз вывели их из гнезда на прогулку. С тех пор каждый вечер старые ежи и ежата выходили гулять на дорожку. Мы оставляли для них в блюде молоко. Ежата спокойно пили молоко вместе с котенком, который у нас жил и подрастал.

Так продолжалось несколько дней. Потом ежи ушли в лес, и мы их видели редко. По ночам они по-прежнему приходили к нашему домику, пили молоко и ели из собачьей чашки, но больше я не слышал в подполье ежиных ласковых голосов.

Все видели и знают ежей. Это очень смирные и кроткие звери. Они никому не причиняют вреда и никого не

боятся. Днем они спят, а ночью выходят на охоту. Они уничтожают вредных насекомых, воюют с крысами и мышами, загрызают ядовитых змей. На зиму они устраивают для себя под корнями деревьев маленькие удобные берлоги. На своих колючках они таскают в берлоги мягкий мох и сухие листья. На всю зиму ежи засыпают. Их маленькие сокрытые берлоги покрывают глубокие снежные сугробы, и ежи спокойно спят всю зиму. Просыпаются они ранней весной, когда в лесу сходит снег, выходят на охоту.

Ежи скоро привыкают к людям и делаются ручными. В соседнем пионерлагере развелось целое стадо ежей. Каждую ночь они приходят из леса к пионерской столовой и лакомятся едою, которую оставляют для них пионеры. Там, где живут ежи, нет ни мышей, ни крыс.

Когда-то и у меня жил ручной еж. Днем он забирался в голенище валеного старого сапога, а ночью выходил на добычу. Я часто просыпался от мелкого топота и шума, который производил по ночам еж. Два или три раза мне удалось наблюдать, как он ловит мышей. С необыкновенной быстротою еж бросался на показавшегося в углу комнаты мышонка и немедленно с ним расправлялся. Признаться, он причинял мне много беспокойства, мешал по ночам спать и вел себя нечистоплотно. Несмотря на все неприятности, мы очень подружились. Мне и моим гостям очень нравились некоторые ежиные смешные ухватки. Выходя из ночного убежища, он старательно обнюхивал и оглядывал каждую щелку, подбирал на полу мелкие крошки. Было что-то уморительно смешное в его движениях, походке, в его маленькой мордочке, покрытой серыми волосами, в его маленьких черных и умных глазках.

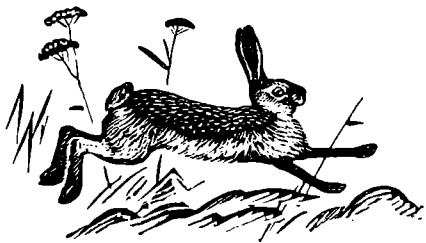
Иногда я клал его на стол и громко хлопал по доске ладонью. Еж почти мгновенно свертывался в колючий

серый клубок. Долго оставался он неподвижным. Потом начинал медленно, тихо разворачиваться. Из острых серых колючек показывалась маленькая смешная и недовольная мордочка. Он обнюхивался и оглядывался. На мордочке появлялось выражение прежнего добродушного спокойствия.

Об ежах написано и рассказано много. Рассказывают, как на ежей охотятся хитрые лисицы. Свернувшегося в колючий клубок ежа лисица тихонько скатывает с крутого берега в воду, где еж быстро разворачивается и лисица легко расправляется с ним. То же самое проделывают с ежами некоторые умные собаки.

Ежи не любят табачного дыма. Стоило показать моему ежу дымящуюся папиросу, он со всех ног пускался от ненавистного дыма наутек. Мой еж очень любил вино. Вылизав блюдечко, в которое ему наливали две или три чайных ложечки вина, он, смешно пошатываясь, отправлялся в свое дневное убежище и надолго там оставался.

ПОСЛЕДНИЙ РУСАК

Лет десять-пятнадцать назад в лесу, подле нашего карачаровского домика, еще водилось много всяческой дичи. Отойдя несколько десятков шагов от крыльца, я

поднимал выводки рябчиков. У ближнего болотца, где на кочках растет много брусники, гнездились тетерева. Несколько раз в лесу я видел глухарей и глухарок. Особенно много было зайцев-русаков. На зиму нам приходилось обвязывать колючим еловым лапником молодые яблони, чтобы их не испортили зайцы, каждую ночь бродившие вокруг нашего домика. Зимой, проходя полем после пороши, я не раз любовался чудесной грамотой звериных и птичьих следов. На чистом белом снегу отчетливо были отпечатаны ночные следы кормившихся русаков, валялись орешки заячьего помета. Тонкой и ровной цепочкой тянулись лисьи следы. Возле кустов в поле я не раз поднимал стайку серых куропаток.

Ни заячьих, ни лисьих, ни птичьих следов теперь мы не видим. Трудно объяснить причину убыли лесной и полевой дичи. Несомненно, в истреблении дичи повинны недобрые охотники, не желающие соблюдать правил и сроков охоты. Очень возможно, что некоторые звери и птицы погибают, отравленные ядовитыми химическими удобрениями. С каждым годом все меньше и меньше остается в лесу птиц и зверей. Давно не вижу рябчиков, не поднимаю у знакомого болотца старых и молодых тетеревов. Обеднела весенняя вальдшнепиная тяга, мало осталось водяной и болотной дичи.

Года три назад к нашему домику еще приходил один уцелевший заяц-русак. Зимой на огороде я видела иногда его робкие следы. Осенью однажды на утренней зорьке меня разбудил далекий лай гончих собак. Лай приближался к нашему домику. Я отчетливо слышал заливыстые голоса гончих. «Наверное, собаки подняли и гонят последнего нашего русака!» — подумал я с тревогой.

Лай собак слышался ближе и ближе. Почти у самого дома собаки вдруг замолчали. И только через несколько минут я вновь услышал гонный лай. Теперь собаки гна-

лись за зайцем по открытому полю, отделявшему наш домик от большого поселка. Я слушал удалявшийся лай и с тревогой ждал конца. Скоро послышались два ружейных выстрела, и лай прекратился.

Утром жена рассказала, что выходила на зорьке на огород посмотреть прополотую, приготовленную к зимовке клубнику. Нежданно-негаданно к ней в ноги прикатил заяц-русак. От неожиданности жена присела. Присел и заяц-русак. Так несколько секунд они смотрели друг на дружку. Потом заяц схватился, прижал к спине уши и пустился наутек в открытое поле, где его опять подхватили гончие собаки.

Наверное, это был тот самый русак, следы которого я видел зимою вблизи нашего домика. В это осеннее утро, уходя от наседавших собак, он прибежал спастись на паш огород. Теперь возле нашего домика я не вижу заячьих следов. Было очень жалко последнего русака. Захотелось на память о нем написать этот короткий рассказ.

ГОРНОСТАЙ

Кто не знает и не слышал о этом красивом зверьке, еще в самые недавние времена обитавшем в нашей стране почти повсеместно, от крайнего севера до дале-

кого юга? Когда-то мех горноста́я был в большой моде. В давние времена в мантиях из белоснежных горностаевых шкурок короли восседали на золоченых тронах. Из дорогих шкурок горноста́я богатые модницы носили красивые накидки.

Горноста́й очень подвижный хищный зверек. Днем горноста́я трудно увидеть. В зимнее время на чистом снегу отчетливо видны его парные, легкие следы. Скрываются горноста́и в подземных порах под корнями старых деревьев, обычно по берегам рек и ручьев, в заросших лесом оврагах.

Случается, живут горноста́и и вблизи селений, прячутся под амбарами и жилыми домами. Ночью нередко забираются в курятники, устраивают там жестокую расправу над спящими курами и петухами. После войны в окрестностях Ленинграда и в самом городе я видел на снегу много следов горностаев, прятавшихся в выбоинах и глубоких ямах, оставшихся после разрывов мин и снарядов.

На далеком севере храбрые горноста́и человека почти не страшатся. Уже много лет назад довелось мне побывать в Лапландском заповеднике. Ранней весной я жил на берегу лесной речки Верхняя Чуна, впадавшей в глубокое озеро, еще покрытое толстым льдом. Я жил совсем один в маленьком домике, срубленном руками сотрудников заповедника. Вместо печки в углу домика был из камней сложен широкий очаг, в котором я разводил огонь. Я спал на бревенчатых жестких нарах, в спальном мешке, сшитом из оленьих теплых шкур.

В устье реки, на которой жили бобры, образовалась к весне небольшая полынья с быстро текущей прозрачной водою. В этой полынье я ловил на блесну серебристых хариусов, в великом множестве собиравшихся

у песчаного чистого дна. С пойманной рыбой я возвращался к домику, возле которого лежала куча больших камней, и принимался чистить рыбу. Всякий раз из кучи камней выскакивал легкий и быстрый горноста́й. Я бросал на снег потроха вычищенной рыбы, и он проворно таскал их в свое убежище под камнями. Так я познакомился и подружился с соседом моим горноста́ем. Через некоторое время он стал сам приходить в мой домик, где я варил на огне вкусную уху, лакомылся костями и головами сваренной мною рыбы. Однажды ночью он забрался в мой спальный мешок, и мы мирно с ним спали.

Живя в маленьком домике, я наблюдал, как наступает в северном краю весна, наблюдал за бобра́ми, зимовавшими в своих покрытых сугробами хатках, следил за разбойницей-росомахой, иногда, в поисках пищи, подходившей к моему окну.

Ранней весной на озеро прилетели лебеди. Красиво изогнув длинные шеи, они плавали в открытой полынье, иногда выходили на лед, теряя свою сказочную красоту. Привыкший ко мне горноста́й скрашивал мое одинокое житье.

Уже в другие времена, путешествуя по Таймырскому полуострову, не раз приходилось мне наблюдать дерзких горноста́ев. Они смело переплывали широкое Таймырское озеро, где их иногда глотали крупные рыбы гольцы, похожие на семгу. Вскрывая пойманных в сети гольцов, в их желудках мы находили проглоченных горноста́ев. Горноста́и очень ловко увертывались от наших ездовых собак, и даже самой быстрой и ловкой собаке редко удавалось поймать горноста́я. В детстве я не раз наблюдал горноста́ев, живших в подполье и в хозяйственных деревянных пристройках. Увидев человека, они быстро и незаметно исчезали.

Кто из вас, кому приходилось бывать в лесу, не видел этого легкого и проворного зверька? Идешь по лесной тропинке, собираешь в кузовок грибы, и вдруг услышишь резкий, чекочущий громкий звук. Это играют, резвятся на дереве веселые проворные белки. Можно долго любоваться, как гоняются они друг за дружкой, носясь по сучьям и по стволу дерева, иногда вниз головой.

Белки никому не причиняют вреда. Зимой и летом живут белки в хвойных лесах. На зиму они заботливо запасают в дуплах корм. Летом и осенью сушат шляпки грибов, ловко нанизывая их на голые ветки деревьев. Я не раз находил в лесу грибные хранилища белок. Сидя под деревом в глухом лесу, я увидел однажды скакавшую по земле рыжую белку. В зубах она несла большую тяжелую гроздь лесных спелых орехов. Белки умеют выбирать самые спелые орехи. Они прячут их в глубоких дуплах и зимой безошибочно находят свои запасы.

Обычная пища белок — семена хвойных деревьев. В лесу на снегу под деревьями можно видеть зимою шелуху разгрызенных белками еловых и сосновых шишек. Сидя высоко на сучке дерева, держа шишку в перед-

них ланках, белки быстро-быстро выгрызают из нее семена, роняя вертящиеся в воздухе чешуйки, бросают на снег обгрызенный смолистый стержень.

В зависимости от урожая сосновых и еловых шишек, белки кочуют на большие расстояния. В пути они переплывают широкие реки, ночами пробегают через многолюдные города и поселки. Плывущие по воде белки высоко задирают пушистые хвосты. Их можно увидеть издалека.

Путешествуя некогда по северному Уралу, я узнал, что переплывающих широкие реки белок иногда ловят и проглатывают крупные щуки. Я познакомился с любителем-рыболовом, который ловил таких крупных щук на чучело белки. Насаженное на проволочный каркас чучело он тащил за лодкой на длинном крепком шнуре, совершенно так, как наши рыболовы таскают за лодкой обыкновенную блесну. На чучело белки с прикрепленным к нему крепким тройным крючком попадались самые крупные, пудовые щуки.

В урожайные годы, когда на елках много шишек, в наших среднерусских лесах скопляется много белок. Еще в недавние времена зимою на белок усиленно охотились промысловики-охотники, добывая ценные беличьи шкурки. Городские модницы носили дорогие беличьи шубки. На каждую шубку требовалось больше сотни маленьких шкурок. Вряд ли модницы думали и догадывались — как, когда и где добывались драгоценные беличьи шкурки и сколько загублено для их прихотей веселых милых лесных зверьков.

Белок можно легко приручить и держать в неволе. Некогда у меня был приятель, археолог и книголюб. В его большой комнате жила проворная веселая белка. Она доставляла много забот и хлопот хозяину-книголюбу. Без усталости носилась она по книжным полкам, слу-

чалось, грызла переплеты дорогих книг. Пришлось посадить белку в проволочную клетку с широким вращавшимся колесом. По этому проволочному колесу белка носилась неутомимо. Белкам нужно постоянное движение, к которому они привыкли в лесу. Без такого постоянного движения, живя в неволе, белки болеют и умирают.

Осенью и весной белки линяют. На лето они одеваются в легкую рыжую шубку, поздней осенью эта рыжая шубка становится серой, густой и теплой. Белки строят уютные, теплые и прочные гнезда, похожие на сплетенные из тонких ветвей закрытые домики. Домики эти обычно строятся в развилинах густых и высоких хвойных деревьев, с земли их трудно увидеть. Внутри домик белки покрыт мягкой подстилкой. Там белки выводят и выкармливают маленьких своих бельчат. Самым грозным врагом белки, кроме человека, который на них охотится, является куница. Сильные и злые куницы беспощадно преследуют белок, ловят их и поедают, разоряют гнезда.

Охота на белок в России велась с давних пор, особенно на севере, в больших лесах, где много водилось белок. В старину охотники уходили в лес с тяжелыми винтовками, заряжавшимися с дула крошечной свинцовой пулькой. Эти охотники держали бельчатниц-лаек. Умные чуткие лайки находили и облаивали белок, затаившихся в высоких вершинах деревьев. Охотник подходил к лаявшей собаке, стучал обухом топора по стволу. Испуганная белка выскакивала из своего убежища. Положив ствол тяжелого ружья на рассоски, охотник стрелял из винтовки в сидевшую на сучке белку. Чтобы не испортить ценной шкурки, охотник старался попасть в глаз зверька, тут же снимал шкурку с убитой белки.

В Лондоне, в центре огромного многолюдного города, в Ридженс-парке, на городском бульваре, заросшем высокими деревьями, я некогда видел белок, совсем не пугавшихся человека. Входя в парк, посетители покупали у сторожей немного земляных орешков, положенных в бумажные мешочки. Увидев человека, идущего по парку с орешками в руках, белки соскакивали с деревьев и смело подбегали к нему. Человек протягивал зонтик или палку, белки легкими прыжками взбирались к нему на плечо и лакомились вкусными орехами. Я часто наблюдал в Ридженс-парке, как рядом с людьми, сидевшими на скамейках, прыгают и играют ручные белки. Там их никто не трогал и не обижал.

В некоторых наших подгородних парках теперь тоже можно наблюдать ручных белок, которые людей почти не боятся.

Совсем недавно, прошлой зимою, у окна нашего лесного домика каждый день появлялись две белки. Мы выбрасывали в форточку на снег небольшие кусочки черного хлеба. Белки подхватывали их и взбирались на росшую под окном густую темную елку. Усевшись на сучок, держа в передних лапках кусочек хлеба, они быстро съедали его. С нашими белками часто ссорились сероголовые галки, всякий день прилетавшие под окно нашего домика, чтобы полакомиться приготовленным для них угощением. Проходя однажды тропинкой в лесу, жена увидела знакомую белку с хлебной коркой во рту. Она удирала от двух настойчиво преследующих ее галок, старавшихся отнять хлеб.

Удивительно красивы следы белок в лесу на только что выпавшем чистом снегу. От дерева к дереву четким и легким пушистым узором тянутся эти следы. Белки то перебегают от дерева к дереву, то взбираются на вершины, покрытые тяжелыми гроздьями шишек. Раслушив

легкий хвост, они, стряхивая снежную навись, легко перемахивают с ветки на ветку соседних деревьев.

В сибирских лесах иногда встречаются белки-летяги. У этих маленьких лесных зверьков между передними и задними ногами есть легкая перепонка. Они легко перескакивают, как бы перелетают с дерева на дерево. Мне только однажды удалось видеть белок-летяг в наших смоленских лесах. Они жили в глубоком дупле старого дерева. Там я случайно их обнаружил.

СОНЯ-ПОЛЧОК

Летом я жил в кавказском заповеднике. Мы охотились на волков, обижавших благородных оленей. Охота была неудачна. Разыскивая волков, мы путешествовали по обширному заповеднику, где некогда была царская охота. Жили мы в маленьком поселке на берегу бурной горной реки. Мы поднимались на альпийские пастбища, любовались на покрытые снегом вершины гор. Не раз встречали медведей, видели кабанов, собиравших желуди под развесистыми дубами. В заповеднике жили и работали научные сотрудники, изучавшие природу. Они следили за животными, отлавливали птиц и зверей. Из сотрудников заповедника особенно запомнилась мне зоо-

лог Мария Петровна. Всякий день в сопровождении двух привязавшихся к ней ручных оленят она уходила в лес ставить ловушки на соней-полчков. Эти ловушки она укрепляла на сучьях развесистых дубов высоко над землею. Ночью в ловушки попадались маленькие проворные похожие на белок зверьки. По утрам Мария Петровна возвращалась с добычей. Я впервые увидел зверьков, о которых не знал и не слышал.

Сони-полчки живут в дуплах больших деревьев. Днем они не выходят из своих скрытных убежищ, а по ночам в поисках корма разбегаются по развесистым сучьям. У старинного натуралиста-писателя Брема я прочитал о сонях-полчках, что некогда они были широко распространены по всей южной Европе. Жирное мясо полчков у богатых людей считалось лакомством.

Во времена римской империи соней-полчков держали и откармливали в особых загонах. Мясо их подавали на императорский стол.

Маленький соня-полчок необыкновенно прожорлив. Он поедает много желудей и орехов. К осени наливается жиром и впадает в глубокую зимнюю спячку. Спящего соню-полчка можно брать в руки, класть в карман, и он не просыпается. Я с удивлением смотрел на маленьких прожорливых зверьков, удивлялся их скрытной жизни, способности спать беспробудно.

Больше мне никогда не пришлось видеть редкостных зверьков, но я всегда вспоминаю мое путешествие в кавказский заповедник, высокие снежные горы, знакомых людей, знатоков и любителей живой природы, вспоминаю удивительных маленьких зверьков, жирным мясом которых некогда лакомились римские императоры.

В самом конце лета, охотясь на берегах реки Камы, я жил у приятеля моего лесника в глухом прикамском лесу. Сидя у открытого окна, я увидел, как в лесниковом небольшом огороде, почти рядом с окном, сам собою колышется тяжелый цвет дозревающего подсолнуха. На подсолнухе сидел маленький красивый зверек. Он хлопотливо выдергивал из гнезд зерна спелого подсолнуха и набивал ими защечные мешки.

Это был бурундук, проворный и ловкий зверек, похожий на маленькую белку. Живут бурундуки под деревьями, в земляных неглубоких норах. В этих норах они устраивают вместительные кладовые, где прячут обильные зимние запасы: кедровые орехи, подсолнухи, хлебные семена. Быстрый бурундук всегда находится в движении. Он бегает по сучьям деревьев, по кучам хвороста, сложенного в лесу. Живого, очень любопытного зверька нетрудно поймать. Я видел, как ловят бурундуков в лесу деревенские ребята. В руках они держат легкую палочку с привязанной на конце волосяной петлею. Стоит посвистеть в берестяную или ивовую дудочку, и любопытный бурундук выбегает из своей норы. На шею ему нетрудно накинуть легкую петельку. В неволе веселые бурундуки приживаются быстро. Их можно держать в большой клетке, кормить орехами, семенами. Они очень весело

гоняются друг за дружкой по клетке, и на их веселые игры и схватки приятно любоваться.

У бурундуков в лесу много лютых врагов. Их уничтожают хищные птицы, ловят домашние кошки, а кладовые бурундуков находят и разоряют в лесу медведи.

Мне очень приятно вспоминать маленьких бурундуков. Я помню глухой таежный лес, освещенные солнцем, окруженные высокими деревьями зеленые поляны и маленьких зверьков, оживлявших таежную глушь и тишину.

РУССКИЙ ЛЕС

Зимою и летом, осенью и весною хорош русский лес. В тихий зимний день выйдешь, бывало, в лес на лыжах, дышишь и не надышишься. Глубокие, чистые лежат под деревьями сугробы. Над лесными тропинками кружевными белыми арками согнулись под тяжестью инея стволы молодых берез. Тяжелыми шапками белого снега покрыты темно-зеленые ветви высоких и маленьких елей. Высокие вершины елей упизаны ожерельем лиловых шишек. С веселым свистом перелетают с ели на ель, качаются на шишках стайки красногрудых клестов.

Идешь по зимнему тихому лесу и не налюбуешься. Высокие, неподвижные спят сосны. Синеватые тени их стройных стволов лежат на белых нетронутых сугробах. Тихо в спящем зимнем лесу, но чуткое ухо внимательного человека улавливает живые тонкие звуки. Вот где-то застучал и вскрикнул, перелетая с дерева на дерево, пестрый дятел. Серый рыжеватый рябчик с шумом сорвался с ветки, скрылся в лесной глубине. Проказница белка теревит у вершины ели спелую шишку, роняя на снег темные легкие шелушинки, смолистые обгрызенные стерженьки. Бесшумно пролетели у края леса, закричали голубоватые сойки.

Невидимой жизнью полнится зимний лес. От дерева к дереву тянутся легкие следы белок, маленькие следочки лесных мышей и птиц. Только очень внимательный человек может наблюдать жизнь зимнего леса. Нужно уметь ходить тихо, слушать и останавливаться. Только тогда откроется перед вами вся чудесная красота спящего зимнего леса.

Хорош лес ранней и поздней весною, когда начинает пробуждаться в нем сокрытая от глаз и ушей бурная жизнь. Тает зимний снег. Над головой видны осыпанные

надувшимися смолистыми почками тонкие ветки берез. Все больше и больше слышится в лесу птичьих голосов. Начинают петь первые прилетные птицы, токуют в глухих местах тяжелые глухари. Опавшей хвоею осыпан под елями ноздрястый снег. На лесных полянах первые появились проталины. На обнажившихся кочках видны зеленые крепкие листочки брусники. Кое-где на пригреве начинают зацветать, ковром разрастаются подснежники-перелески. Пахнет смолистыми почками, корою деревьев. Поют дрозды. На вершине высокого дерева, весь в лучах восходящего солнца, воркует дикий голубь витютень.

Придет радостный день — зеленою дымкой покроется опушка березового леса. Кукуют кукушки. По утрам перед рассветом слетаются на ток краснобровые красавцы тетерева-косачи. Вечером над вершинами леса тянут, хоркая и цвиркая, длинноносые вальдшнепы. Крякают над рекой дикие утки. На краю лесного болота высоко в небе токует баранчик-бекас.

Многое можно услышать в пробуждающемся весеннем лесу. Тонко пищат рябчики, гугукают по ночам невидимые совы. На непроходимом болоте водят весенние хороводы прилетевшие журавли. Над желтыми золотистыми пуховками цветущей ивы жужжат пчелы. А в кустах на берегу реки защелкал, звонко запел первый соловей.

Кто из вас не побывал знойным летом в прохладном темном лесу? Примолкли самые голосистые птицы, уже не поют по закрайкам леса звонкоголосые соловьи.

Идешь по лесу, хорошенько приглядываясь, — нужно уметь находить грибные места, знать, где какой растет гриб. Вот под деревьями смешанного леса краснеет шляпка подосиновика. Нагнешься, срежешь ножом толстый корешок гриба, аккуратно положишь находку в корзину.

ку. Кое-где попадаются крепкие боровики, приятно взять в руки холодноватый гриб. Вот широким хороводом рассеялись на поляне красивые красные мухоморы. В сосновом бору попадаются рыжики. В молодом березовом лесу густо сидят грибы подберезовики.

На лесных открытых полянах зреет душистая вкусная земляника. В середине лета поспевает лесная малина. А по закрайкам болот созревает черника, краснеют на зеленых ветках ягоды брусники.

Особенно красив и печален русский лес в ранние осенние дни. На золотом фоне пожелтевшей листвы выделяются яркие пятна раскрашенных кленов, осин. Медленно кружась в воздухе, падают с берез пожелтевшие легкие листья. От дерева к дереву протянуты тонкие серебристые нити липкой паутины. Тихо в осеннем лесу. Шелестит под ногами опавшая сухая листва. Кое-где краснеет шляпка позднего подосиновика. Тонко просвистит рябчик, прокличут высоко в небе пролетающие косяком журавли.

Что-то грустное, прощальное слышится и видится в осеннем лесу. Бабым летом называли на деревне это осеннее краткое время. Прозрачен осенью и чист воздух, прозрачна вода в лесных ручьях. Каждый виден на дне камешек. Еще цветут поздние осенние цветы. Готовятся к отлету певчие птицы. Нет-нет затрещит в лесу дрозд, застучит на сухом дереве труженик-дятел. Еще зеленый, роняя спелые желуди, стоит на краю леса старый развесистый дуб. Но уже оголились вершины берез. На темном фоне сплошного елового леса отчетливо видны яркие краски кленов и осин. Уже облетели, плавают на воде легкие пожелтевшие листья ив. Хорошо в осеннем цветистом лесу, долго не хочется уходить из него, прощаться с золотыми осенними днями.

В русских наших лесах, пожалуй, нет дерева мощнее и красивее зеленого дуба. В народных русских сказках и былинах недаром поминался дуб-богатырь. Крепок ствол старого дуба, его развесистые ветви.

Когда-то, еще в давние времена, дубов росло много в наших лесах. Такие леса назывались дубравами. Чистых дубрав осталось теперь очень мало. С давних пор крепкая древесина дуба шла на различные нужды. Из дубовых лесов строили некогда корабли. Готовясь к азовскому походу, царь Петр под Воронежом, где было много дубрав, основал корабельные верфи.

Теперь дубы встречаются редко. В старинных парках,

кое-где в лесу и в чистом поле можно увидеть старый развесистый дуб. В сплошных лесах дуб высоко возносит зеленую свою крону. А вырастая на свободе, обычно широко раскидывает густые крепкие ветки, покрытые зеленой, жесткой листвою.

Кто из вас не видел, не любовался старыми дубами? В вершинах развесистых дубов вьют гнезда птицы. При сильных ветрах грозно шумит зеленая вершина. Весною позже других деревьев распускаются на дубах почки. Люди давно заметили, что в это время обычно дует холодный северный ветер.

Еще в раннем детстве моем я любил ходить на знакомый Ровок, где росли развесистые дубы, под которыми летом цвели ландыши, созревала душистая земляника. Осенью я собирал под дубами красивые крепкие желуди. Зеленая листва дубов крепка и упруга. Пожелтевшие мертвые листья висят иногда на дубах всю долгую зиму. Едешь, бывало, в санях по зимней снежной дороге в холодную ветреную ночь, услышишь шелест мертвой дубовой листвы.

Когда-то зеленые дубравы росли по всей России, обычно по берегам малых и больших наших рек. Подмытые вешними водами стволы старых дубов падали в воду, лежали на дне реки, которая заносила их песком и илом. В отличие от других деревьев, дуб не гниет в воде. Пролежав десятки и сотни лет на дне реки, древесина дуба становится черной. Из такого мореного дуба делали дорогую прочную мебель. Стол, на котором я пишу, сделан из мореного дуба. Некогда этот стол стоял в комнате моего дядюшки, и ребенком я ходил под него пешком. Я очень люблю письменный стол, сделанный руками дядюшки, и не расстаюсь с ним со времени счастливого детства.

Дуб — теплолюбивое и светолюбивое дерево. В лесах

далекого севера дубов не увидишь. На высоких горах Кавказа я видел много зеленых развесистых дубов. Много старых дубов видел и в Беловежской Пуще. Стволы старых дубов, покрытые жесткой потрескавшейся корою, возносились высоко в небо. Дикие свиньи — кабаны — собирали под ними желуди.

Несмотря на свою силу, дуб — дерево нежное, боится крепких морозов. В суровую морозную зиму тридцать девятого года, когда в России погибло много фруктовых садов, умирали, замерзали и дубы, стоявшие одиноко. Дуб растет очень медленно. Ученые лесоводы утверждают, что некоторые дубы живут до тысячи лет. Тот, кто захочет вырастить дуб, должен запастись терпением на долгое время. Выросшие из желудей маленькие дубки медленно поднимаются над землею. Нужна не одна человеческая жизнь, чтобы вырос настоящий дуб-богатырь.

БЕРЕЗА

Из всех деревьев русского леса милее всех мне наша береза. Хороши и чисты березовые светлые рощи. Белы стволы берез, покрытые тонкой берестою. Особенно хорош березовый лес весной. Как только сойдет в лесу

снег, набухают на березах смолистые душистые почки. Из каждой случайно надломленной ветки березы каплет живительный сладкий сок. Множество пролетных певчих птиц собирается в березовых рощах. Поют голосистые дрозды, кукуют кукушки, с дерева на дерево перелетают шустрые синички. Ковром расстилаются, цветут внизу под березами голубые и белые подснежники-перелески.

Есть в русской природе особенный день, когда на березах начинает распускаться молодая листва. Выйдешь на волю и радостно ахнешь: зеленой нежной дымкой покрылись лесные опушки. Клейкой нежной листвою пахнет в березовой роще. Как хороши молодые березовые листочки! Войдя в лес, человек чувствует свежее дыхание пробудившейся земли. Пройдет день-другой — и все березы покроются молодой густой свежей листвою.

В летние знойные дни хорошо бродить в березовой роще. Теплый ветер шелестит над головой зеленой листвою. Пахнет грибами, спелой душистой земляникой. Сквозь густую листву прорываются солнечные лучи. Хорошо лежать в чистой траве, закинув под голову руки, смотреть в высоту, где над вершинами берез, по голубому летнему небу плывут и плывут, точно белые лебеди, высокие облака.

Чудесен и ранней осенью березовый лес, покрытый золотистой увядающей листвою. Крутятся в воздухе, падают на землю золотые листочки. От дерева к дереву протянуты тонкие липкие нити серебристой паутины. Прозрачен и чист воздух, малейший слышится в березовом лесу звук.

В народных песнях и сказках часто упоминалась береза. Простые деревенские люди ласково называли березу — березонькой. В праздничные летние дни девушки

завивали из ветвей молодых березок венки, пели под березами хороводные песни. Березами обсаживались в старину большие проезжие дороги — большаки. Из коры берез на севере нашей страны плели легкие лапти, удобные кошель, в которых носили на дальние походы одежду и воду. Из коры берез гнали душистый деготь, делали красивые высокие туески.

ЛИПА

Еще в детстве я полюбил зеленые высокие липы, окружавшие наш деревенский сад. Широкую липовую аллею посадил некогда крепостник-помещик, имя которого в нашей деревне давно забыли. Мы любили играть под высокими липами, наблюдать, как в молодом саду пробуждается весной жизнь. В зеленых вершинах лип пели птицы, свистели скворцы и дрозды. В ясные дни с дерева на дерево перелетали золотистые скрытные иволги, а в глубоких дуплах старых лип гнездились сычи, перекликавшиеся по ночам страшными голосами.

В самом начале лета золотистыми цветами зацветали липы, сладким медовым духом наполнялся весь сад. Пчелы гудели над цветущими вершинами лип.

Летом широким ковром расстилались под липами цветы Иван-да-Марья, а на высоких тонких стебельках легкий летний ветерок колыхал лиловые колокольчики. Я смотрел, как у корней лип ползают насекомые, красные земляные клопы, как порхают над цветами бабочки. В середине лета под липами росли крепкие белые грибы. В урожайный год мы собирали много таких грибов, мать солила их и мариновала впрок.

Под одинокой развесистой липой, росшей перед нашим деревенским домом, в жаркие летние дни на деревянном столе и скамейках мы обедали, пили чай. Я любил взбираться на эту старую липу, сидеть в тени зеленого шатра, читать книжки и мечтать о далеких путешествиях. Старая липа эта запомнилась мне на всю мою долгую жизнь.

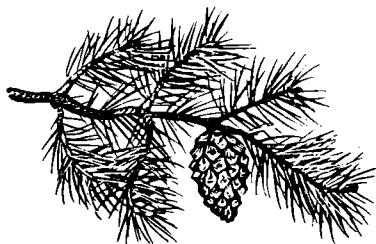
Некогда красивые высокие липы вместе с другими деревьями росли почти повсеместно в русских лесах. Белая чистая древесина липы дорого ценилась. Из легкой, податливой древесины искусные мастера точили красивую деревянную посуду, вырезали ложки. Из липовых чистых досок в деревнях делали столешницы для обеденных столов. Кору старых лип сдирали с поваленных деревьев, мочили в воде, делали из липовой коры мочало и рогожи. Из тонкой коры молодой поросли липняка плели в деревнях лапти, запасали на всю долгую зиму сушеное липовое лыко. Теперь взрослых больших лип в наших лесах не увидишь. Лишь в далеком Зауралье видел я в глухих лесах свободно росшие высокие липы.

Липа несомненно одно из самых красивых, веселых и нежных деревьев. Издавна славится липовый сладкий мед. Хороша и нежна листва липы. Осенью липы раньше других деревьев сбрасывают свою пожелтевшую листву, и у корней оголенных деревьев сухим шелестя-

щим ковром лежат опавшие желтые листья. Идешь, бывало, по опавшей липовой листве, шуршащей под ногами, любишь на знакомые деревья, приготовившиеся к долгой зимовке.

Молодые липы и теперь сажают в парках в больших городах. Липы легко приживаются и быстро растут. Их свежая зеленая листва украшает городские шумные улицы, радует глаз городского усталого человека.

СОСНА

Очень хорош и красив чистый сосновый бор. Идешь или едешь, бывало, по старому сосновому бору — точно высокие чистые огромные свечи, возвышаются над головою стволы старых деревьев. Опавшей прошлогодней хвоею покрыта земля. Через малонаезженную песчаную дорогу протянулись длинные узластые корни. Седым мягким мохом поросли невысокие кочки. Кое-где зеленеют листочки брусники. Через высокие, унесшиеся в небо зеленые вершины пробиваются лучи солнца. Светлые золотистые зайчики играют на стволах деревьев, **покрытых потрескавшейся толстой корою.** Пахнет смолой и землею. Тихо в сосновом старом бору. Изредка

взлетит рябчик, пролетит над дорогою дятел. В высоком небе купаются зеленые кудрявые вершины.

Чистых сосновых боров осталось теперь мало. Уцелели отдельные старые сосны. Точно сказочные великаны, стоят они среди молодого подрастающего леса.

В сосновых борах собирали мы летом ягоды — бруснику и чернику, крепконогие боровики и скользкие маслята. Там и здесь виднелись розоватые, хрупкие шляпки сыроежек. На высоких старых соснах селятся, строят гнезда хищные птицы — ястребы и орлы.

Хорош и подрастающий мелкий сосновый лес. Одно к одному тесно жмутся покрытые зеленой хвоею молодые сосенки. В тени этих деревцов весною и летом нужно искать грибы. Ранней весною здесь растут сморчки, летом — красивые желтые рыжики.

На болотистых, покрытых кочками местах, растет низкорослая болотная сосна. Идешь по такому сосновому болоту, — не видно конца-краю осыпанным созревающей клюквой мягким моховым кочкам. То и дело выпархивают из-под ног болотные белые куропатки, сорвется, полетит тяжелый глухарь.

Сосна, несомненно, одно из древнейших деревьев. Росла сосна, когда не было еще на земле зеленых лиственных лесов. Недаром жесткой хвоею сосны питаются глухари, тоже древнейшие на земле птицы.

Сосну можно увидеть в высоких горах Кавказа и на далеком холодном севере, на самой границе голых пустынной тундры. Древесина сосны ценится высоко. Из сосновых бревен строили и строят жилые дома, возводят мосты и хозяйственные постройки. Ценится и смола сосны, которую собирают, надрезая сосновую кору.

Путешествуя некогда по Заонежью, по нетронутым

человеком глухим лесам, я видел сосны, умершие на корню своей естественной смертью. Пропитанные смолою стволы этих деревьев высились над макушками окружавшего их живого леса. Сильные зимние ветры давно обломали их мертвые голые сучья, но пропитанный смолою ствол прочно стоял, быть может, десятки и сотни лет. Некоторые стволы упавших мертвых деревьев, покрытые зеленым мохом, лежали на земле. Я с трудом перебирался через них. Теперь таких нетронутых лесов осталось очень мало, и вряд ли кто видел стоящий на корню, пропитанный смолою ствол мертвой сосны.

ЕЛЬ

Каждый знает это самое распространенное в наших местах дерево, покрытое зеленой хвоею. В противоположность сухолюбивой и светолюбивой сосне, ель обычно растет на влажных низменных местах. В густой тени елового леса растут лишь немногие растения, нет надежды собрать здесь летом много грибов. В густых колючих ветвях ели ютятся птицы, строят свои домики-гнезда проворные белки. В глубоких и теплых гнездах в зимнюю

лютую стужу выводят и выкармливают своих птенцов красногрудые клесты.

Особенно хороша ель зимою, когда тяжелые шапки белого чистого снега висят на ее раскидистых ветвях-лапах. Высокие вершины украшены гирляндами лиловых шишек, которые расклеывают шустрые клесты, кормясь еловыми семенами. В густых еловых лесах строят свои берлоги медведи. Под низко нависшими ветвями прячутся зайцы-беляки.

У людей ель пользуется особенной любовью. Несдаром в новогодние зимние дни устраивают в городах для детей праздничные елки, украшают их красивыми подарками, а возле украшенной ели разгуливает Дед Мороз с привязанной длинной седой бородой.

Но особенно хороша ель в лесу на свободе. В зимние звездные и лунные ночи блестит на ее ветвях снег. Сказочным кажется дерево, украшенное снегом, отражающее на ветвях своих звездный и лунный свет.

В еловых и смешанных лесах живут рябчики, выют гнезда хлопотливые дрозды. В урожайные годы, когда еловыми шишками увешаны ветви и вершины елей, остаются зимовать в лесу белки. Забравшись на сучок дерева, держа в передних лапках шишку, они сгрызают и сыплют на снег ее чешую, поедают смолистые семечки.

Весною из спелых шишек ели ветер разносит крылатые легкие семена. У опушек елового леса из разлетевшихся семян вырастает зеленый еловый молодняк. Очень красивы, веселы молодые елочки. Они растут быстро, и сквозь их зеленую колючую чащобу трудно пробраться человеку. Только немногие из этих молодых деревцов остаются в живых. Сильные побеждают, затеняют слабых, и молодой лес разрастается.

В зеленом русском лесу вряд ли есть дерево живописнее клена. Красивы широкие лапчатые листья клена, гладкий и чистый его ствол. Крепка и прочна его древесина. Обычно растет клен в сообществе с другими деревьями — березой, осиной, дубом, ольхой. Крепки и туги кленовые ветви. Точно пружина, гнутся они под рукою.

Веселый зеленый клен любит солнечный яркий свет. Лучами солнца освещена его вершина. В ясные летние дни я любил отдыхать под развесистым чистым кленом. Пахнет землей, цветами. По теплой, нагретой солнцем земле шустро бегают муравьи, порхают над цветами бабочки.

Красивые клены сажают люди в городских парках, украшают ими дорожки, берега прудов. Особенно красивы клены ранней осенью. В лучах солнца блистают пурпурные и золотистые кленовые листья. Что-то праздничное, веселое есть в этом дереве, украшающем наши родные леса.

Далеко разлетаются крылатые семена клена. Семена эти разносит по полям и лугам ветер. Там, где упадет на удобное место крылатое семечко, вырастает на другой год молодой, тоненький живой кленок.

Еще в детстве мне очень нравились высокие стройные осины, росшие вблизи нашего деревенского дома.

Нравился горьковатый запах осин, трепетанье зеленой листвы на высоких вершинах. Даже в самый тихий, безветренный летний день листья осины дрожали. Покрытые зеленоватой горькой корою, деревья казались живыми существами — они точно шептались, переговаривались между собою.

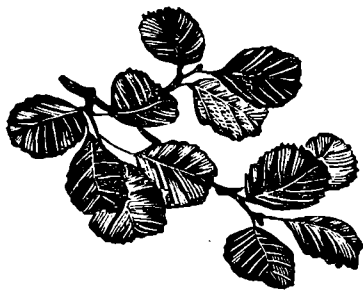
Особенно хорош осиновый лес в осенние ясные дни. В пурпурно-красный и желтый цвет окрашена листва. Цветным чистым ковром расстилаются под деревьями опавшие листья. Там и тут видны под ними красноватые шляпки поздних грибов — подосиновиков. Еще цветут кое-где запоздалые лесные цветы. Шелестит под ногами высокий пожелтевший папоротник, и еще горчее пахнет в осиновом лесу.

Красив осиновый лес и зимою. На фоне темных елей переплетается тонкое кружево оголенных осиновых ветвей.

Приглядитесь хорошенько — как хороша, как красива осина!

В дуплах старых толстых осин гнездятся ночные и дневные птицы, белки-проказницы складывают на зиму свои запасы. Из толстых осиновых бревен люди выдалбливали легкие лодочки-челноки, делали корыта. Корою молодых осин кормятся зимою зайцы-беляки. Горькую кору осин гложут лоси. Ранней весной и осенью держатся в осиновых лесах глухари-мошники. Летом здесь растут грибы — высокие подберезовики, крепкие подосиновики и хрупкие сыроежки. Идешь, бывало, по осinovому лесу — и вдруг нежданно-нежданным с шумом сорвется и полетит тяжелый глухарь. Почти из-под самых ног выскочит и побежит заяц-беляк.

Редко можно увидеть сплошной осиновый лес. Обычно осины растут рядом с березами и темными елями. В таких смешанных лесах особенно много грибов и лесных ягод. С дерева на дерево перелетают птицы. С шумом вспорхнет и засвистит рябчик. На моховых кочках под деревьями краснеет спелая брусника.

ОЛЬХА

Не все люди любят ольху. Неприглядные темно-зеленые заросли молодой ольхи принято называть сорняками. Молодой ольхою зарастают заброшенные луга и

поля, почва под ольхой заболачивается, разводятся несметные комары и другие вредные насекомые.

Но есть и в ольхе что-то прелестное, когда растет она на свободе. Особый вид ольхи, растущей на сырых местах вблизи рек и лесных ручьев, называют черной ольхой. Толстые стройные стволы черной ольхи тянутся в небо. Ее сплетенные корни поднимаются у ствола высоко над землею. В некоторых глухих местах под такими корнями ольхи бобры устраивают свои жилища. Из толстых и стройных стволов черной ольхи пилили широкие доски, из которых искусные столяры делали изящную мебель, шкатулки, столы. Теперь черной ольхи осталось в лесах очень мало.

Серой мелкой ольхою зарастают большие пространства. Такая серая ольха годится лишь на хворост и на дрова, которые почти не уступают березовым дровам. Ольховые дрова хорошо горят в печах, ими можно топить всю долгую зиму. Корою ольхи в прошлые времена в деревнях женщины красили холсты, из которых шили красивые сарафаны.

В зарослях ольхи скрываются зайцы, живут и кормятся рябчики. В старых ольховых деревьях дятлы выдалбливают для своих гнезд опрятные дупла. В ольховых высоких кустах делают свои скрытные гнезда хлопотливые сороки, поют и трещат дрозды. Нередко в ольховых лесах вырастают густые заросли лесной сладкой малины, а на моховых кочках спеет черника.

Кто из вас не видал зеленых кустов можжевельника, приятно пахнущих смолою? Растет можжевельник по закрайкам лесов, по скатам глубоких лесных оврагов. Ветви можжевельника покрыты густой колючей хвоей.

Там, где растет можжевельник, зимою обычно держатся тетерева. Они кормятся смолистыми пахучими ягодами можжевельника, всю зиму висящими на его ветвях. От куста к кусту на чистом белом снегу затейливым узором переплетаются крестообразные следы тетеревов.

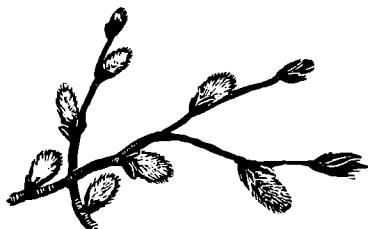
Можжевельник — очень крепкое и сильное дерево. Розоватая древесина его пропитана душистой смолою. Зимой я приносил из леса душистые ветки зеленого можжевельника, ставил на письменный стол. Ветвями можжевельника в деревнях парят новые кадушки, в которых засаливают на зиму огурцы и мочат яблоки. Запах можжевельника придает особый приятный вкус домашним соленьям.

Я очень люблю пышные кусты можжевельника, запах смолы и можжевельных темных ягод, покрытых тонкой смолистой пленкой. Зимой, когда выпадет глубокий легкий снег, под кустами можжевельника часто ложатся на

дневку зайцы-русаки. Идешь, бывало, на лыжах по заячьему следу — неожиданно-негаданно выскочит из можжевельного густого куста большой заяц-русак.

Там, где растет можжевельник, летом обычно цветет земляника. На маленьких поросших травой кочках зреют душистые вкусные ягоды. Каждый, кто любит и знает наш русский лес, наверное, не раз любовался можжевельными кустами и помнит их чистый смолистый запах.

ИВА

По берегам лесных малых рек, по ручьям и старым канавам растет зеленая ива. Кто не знает этого слабого легкого дерева? Растет ива и на огородах, в садах, и у проезжих дорог. Люди знают много видов дикой ивы, по-разному их называют.

Ранней весной, когда еще не оделся зеленой листвою лес, цветет, отражаясь в весенней воде желтыми пуховками, нежная ива. Собирая золотистую пыльцу, выются над цветущими ивами вылетевшие из ульев пчелы.

Ива очень неприхотливое дерево. Можно срубить или срезать ее тонкий ствол, воткнуть в землю — сама примется, пустит корни, начнет расти и ветвиться неприхо-

тливая ива. В ивовых кустах весною обычно живут и поют соловьи. Корни разросшихся зеленых ив защищают от размыва внешней водою устроенные людьми плотины. Ветер играет их легкой листвою, обнажая серебристую изнанку ивовых листьев.

Под кустами ивы на берегах рек сидят обычно с удочками любители-рыболовы. Кажется, нет более распространенного дерева, чем наша всем знакомая ива. Но как хороша эта ива, свесившаяся над водою, в которой отражается небо и высокие облака.

Сидишь, бывало, с удочкой под знакомым ивовым кустом на берегу реки, где в прозрачной воде плавают красноперые головли и ребрастые окуни, дышишь и не надышишься, смотришь и не насмотришься на широкую зеркальную гладь.

А как памятны ивовые береговые кусты, где в далеком детстве играли мы в прятки, в индейцев и робинзонов. Из ивовых тонких сучьев делали мы дудки-свирели, мастерили луки и стрелы.

Из гибких прутьев береговой ивы умелые люди плетут малые и большие корзины. А из легкой древесины толстой ивы некогда гнули расписные красивые дуги. На многие нужды шла в деревнях гибкая легкая ива. Толстыми ветлами-ивами украшались деревенские улицы.

А кто не знает, не видел особый род ивы, которую называют у нас вербой?

Глянцевитая тонкая верба, посаженная на деревенских огородах, зацветает обычно, когда еще лежит в лесах нерастаявший снег. Цветущие, покрытые голубоватыми мягкими пуховками ветки вербы люди приносят в свои жилища. Цветущая верба служит верным признаком прихода весны.

Я очень люблю это скромное, ветвистое деревцо, почти повсюду растущее в наших лесах. Люблю ее перистые зеленые листочки, шелестящие даже при легком ветерке. Есть что-то веселое, радостное, русское в этом деревце, которое всегда и всем улыбается. В народных наших песнях часто ласково поминается рябинушка. С давних пор русские крестьяне сажали рябину под окнами своих деревянных изб.

Рябину можно увидеть и на севере нашей страны, где не растут плодовые деревья — яблоки и груши. Ствол рябины чист и гладок, покрыт тонкой блестящей корою. Цветет рябина поздней весной, когда оденутся в зеленую одежду леса, поют, заливаются на опушках и на берегах рек и лесных ручьев звонкоголосые соловьи. Скромные, похожие на большие желтоватые гроздья цветы рябины мало заметны, не отличаются пышной красотой. Летом на рябине начинают краснеть гроздья небольших круглых ягод. Они медленно созревают под лучами летнего солнца.

Ягоды лесной рябины жестки и невкусны. Летом их не клюют птицы и не трогают люди. Только поздней осенью, когда опадет с деревьев пожелтевший и покрасневший лист, прижмут первые осенние заморозки, ягоды рябины становятся сладкими. Подойдешь к украшенной

гроздьями красных ягод рябине — смотришь не насмотришься.

В осеннюю позднюю пору ягодами рябины кормятся рябинники-дрозды. Ягоды рябины висят на деревьях до зимнего снега, и надолго остаются в наших лесах пролетные дрозды. На белом снегу, под ветками рябин краснеют чешуйки расклеванных птицами ягод.

Некогда в русских деревнях крестьяне собирали поздно осенью тронутые морозом гроздья красной рябины. Они связывали их пучками, вешали на морозе под крышами домов и сараев. Промерзшая рябина очень вкусна и ароматна. Ребятишки русских лесных деревень лакомились по праздникам мерзлой сладкой рябиной. Когда-то умелые хозяйки варили из рябины вкусное, немного горьковатое варенье, засахаривали гроздья рябины в густом сиропе. Такие засахаренные ягоды рябины можно было покупать даже в городских кондитерских магазинах.

КАЛИНА

Не все из вас, быть может, видели лесную калину, обычно растущую по оврагам и на берегах лесных глухих рек. Густые кусты калины покрыты красивыми широкими листьями. Выкопанная в лесу молодая калина хорошо приживается на деревенских огородах, в садах.

Цветет калина красивыми белыми соцветиями, похожими на кружевные венки. В разросшихся кустах калины нередко гнездятся и поют птицы. Крупные алые ягоды калины созревают поздней осенью, когда начинает перепархивать первый снежок и все листья на деревьях уже облетели.

Необыкновенно красива увешанная гроздьями красных ягод калина на фоне глубокого снега. Ягоды калины зимою обклеивают птицы. Мерзлые ягоды калины деревенские хозяйки парили в русских печах, готовили для ребят вкусное угощение.

Несколько лет назад я выкопал в лесу небольшой куст калины, посадил под окном моего лесного карачаровского домика. Теперь этот куст широко разросся. Зимой и летом я люблюсь им из окна моего домика. Осенью, когда вставляют зимние рамы, мы кладем между ними на белую вату гроздья калиновых алых ягод. Они украшают наше скромное жилище.

ЧЕРЕМУХА

На опушках лесов, по берегам рек и ручьев прежде всех распускается и цветет черемуха.

Это очень приятное, зеленое и веселое деревцо. Оно

всегда улыбается, а весной, когда пахучие белые цветы сплошь его покрывают, даже смеется. Любуясь на цветущую черемуху, сам невольно начинаешь улыбаться.

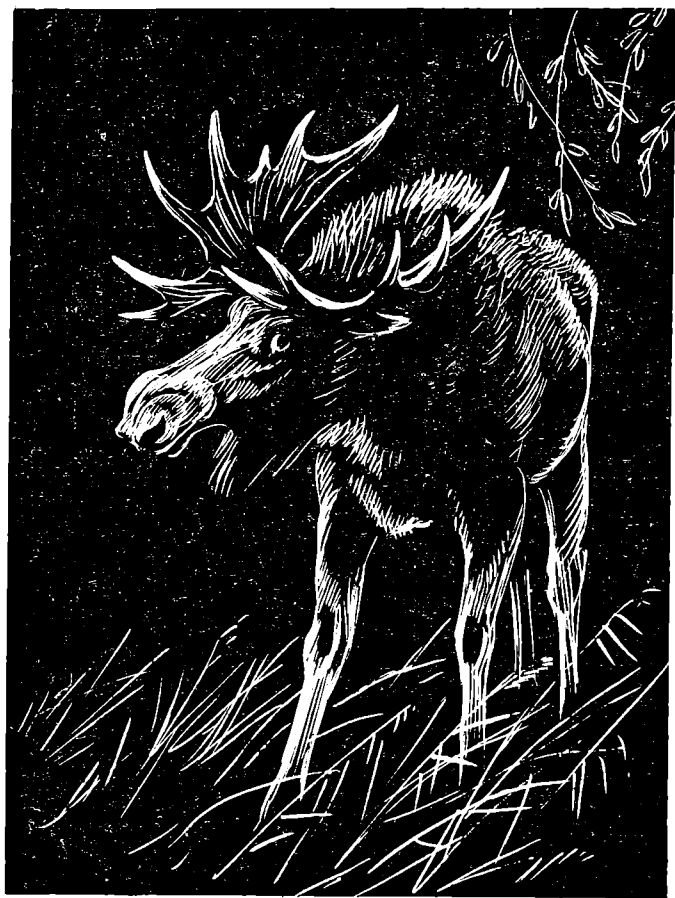
Весной я всегда приглядываюсь к черемухе. Если на ней раскрылись почки, — значит, окончательно проснулась и потеплела земля, а весна вошла в полную силу.

Еще я слежу весной за лягушками. Когда «затурлычут» в лужах лягушки, — это значит: в самом разгаре тетеревиные и глухариные тока, началась богатая тяга.

Когда на черемухе забелеют и запахнут пышные кисти цветов — глухариному току конец, комар в лесу появился.

Даже в самых глухих северных лесах можно увидеть черемуху. Там, где не растут сладкие вишни и нет хороших садов, ребята лакомятся ягодами лесной черемухи, а хозяйки пекут пироги со сладкой черемуховой начинкой.

**РАССКАЗЫ
СТАРОГО
ОХОТНИКА**

Прошло семьдесят лет, как впервые взял я в руки охотничье ружье и пошел с отцом на охоту. В нашем смоленском краю, где проходили мое детство и юность, некогда было много всяческой дичи. Я рано привык ходить один на охоту, находил в лесу дичь и научился метко стрелять. Жестокий и беспощадный охотник из меня не вышел. В долгой жизни я очень много охотился. Охота сближала меня с природой, и это было моим самым высоким счастьем. Иногда я совсем не стрелял подлетающую дичь, мне было приятно близко видеть ее и наблюдать. Я перевидал множество птиц и зверей, умение находить и выслеживать дичь доставляло мне удовольствие. Я радовался работе умной и чуткой собаки, которая меня хорошо понимала и слушалась моих приказаний. Не раз я ловил спрятавшихся молодых птиц руками, гладил перышки и смотрел в их глаза.

Разумеется, теперь я не могу вспомнить всех случаев, происходивших со мной на охоте, но некоторые события накрепко остались в моей памяти. Хорошо помню, как, рискуя жизнью, самоотверженно отводит собаку от своего выводка мать-тетерка или старая кряковая утка. Не раз, спрятавшись за кустом, тихо посвистывая, подражая голосу молодых птенцов, я подманивал близко старых тетерок и глухарок. Раздвигая высокую траву, случалось, они подходили ко мне вплотную. Я не стрелял в матерей, разыскивающих своих маленьких птенцов, хлопал в ладоши, и они шумно от меня улетали. Вслед им я махал шапкой, смеялся, желал доброго счастья. Такая охота сделала из меня бережливого, внимательного и совсем не жадного охотника. Близко к старости, как многие настоящие охотники, я перестал брать в руки ружье. Иногда я убивал хищных птиц, причинявших вред молодым выводкам и домашним птицам, на этом завершалась моя охота.

Из старых охотников, не бравших в руки ружья, был мой близкий друг Николай Анатольевич Зворыкин, известный охотничий писатель. Его знали многие охотники, читатели охотничьих книг. Он удивительно умел разбираться в птичьих и звериных следах, в звериных повадках. Он хорошо знал голоса многих птиц, ходить с ним в лес или на болото было для меня самым большим удовольствием. Он посвящал меня в тайны охоты, в жизнь птиц и зверей, которых мы наблюдали.

Я давно научился отличать охотников настоящих. Видя иной раз увешанного снаряжением городского охотника, невольно улыбаюсь. Что может такой горе-охотник увидеть в лесу и какую радость доставит ему охота! Он будет палить по любой дичи, не считаясь с расстоянием, убитую утку или тетерева грубо запихнет в ягдташ, не полюбовавшись своей добычей. Такие охотники обычно тратят попусту много зарядов, и открытие сезона охоты в пригородных местах сопровождается беспорядочной пальбой. На таких бестолковых охотах не раз происходили несчастные случаи. В отличие от настоящих охотников, любящих и знающих природу, щадящих и оберегающих ее, «палилы-охотники» являются злобными истребителями. По их вине в пригородных местах мало осталось теперь настоящей дичи.

В зимнюю морозную ночь под самыми окнами нашего дома прошли волки. Утром я стал на лыжи, пошел тропить. Волчий след тянулся вдоль изгороди, спускавшейся к берегу пруда. Волки ступали след в след по глубокому рыхлому снегу, и даже самый опытный глаз не мог определить количество волков в их зимней стае.

Только у старого пня, на берегу пруда, волки ненадолго разделились. Так же как собаки-кобели, самцы помочились на старый пень, и следы волков вновь слились в единую цепочку.

Спустившись на пруд, я шел по волчьему следу, извивавшемуся стройной цепочкой. По крутому берегу

пруда волки вышли на снежное поле. Там, среди кустов ивы, ложились обычно на днёвку русаки. Я увидел ночной след жировавшего русака. Напав на свежий след русака, волки широкой цепью рассыпались по снежному полю. Только теперь я мог сосчитать количество волков в их охотничьей стае. В ней было не меньше семи или восьми волчьих голов.

Разглядывая следы волков, я отчетливо представил картину ночной охоты. Волки кольцом окружили бедного растерявшегося русака, метавшегося в их смертном круге. На том месте, где волки поймали свою добычу, на белом снегу было видно лишь несколько капелек алой заячьей крови и приставшие к снегу шерстинки. Заяц они разорвали на ходу, — на расправу понадобилось несколько мгновений.

Продолжая тропить волков, после расправы над русаком опять сомкнувшись в стройную стаю, я увидел на другом берегу пруда бежавшего на махах одного отставшего волка. Низко держа голову, волк бежал вдоль лесной темной опушки. Увязавшаяся за мной гончая собака догнала меня и убежала в лес, в котором скрылся отставший волк. Подойдя на лыжах к лесной опушке, я услышал гонный лай собаки, поднявшей в лесу зайца. Преследуя зайца, собака делала круг, и лай ее удалялся. Стоя за молодой елочкой, прислушиваясь к гону собаки, я неожиданно увидел за редкими деревьями волка, преследовавшего мою собаку. Волк иногда останавливался, так же как я прислушиваясь к удалявшемуся гонному лаю. Не сходя с места, я поднял ружье и на большом расстоянии заячьей дробью стал стрелять в волка. Боже мой, какие прыжки стал делать испуганный волк, которого поцарапала моя дробь! Подойдя к волчьему следу, я убедился в необычайной длине волчьих прыжков.

В нашем глухом лесном краю в те времена водилось

много волков. Летом волки держались у большого, почти непроходимого болота, где каждый год подрастал молсдой волчий выводок. Из окружающих деревень волки таскали в свое логово овец, гусей и поросят. У самой ближней к логову лесной маленькой знакомой мне деревеньки они никогда не трогали домашней скотины. Так поступают многие хищные звери, не желая выдать место своего пребывания.

Некогда, еще до революции и первой мировой войны, в глухие наши смоленские места иногда приезжали из Москвы на волчьи охоты богатые охотники. Они присылали наемных окладчиков егсрей-псковичей, клавших на краю леса приваду. Волки ходили на приваду, и сытых волков обложить было легко. По рассказам старых деревенских людей, после удачной обläggной охоты богатые наезжие гости пировали в маленьких лесных деревушках, поили коньяком и заставляли петь, плясать деревенских баб-молодуч.

В двадцатых годах, когда мы жили в смоленской деревне, я много охотился на волков. Мы сами устраивали летние и зимние облавные охоты. Летом в лесу у глухого Бездона окладывали и убивали волчат. Старые волки от летних облав обычно уходили. Хорошо помню места, где жили и гнездились каждое лето волки. Это был мелкий и редкий сосонник вблизи самого края болота. Множество выбеленных солнцем костей валялось возле старого волчьего логова, от которого расходились протоптанные зверями тропы. Летом молодые волки-нынешники и годовалые волчата-переейки из логова не выходили. Пищу им приносили их родители-старики, таскавшие по утрам овец и гусей, ловившие зайцев и зазевавшихся птиц. Мы подходили тихонько к волчьему логову и, сняв шапки, начинали в них подвывать. Боже мой, какой шум и визг поднимали прятавшиеся за мелкими соснами

молодые волки! Иногда за деревьями нам удавалось видеть их серые мелькавшие спины. Чтобы не напугать старых волков, мы примолкали и терпеливо ждали, пока успокоятся молодые.

На летних и зимних охотах обычно устраивали мы многолюдные, шумные облавы. Нередко удавалось уничтожить почти весь выводок волков. И тогда долго слышался в лесу вой старых волков, скликавших свой потертый выводок.

Особенно интересны были зимние облавы. Зимой голодные семьи волков в поисках пищи широко разбредались, заходили по ночам в деревни, выманивая доверчивых собак, забирались иногда в плохо закрытые овчарни. В холодные вьюжные зимние ночи мы часто слышали голодный волчий вой.

Как-то однажды волки похитили и мою охотничью собаку. В ту ночь меня не было дома. В доме с собаками осталась жена. Ночью собаки стали проситься. Жена выпустила их на крыльцо, и одна собака не хотела возвращаться. Жена поленилась подождать ее и вернулась в дом. Наутро я приехал из соседней деревни. По следам было видно, что волки схватили нашу собаку почти у самого крыльца и, оттащив на лед мельничного пруда, быстро ее растерзали. От погибшей собаки на снегу остался лишь кожаный ошейник, точно острым ножом наискосок перерезанный волчьими зубами, немного собачьей шерсти и крови.

Выйдя однажды утром на крыльцо, я услышал, как на мельнице воеет и причитает мельничиха. Так в наших смоленских глухих местах в прошлые времена были и причитали женщины, когда в семье умирал человек. Я подумал, что умер наш толстый мельник Емельяныч. Быстро одевшись, я пошел на мельницу, где под колесами в мельничном буювище темнела широкая незамерз-

шая полынья. Оказалось, что ночью у мельницы побывали волки. Они охотились на мельниковых уток, неосторожно оставленных ночевать в буковище на открытой воде. Мельничиха выла по своим погибшим уткам. На снегу отчетливо можно было прочитать, как охотились волки. Два волка спустились в холодную воду, где плавали утки, и заставляли их подняться на крыло. Плохо летавшие домашние утки падали близко в снег, и с ними безжалостно расправлялась стая волков.

Я побежал домой, захватил ружье и лыжи, направился тропить сытых волков, уничтоживших около сорока мельниковых уток. Оказалось, что волки залегли недалеко в поле, в ольховых кустах, но проезжавшие близко подводы их испугали. В мелких кустах я нашел свежие лежки, с которых бежали волки. Этих волков нам удалось нагнать только на второй день. Они залегли в молодом лесу, недалеко от открытого поля и протекавшей за полем реки. Мы осторожно сделали круг, обошли лежавших в мелком лесу зверей, вернулись в ближнюю деревню скликать мужиков, баб и ребятишек на облаву. Эта облава была особенно удачна. По праву главного охотника я стоял на входном надежном следу. Тихо ступая, загонщики широким кругом рассыпались по лесу. По данному моим помощником Васей сигналу они начали кричать, стучать обухами топоров по стволам деревьев. Стоя на своем номере, скоро увидел я большого гривастого волка, с опущенной головой бежавшего между деревьями прямо на меня. С ветвей молодых елей на его спину сыпался легкий снег. Напустив волка, я выстрелил, и он лег в снег, но его хвост продолжал судорожно шевелиться.

За первым головным старым волком показался другой. Увидев лежавшего подстреленного волка, его мотавшийся хвост, он остановился. Я поднял ружье, выстре-

лил и, не зная результата, соблюдая правила об­ла́вной охоты, не сходил с места. Справа и слева слышались редкие выстрелы стрелков, приглашенных мною на охоту. Ближе и ближе звучали голоса загонщиков, круг которых медленно смыкался. Два перепуганных молодых волка пробежали вдоль стрелковой цепи, и я застрелил еще одного. Последний уцелевший волк, ошалевший от страха, с разинутой пастью и высунутым языком, пробежал в трех шагах от меня. Я попытался стрелять в него, но ружье сделало осечку: в автоматическом пятизарядном ружье, с которым тогда я ходил на волчьи охоты, застрял в магазине патрон. Я ничего не мог сделать, и единственный уцелевший от стаи волк благополучно скрылся.

Вырубив колья, связав убитым волкам ноги, веселые загонщики на плечах отнесли добычу к проезжей дороге, где нас ожидали подводы. Почуяв звериный дух, лошади начали фыркать, прядать ушами и рваться. Мы уложили нашу добычу в широкие рózвальни. В деревне убитых волков освежевали, сняли волчьи теплые шкуры, которые долго висели потом в моем охотничьем кабинете. Эта охота на волков была, пожалуй, самой удачной в моей охотничьей жизни.

В более поздние времена мне не раз приходилось участвовать в волчьих охотах. С другим моим, известным охотником и охотничьим писателем, знатоком волчьих охот Н. А. Зворыкиным охотились мы в воронежском заповеднике, где степные волки обижали сохранившихся там благородных оленей. Побывали и в горном кавказском заповеднике, где борьба с серыми разбойниками оказалась очень трудной.

В годы войны я жил в пермской области у берегов

реки Камы. Возле небольшого, глухого в те времена городка Осы водилось множество волков. По ночам волки бродили по улицам спавшего, погруженного в темноту городка. Зачув волков, городские дворовые собаки поднимали особенный тревожный лай. Моя собака, породистый английский сеттер Ринка-Малинка, спавшая у меня под кроватью, слышав лай осинских собак, отвечала им таким же тревожным лаем. Чистокровная англичанка хорошо понимала язык своих сородичей — простых уральских дворняжек, и я долго не мог ее успокоить.

В глухих осинских лесах жили лоси, и волки устраивали на них охоту. Обычно они отбивали от стада молодого лося, загоняли его в чащобу, где он не мог от них отбиваться, набрасывались целой стаей и расправлялись с загнанным лосем. Бродя на лыжах по глухим осинским лесам, я не раз находил места, где пиروвали волки, деля свою добычу. На глубоком снегу отчетливо было видно, что каждый волк оттаскивал в сторону доставшийся ему кус мяса и там его пожирал. От растерзанного лося оставались лишь клочья окровавленной шкуры да вываленная на снег требуха. Через несколько дней стая волков непременно возвращалась на место своей охоты доедать остатки уцелевшего лосиного мяса. После звериного пира сытые волки устраивали на снегу веселые игры, о чем свидетельствовали многочисленные их следы.

В осинских лесах за отсутствием людей не было возможности устраивать облавные охоты. Осинский приятель мой, старый охотник Матвей Васильич, ставил на волков капканы и нередко возвращался с добычей, за которую получал в городе законную премию. Зайдя однажды ночевать ко мне, он уселся за стол, вместе с бутылкой мутной самогонки вынул из сумки завернутый в холстину кусок вареного мяса, стал меня угощать. Выпив

самогонки, я отведал довольно вкусного мяса. Подмигнув хитро глазом, Матвей Васильич сказал:

— Ну как, полюбилась тебе волчатинка?

Признаться, я был неприятно удивлен: впервые пришлось мне отведать волчьего мяса. Время было голодное, шла война, и мясо добытых капканом волков Матвей Васильич употреблял в пищу.

Уже в иные времена, в разных краях обширной нашей страны доводилось мне наблюдать волков. В камышовых зарослях Кизил-Агачского залива, на берегах южного Каспия, где собираются на зимовку миллионы пролетных птиц, я часто видел следы камышовых волков, слушал по ночам их вой.

На берегах Таймырского озера, в полярной голой тундре, не раз видел северных волков, преследовавших табунки кочующих северных оленей. Не видевшие человека северные волки вели себя иной раз дерзко. Преследуя диких оленей, они догоняли больных ослабевших животных. Так выполняли волки возложенную на них природой жестокую, но подчас и полезную роль. Известно, что находящиеся под охраной человека домашние олени часто заболевают заразной копытной болезнью и погибают. У диких оленей копытной болезни не наблюдали: преследовавшие оленей волки уничтожали заболевших животных и заразная болезнь сама собою прекращалась.

О волках ходило и ходит много выдуманных рассказов. Говорят о нападениях волков на людей, о растерзанных одиноких путниках на зимних пустынных дорогах. Страшные эти рассказы выдуманы досужими людьми. Как и огромное большинство зверей, волки смертельно боятся человека — самого грозного и всесильного на земле живого существа. Разумеется, опасен человеку бешеный волк, так же как опасны бешеные собаки. После войны белорусские охотники, впрочем, рассказывали мне

о волке-людоеде. Этот страшный волк похищал в лесной деревне маленьких детей. Во время войны он, по-видимому, питался трупами убитых людей и стал людоедом. На страшного волка была устроена охота, и минские охотники убили его.

В нашей стране теперь осталось мало волков. Их истребили многочисленные охотники. В степных открытых местах охотятся на волков даже с маленьких самолетов.

МЕДВЕДИ

Еще в раннем детстве моем я слышал много рассказов о медведях, которые когда-то водились в наших смоленских лесах. Отец рассказывал мне, что на его памяти по деревням, по сельским ярмаркам цыгане водили на цепи ученых медведей. Собравшиеся люди смотрели на медвежьи проделки.

— Как деревенские ребята горох воруют? — говорил медведю цыган. — Как бабы в бане вениками парятся?

Послушный медведь выполнял приказания своего хозяина, на великую потеху зрителям. Водить медведей запретила полиция. Их пугали лошади, и происходили нередко несчастья.

Я только два раза видел ученых медведей. Такого

медведя один раз видел далеко от России. Я плавал матросом на пароходе «Королева Ольга». Мы заходили в турецкие, сирийские, греческие и египетские порты. В Бейруте, помню, я сидел в дешевом уличном кафе. В это кафе цыгане привели ученого медведя, расстелили на земле ковер, и он стал показывать разные смешные штуки. В последний раз я увидел ручного медведя в Петрограде, на Невском проспекте, недалеко от Пассажа и Садовой улицы. Цыгане вели его на цепи, продетой в ноздри. Бедный медведь тыкался носом в каждое углубление, стараясь спрятаться от людей. Это было в самом начале нэпа, когда в России воскресали забытые обычаи и развлечения.

Деревенские рассказы о медведях, которые я слышал в детстве, были смешные. Рассказывали, помню, о мужике, в ночное время ходившем в лес искать заблудившихся лошадей. Идя по лесной тропинке, он слышал лошадиный топот, забрался на сук дерева в надежде спрыгнуть на спину задней лошади и пригнать лошадей в деревню. Вместо лошади он угодил на спину медведя, гнавшегося за лошадьми. И медведь, и мужик очень испугались. С ними приключилась медвежья болезнь.

Еще я слышал рассказ о некоем попе, который объезжал на лошади свой приход. В лесу на попову лошадь набросился из кустов медведь, лошадь дернула, неуклюжий мишка промахнулся и попал в телегу, в которой сидел поп. Перепуганный поп свалился с телеги, а лошадь понесла оставшегося в ней медведя через большое деревенское кладбище. Стараясь удержаться, медведь хватался за могильные кресты. Ему удалось вырвать из земли один старый крест. Медведя, державшего в лапах крест, лошадь вынесла на деревенскую улицу. Видя медведя с крестом, бабы набожно со страхом крестились.

Разумеется, таким рассказам нельзя верить. Но мне

рассказывали, что повадившихся на лесные пчелиные пасеки медведей ловили таким образом: хозяин пасеки ставил возле ульев корыто, наливал в него четвертную водки (известно, что медведи очень любят водку). Появившийся на пасеке медведь выпивал всю водку из корыта и пьяный возле него засыпал. Утром из деревни приходили мужики и связывали пьяного медведя. Не знаю, верить или не верить такому рассказу, но он немного похож на правду.

Говаривали, помню, о «Сморгонской академии», находившейся где-то в белорусских лесах под Сморгонью. Пойманных медведей учили там ходить на задних лапах. Для этого задние лапы медведя обували в лыковые лапти, ставили его на горячую печь. Обжигая передние, необутые лапы, медведь волей-неволей стоял прямо, по-человечьи. О неловких, неуклюжих людях, помню, бывало, говаривали так: «Сморгонскую академию окончил».

Охотиться на медведей мне пришлось несколько раз. Двух медведей я застрелил под Ленинградом в Кингисепском районе. Меня пригласили на охоту на стронутую лесорубами медведицу с двумя медвежатами. Руководителем охоты был мой приятель Захарыч. У него была хорошая медвежатница-лайка. Придя на место в лес, мы стали тащить из шапки жеребья-номера, и мне достался хороший номер. Отоптав в снегу место, я стоял под невысокой и густой елкой, на которой возились и роняли соринки синички. Передо мной была небольшая открытая полянка. Через некоторое время я услышал лай собаки и скоро увидел медведицу, нырявшую в глубоком снегу и приближавшуюся прямо ко мне. На почтительном расстоянии за ней с лаем гналась собака. Подпустив близко медведицу, я выстрелил, и она легла в снег. Собака сделала возле нее два круга и убежала разыски-

вать оставших медвежат, которых застрелили мои соседи-стрелки. В другой раз мне пришлось охотиться в том же Кингисеппском районе по стронутому с берлоги медведю. На этот раз нас было всего лишь два стрелка. Захарыч поставил нас на просеке в сосновом болоте, где залег медведь. Мы долго стояли на просеке, и наконец я услышал лай собаки, гнавшей медведя. Медведь прошел через просеку влево от меня на большом расстоянии. Я выстрелил в него из моего тройника три раза, и он скрылся в густом лесу. На его следу скоро появилась собака. Я услышал, как она остановилась и стала лаять на одном месте. Зарядив ружье, я пошел по снегу на ее лай. Скоро я увидел на небольшой полянке раненого медведя, лежавшего мордой к облаивающей его собаке. В это время ко мне подошел мой товарищ стрелок, и я предложил ему добить раненого медведя. Он выстрелил на близком расстоянии и... промахнулся. Раненый медведь поднялся на задние лапы. Я поднял ружье и выстрелил ему в сердце. Этого убитого мной медведя мы привезли в Ленинград и разделили медвежье мясо. Умело приготовленный окорок медведя довольно вкусен. Я пригласил гостей, мы выпили и отпраздновали победу над медведем.

Уже после войны мне еще раз довелось побывать на медвежьей охоте в том же Кингисеппском районе. Нас было много стрелков, и на жеребьевке мне достался лучший номер на медвежьей пята, на его входном следу. В загон пошли неопытные люди, не вовремя стронули медведя, он вышел на край охотничьей цепи на совсем неопытного стрелка — моего зятя. Я услышал пять выстрелов, сделанных из автоматического ружья. Выждав время, я сошел с номера и направился к месту, откуда слышались выстрелы. Меня радостно встретил зять, одетый в солдатский полушубок. Признаться, я не поверил, что это он убил лежавшего в снегу медведя. Зять ни-

когда не бывал ни на какой охоте, и это была его первая добыча. С этим убитым медведем уже в Ленинграде произошла занятная история. По правилам общественной охоты стрелку, убившему зверя, предоставляется право выбирать лучший кусок мяса. Неопытный в охоте зять подошел ко мне и стал спрашивать, какую часть медвежьего мяса ему надо брать. Я сказал, что нужно взять заднюю ногу. Разумеется, я имел в виду медвежий окорок, но мой зять вместо окорока взял облупленную заднюю лапу медведя, очень похожую на человеческую ногу. Приехав в Ленинград, мы не знали, что делать с медвежьей ногой. Жена положила лапу в продуктовую сумку и отправилась в мясную лавку, просить знакомого мясника разрубить твердую кость. Кто-то в очереди заметил в сумке жены лапу медведя, подошел к ней и сказал, что позовет милицию, чтобы проверить, откуда она взяла человеческую ободранную ногу. Над слишком дотошливым человеком посмеялись, и жена благополучно вернулась домой.

Кроме медведей, убитых из-под собаки, мне приходилось охотиться на медведей на овсах. Эта охота производится летом в таких местах, где медведь выходит в вечерний час есть поспевающий в поле овес. Обычно это бывает на небольших лесных засеянных овсом вырубках. Выходящих на овес медведей охотники поджидают, сидя на устроенном подле овса на высоком дереве лабазе. Вечером я сидел на таком лабазе и слышал подходивших близко к овсу медведей. Удачной охоте мешал громкий храп моего спутника Васи, заснувшего на другом краю овсяного поля на копне сена. Заслышав человеческий храп, медведи притихли, и я не слышал, как они ушли.

Охотятся на медведей еще на задранной медведем скотине. Возле туши скотины на дереве устраивают

лабаз, и охотник караулит медведя. На такой охоте мне никогда не приходилось бывать.

Как-то из знакомых лесных мест Смоленской области зимой пришла короткая телеграмма: «Нашли медведя Приезжай». Несмотря на дальнейшее расстояние, не теряя времени, я быстро собрался, отправился в путь. Медведицу с маленьким медвежонком подняли из берлоги ходившие на охоту по белкам ребята. Они увидели, как выскочила из берлоги медведица и убежала в лес. В берлоге остался маленький, только что родившийся медвежонок. Люди, ходившие проверять берлогу, увидели по следам, что медведица возвращалась к покинутому, замерзшему медвежонку, перенесла его на другое место и трогательно похоронила в глубоком снегу. Мы долго гонялись за этой медведицей, уходившей от нас по лесным дорогам, но так и не могли ее обложить.

Медведи редко нападают на человека, и только раненый зверь бывает опасен. Летом, случается, медведи нападают на коров и лошадей. Однажды мне довелось видеть раненую медведем сильную лошадь. Медведь лапой разодрал ей спину, повредил легкие, и было видно, как из гноившейся раны, из поврежденного легкого пузырячками вырывается воздух.

На Кольском полуострове, где долго лежит в лесу снег, голодные медведи рано поднимаются из зимних берлог. Они разрывают под снегом муравьиные кучи, охотятся на лосей, загоняя их по крепкому весеннему насту. В Лапландском заповеднике я знал случай, когда спрятавшийся в речной полынье убитого им лося, охранявший свою добычу медведь набросился на проходившего по льду на лыжах сотрудника заповедника и сильно его поранил. Там наблюдались и другие случаи нападений медведя на человека.

Смирными считают камчатских крупных медведей. Они совсем не нападают на человека, занимаются ловлей рыбы, большими массами поднимающейся на нерест из моря по рекам. Рассказывали о медведе, который, устроившись на маленьком островке, ловил лапою крупную рыбу, бросал через голову добычу. Рыба падала в воду, уплывала, рыболов оглядывался и, не видя своей добычи, сердито ворчал, подозревая, что добычу его кто-то ворует.

Маленькие медвежата быстро привыкают к людям, но, подрастая, становятся иной раз опасными. В цирке медведей учат ходить по канатам, ездить на машине. Здесь они наглядно показывают свой ум и смекалку.

Еще я охотился на медведей в нетронутых заонежских лесах. Я путешествовал там в осеннее раннее время, когда поспевала брусника. С легоньким ружьем на плече долго бродил по лесным тропинкам, видел много медвежьего помета, очень похожего на пироги с черникой, но медведя так и не пришлось видеть. Из Заонежья я привез шкуру убитого местными охотниками медведя, которая долго лежала у меня на полу.

Кроме бурых медведей мне приходилось охотиться на медведей белых у островов Земли Франца-Иосифа и у открытых нами восточных берегов Северной Земли, куда много лет назад ходили мы на ледоколе «Георгий Седов». В те времена охота на белых медведей была еще разрешена. Непуганые белые медведи иногда подходили к самому борту ледокола, и охота на них не доставляла никакого удовольствия. Мы убивали их, поднимали на палубу, где промышленник Журавлев снимал с них шкуры и свеживал. Мясо белого медведя нельзя считать вкусным. Оно пахнет тюленьим жиром, а печень белого медведя считается ядовитой. Разумеется,

в тяжелые голодные дни арктические путешественники не брезговали мясом белого медведя. Белый медведь значительно крупнее медведя бурого и не совсем на него похож. Белые медведи обычно питаются тюленями, терпеливо выжидая их у лунок. Покойный приятель мой, художник Николай Васильевич Пинегин, некогда путешествовавший с Седовым к Северному полюсу, рассказывал мне, как однажды, увлекшись писанием этюда, заметил подползавшего к нему медведя. По-видимому, этот медведь принял художника за тюленя. Художник оставил мольберт, взялся за винтовку и застрелил подкрадывающегося медведя.

О бурых и белых медведях рассказать можно очень много. Я рассказываю только о том, что мне самому пришлось увидеть и услышать от моих друзей. Белые медведи очень любопытны. Нередко они забираются в жилища зимовщиков. В бухте Тихой тогдашний начальник зимовки П. Я. Илляшевич застрелил медведя, забравшегося к нему в баню. Путешествуя по островам Земли Франца-Иосифа, мы оставляли запасы для лыжных зимних экскурсий. На другой год мы увидели разоренными устроенные нами склады. Ими пользовались белые медведи.

У острова Альджер, к которому мы подходили, произошла такая история: голодный медведь подошел к самому борту ледокола. Его тут же застрелили и лебедкой подняли наверх. Свежевавший медведя промышленник Журавлев обнаружил, что желудок его был набит... китайским чаем. Загадка разрешилась скоро. На острове Альджер мы обнаружили склады американской экспедиции Циглера, которая некогда готовилась отсюда отправиться на Северный полюс. Экспедиция эта была неудачна, и американцы уехали несолоно хлебавши, побросав все свои запасы. На плоском берегу острова мы

увидели два круглых, покрытых льдом склада. Крыши складов были взломаны недавно побывавшими здесь норвежцами. На земле лежали разбитые ящики с продуктами. В одном из таких ящиков, по-видимому, хранился китайский чай. Известно, что голодные белые медведи иногда питаются водорослями, которые выбрасывают волны на берег моря. По-видимому, убитый нами медведь принял китайский чай за морские водоросли. Так просто разрешилась, казалось, необъяснимая загадка.

Уже в другое время на островах Шпицбергена, где мне довелось зимовать и где осталось мало белых медведей, зимою произошел такой случай. Из стоявшего у пристани корабля выгружали продукты, привезенные для рабочих советского угольного городка Баренсбурга. Среди продуктов были ящики со свежими яблоками. Несколько таких ящиков во время разгрузки были разбиты, и яблоки рассыпались по пристани. Женщин заставляли собирать эти яблоки. Во время разгрузки заметили бродившего по пристани белого медведя. Он подбирал и ел яблоки. Разумеется, все люди разбежались, и медведь свободно гулял по пристани. Кто-то принес ружье, и этого медведя застрелили.

Теперь белых медведей строго запрещено стрелять. Их убивают лишь в исключительных случаях, когда у зимовщиков кончается продовольствие. Да и медведей осталось мало, мало осталось и тюленей, и моржей.

В заключение хочу вспомнить случай, происшедший на Новой Земле у промыслового становища, к которому подошел наш ледокол. На ледоколе мы везли из Архангельска ручного бурого медвежонка. В промысловом поселке жил подраставший белый медвежонок. Нам захотелось познакомить медвежат, и мы вывели на берег

бурого медвежонка. К величайшему нашему удивлению, увидев бурого своего собрата, белый медвежонок пустился наутек, и мы долго над ним смеялись.

ЛОСИ

Из всех зверей, обитающих в наших русских лесах, самый крупный и самый сильный — лось. Есть что-то допотопное, древнее в облике этого крупного зверя. Кто знает — возможно, лоси бродили в лесах еще в те далекие времена, когда жили на земле давно вымершие мамонты. Недвижно стоящего в лесу лося трудно увидеть — так сливается окраска его бурой шерсти с окраской окружающих его древесных стволов.

В дореволюционные времена лоси в нашей стране были уничтожены почти поголовно. Лишь в очень немногих, самых глухих местах, уцелели эти редкие звери. При советской власти охота на лосей была строго запрещена. За десятки лет запрета лоси расплодились почти повсеместно. Теперь они безбоязненно подходят к людным селениям и шумным большим городам. Совсем недавно в центре Ленинграда, на Каменном острове, отправлявшиеся в школу ребята увидели утром двух бродивших под деревьями лосей. По-видимому, эти лоси

забрали в город в ночное тихое время, заблудились на городских улицах.

Вблизи городов и селений лоси чувствуют себя в большей безопасности, чем в глухих местах, где их преследуют охотники-браконьеры. Они не боятся переходить широкие асфальтовые дороги, по которым непрерывным потоком движутся грузовые и легковые машины. Нередко они останавливаются у самой дороги, и проезжающие в машинах люди свободно могут их наблюдать.

Лось — очень сильное, сторожкое и умное животное. Отловленные лоси быстро привыкают к людям. Зимой их можно запрягать в сани, как запрягают на севере домашних оленей. Только в осеннюю пору спаривания самцы лосей становятся опасны. Вооруженные тяжелыми ветвистыми рогами, они громко и грозно режут, устраивают рыцарские поединки.

В городке Гатчине я знал старого опытного охотника, служившего некогда егерем в царской охоте. Этот старый охотник умел манить-вабить лосей, подражая их реву. Желая отогнать соперника, лось близко подходил к спрятавшемуся за стволом дерева охотнику, и режущего рогатого лоса было легко застрелить. Теперь такая «на реву» охота забыта. Современные охотники устраивают на лосей облавы. Окружив зимой в лесу лосей, загоняют их на цепь стрелков. Доверчивые звери выходят на вооруженного стрелка. Жалко видеть убитого или раненого лоса, лежащего на окровавленном снегу. В зимнее время обойти лосей нетрудно. Обычно они держатся в мелком осиннике, где обгладывают горькую кору молодых осин. Следы лосей в глубоком снегу видны далеко.

Зимой на лосей нередко охотятся волки. Они стараются отбить от стада молодого лоса и, загнав его в чащобу, быстро с ним расправляются.

В приуральских лесах я не раз находил места такой волчьей жестокой расправы. В годы войны в тех же приуральских лесах люди ставили на лосей сплетенные из проволоки или тонкого стального троса петли. Кормившиеся лоси попадали в такие петли головой или ногами. Два раза я видел запутавшихся в петле лосей. Знакомый лесник повел нас показывать пойманного петлею лося. Возле ствола высокой ели, к которой была прикреплена проволочная петля, не двигаясь стояла безрогая лосиха. Снег вокруг ели был обтопан. По-видимому, лосиха несколько дней томилась в петле. Мы подошли близко к недвижно стоявшей лосихе. Кто-то из нетерпеливых и жадных охотников выстрелил, и она упала, кровавая снег. На меня это убийство, помню, произвело самое тяжелое впечатление.

Второй раз мы нашли лося, запутавшегося задней ногою в проволочной петле. Он так же покорно и недвижно стоял, смотрел на нас. С нами был двенадцатилетний сын моего приятеля, лесного объездчика. Отец дал ему топор и сказал, чтобы он тихонько и незаметно подошел сзади к дереву, к которому была прикреплена петля, и перерубил проволоку. Подходить близко к лосю было опасно. Врагов своих лоси бьют не только рогами, но и острыми копытами передних и задних ног. Мы старались привлечь на себя внимание лося, а Ваня тихонько подбирался с топором к дереву. Ему удалось перерубить проволоку, но попавшийся в петлю лось по-прежнему не двигался с места. Мы стали хлопать в ладоши, кричать и махать шапками. Унося затянутую на задней ноге проволочную петлю, лось убежал в лес.

Однажды в лесу у водопоя, куда приходили ночами лоси, я увидел обглоданный лисицами скелет погибшего в петле лося. Человек, поставивший здесь на лосей

петлю, по-видимому ушел и не приходил проверять расставленные ловчие петли.

Охотились зимой на лосей и с подхода. Для такой охоты одиночка-охотник выбирал метельный встрепанный день. Тихо идя на лыжах по лосиному следу, вплотную подходил к залегшим в лесу лосям.

Мне не раз приходилось встречать в лесу лосей. Прячась за укрытием, я любовался красотой сильных зверей, легкими их движениями, ветвистыми развесистыми рогами самцов. Каждый год самцы лосей меняют свои тяжелые ветвистые рога. Сбрасывая старые рога, они трутся о стволы и сучья деревьев. В лесу нередко люди находят сброшенные рога лосей. Всякий год на рогах самца-лося прибавляется лишний отросток, и по количеству отростков можно узнать возраст лося.

Незаконная охота на лосей теперь строго карается. К сожалению, несмотря на строгий запрет, разбойники-браконьеры нередко убивают в глухих местах лосей. Там, где я теперь провожу лето, недавно произошел такой трагический случай. В лесу обнаружили труп убитого лося, а рядом лежал труп застреленного человека, оказавшегося бригадиром местного колхоза. По-видимому, услышав стрельбу, бригадир подошел к браконьерам, свежавшим убитого лося, и между браконьерами и бригадиром произошел разговор. Не желая платить высокий штраф за убитого лося, разбойники-браконьеры застрелили колхозного бригадира, накинув на плечи ружья и бросив свою добычу, укатили по железной дороге.

В летнее время лоси ходят очень широко. Я знал случай, когда два лося в ночное время зашли в ворота городского кладбища. Утром сторож кладбища увидел их среди могил, стал пугать и кричать. Лоси кинулись к железной ограде, окружавшей кладбище. Одному

лосью удалось благополучно перепрыгнуть через железные острые пики ограды. Другой, молодой лось, на этих пиках повис, распорол себе брюхо. На зов сторожа сбежались люди, добили бедного лоса, сняв шкуру, разделили мясо.

Другой печальный случай произошел совсем недавно, нынешним летом, рядом с нашим лесным домиком, возле которого на берегу Волги теперь построен большой каменный дом. Однажды ранним утром сторож увидел умирающего лоса, лежащего у подъезда дома. Из распоротой груди лоса текла кровь. По-видимому, переплыв Волгу, лось пытался перепрыгнуть через железную ограду, напоролся на острые пики, дополз до подъезда дома и упал. О лосе все скоро забыли, но меня долго мучила смерть лоса, погибшего недалеко от нашего лесного домика.

Лоси любят воду, нередко переплывают широкие реки. Переплывающих реку лосей можно догнать на легкой лодке. Над водой видны их горбоносые головы, широкие ветвистые рога. Бродя с ружьем и собакой по лесной вырубке вблизи реки Камы, однажды я увидел лоса, «принимавшего ванну» в небольшом открытом болотце. По-видимому, лось спасался от осаждавших его злых оводов и слепней. Я подошел близко к стоявшему в болотной воде лосю, но выскочившая из кустов моя легавая собака его испугала. Лось вышел из болота и не торопясь скрылся в густом лесу.

Самое удивительное, что тяжелые лоси могут переходить самые топкие трясинные болота, по которым не может ходить человек. Для меня это служит доказательством тому, что лоси жили еще в те давние времена, когда отступали покрывавшие землю ледники, оставляя за собою обширные топкие болота.

Только немногим охотникам доводилось охотиться весною на глухаринных токах. Помню, Михаил Михайлович Пришвин рассказывал мне, что ему так и не удалось никогда побывать на глухаринном току. Мне в этом отношении повезло. Я много охотился на глухарей, знал обильные тока. Такие тока видел я под Ленинградом, в Кингисеппском районе. Видел и слушал их в Приуралье и на Кольском полуострове. Я начал охотиться на глухарей еще в юношеском возрасте. В давнем рассказе моем «Глушаки» описана первая моя охота. Учителем и проводником моим был деревенский охотник Тит. Утром, после ночлега в лесу, он подвел меня к певшему глухарю. Первый раз я выстрелил по колебавшейся под тяжестью глухаря еловой ветке. Тит погрозил мне пальцем и из своего ружьишка подстрелил певшего в темноте глухаря. С тех пор я много охотился на глухаринных токах и с радостью встречал каждую весну, готовясь к интересной охоте, заранее набивал патроны. Жадным охотником я никогда не бывал и даже на самых обильных токах не убивал больше двух птиц. Когда я переставал стрелять, лесная природа приближалась ко мне. Я любил бывать на глухаринных токах в полном одиночестве. Лишний охотник здесь только мешает.

Я один ночевал у костра в лесу, слушал ночные тихие звуки. Эти лесные ночлеги были для меня самой высокой моей радостью. Хорошо запомнилась мне одна такая охота. Кто-то рассказал мне, что у дальней деревни, в которой я еще никогда не бывал, есть хорошие глухариные места. Весною, когда лежал снег, я отправился в эту деревню. Было нужно пройти много верст. Я остановился и отдохнул в деревне, стал расспрашивать мужиков о глухариных местах. Охотников в той деревне тогда не было. Мне рассказали, что видели глухарей в большом лесу, и показали дорогу. Помню, как под вечер я пошел в лес. На краю деревни плотники-мужики заканчивали какую-то постройку. С топорами в руках они сидели верхом на бревнах, с удивлением смотрели на незнакомого человека. Скоро я вошел в лес. Помню высокую, стоявшую на краю леса елку, похожую на зеленую колокольню. Я шел по зимней, проложенной дровосеками дороге. Дошел до широкой просеки. Никаких признаков глухариного тока не обнаружил. На широкой просеке я остановился почевать. Срубив топором два сухих дерева, я сделал из них нодью.¹ Не торопясь устроил из еловых веток на снегу постель. Всю ночь я слышал знакомый вой волков, раздававшийся за просекой на болоте. Утром я перешел большое выгоревшее болото. Нужно было не раз перелезать через стволы деревьев, поваленных пожаром. Перейдя болото, в сосновом лесу я обнаружил признаки глухариного тока. Под некоторыми соснами лежал на снегу глухариный мелкий «игровой» помет. Ознакомившись с местом, я остался до вечера на подслух ожидать глухарей. Сидя под сосною, в вечерних сумерках я слышал, как слетаются

¹ Нодьей охотники называют костер, сложенный из двух длинных бревен, положенных одно на другое.

на ток глухари. Недалеко от меня на сосну сел глухарь. Под его тяжестью закачался зеленый сук. Дождавшись ночи, я тихо отошел в сторону и, переночевав у костра, перед рассветом вернулся на ток, застрелил одного певшего глухаря. Под вечер на следующий день пошел мелкий весенний дождь, и мне пришлось уходить с тока. Я пошел через широкое поле, надеясь найти дорогу в деревню. Помню, в темноте я заблудился, набрел на густой можжевельниковый куст. Не спимая ружья и охотничьей сумки, повалился на него, как на мягкую пружинную кровать. Боже мой, какие блаженные снились мне сны! Я видел мой письменный стол, керосиновую лампу под зеленым абажуром, мою деревенскую уютную комнату с бревенчатыми стенами и натопленной печкой. Я что-то читал и писал, и на душе у меня было спокойно.

Впоследствии я знал много глухариних токов. Случалось, я близко подходил к токующим глухарям. С друзьями, деревенскими охотниками, не раз ночевал в лесу и слышал много рассказов. Глухари пели на соснах и на высоких голых осинах. Нужно умение слушать и подходить к поющему глухарю. Его песня не похожа ни на один звук в природе. Она начинается тихим и редким шелканьем, переходит в мелкую дробь и кончается странным, таинственным скрежетанием. Кто знает, может быть, такие таинственные звуки раздавались в те времена, когда не было на земле человека. Несомненно, глухарь — одна из древнейших птиц на земле. Об этом свидетельствует образ его жизни и внешний его вид. Живут глухари обычно в глухих сосновых лесах и болотах. Зимой они кормятся жесткой сосновой хвоей. По-видимому, они жили в те далекие времена, когда не было на земле лиственных лесов.

Готовясь к зиме, глухари вылетают на берега рек

и озер, набивают зобы небольшими круглыми камешками. Эти камешки помогают глухарям перемалывать в зобах жесткую сосновую хвою. Я заметил, что не всякой сосны склевывают глухари хвою. Они выбирают отдельные почему-то понравившиеся им сосны. Сосна, на которую вылетают кормиться зимой глухари, кажется совсем голой. Насколько известно мне, сосновая хвоя является единственной пищей глухарей в зимнее время. Ток глухарей начинается самой ранней весной. Еще лежат в лесу глубокие сугробы, на которых начинающие токовать глухари распушенными крыльями чертят затыливые узоры. Услышав весной песню глухаря, никогда ее не забудешь. Впрочем, не всякий охотник умеет слышать глухариную песню. Я знал городских охотников, которые не умели охотиться на глухариных токах. Один из таких охотников, помню, соорудил себе из картона широкие «уши». Но и эти «уши» не помогли ему услышать песню глухаря. Помню, мы попросили его нацепить картонные «уши» и долго смеялись над ним.

Глухари необыкновенно чутки к перемене погоды. Они предчувствуют туман и дождь. Слетевшись вечером на токовище, в дурную погоду утром они совсем не поют. Не раз мне приходилось наблюдать поединки самцов-глухарей. Они дерутся на земле под деревьями, хлопая крыльями и грозно наскакивая друг на дружку. Далеко слышится хлопанье их могучих крыльев, их хриплые голоса. Наблюдая драку глухарей, я никогда не мог понять, почему один глухарь пускался наутек, а другой, преследуя его, продолжал щелкать и скрежещать. Случалось, токующий глухарь пробегал у самых моих ног. Для этого нужно было стоять совсем неподвижно, прижавшись к стволу дерева.

На глухариных токах мне случалось подходить совсем близко к токующим птицам. Иногда они сидели на

нижних сучьях деревьев, и мне приходило в голову поймать живого токующего глухаря, привязав к палке волосяную или проволочную петлю, которую можно надеть ему на вытянутую шею. Такой охотой я не удосужился заняться, но каждая охота на глухарином току доставляла мне большое и радостное удовольствие. Я близко наблюдал редкостных птиц, слушал их пение и как бы сам сливался с окружавшей меня лесной природой.

Под Ленинградом, в Кингисеппском районе, я некогда знал богатые глухариные тока и каждую весну на много дней выезжал туда на охоту. Я убивал не более двух птиц, а потом ходил, наблюдал и слушал. Хорошо проводить ночи в весеннем пробуждавшемся лесу. Таинственные слышатся звуки. На одном из глухариных токов стоял маленький домик. Домик этот некогда поставил богатый помещик, любитель глухариной охоты. Мне рассказывали, что он иногда приезжал на ток, выходил на крылечко, пил кофе и слушал пение глухарей. Старый разваливавшийся домик этот поправил мой большой приятель Сергей Николаевич, заведовавший охотничьим хозяйством. На дальний глухариный ток городские охотники, кроме меня, не приезжали. В лесном домике я был полным и всевластным хозяином. Днем я спал на нарах, а ночи проводил у стола, вынесенного из домика под деревья. Здесь я пил вскипяченный на костре чай, слушал лесные таинственные голоса. Иногда весенние ночи были так тихи, что пламя свечи, стоявшей на столике, почти не колебалось. Напившись чаю, перед рассветом я выходил на охоту. Однажды со мною произошло загадочное приключение. Выходя на ток, я оставил на столе пустую кружку. Я долго ходил по токовищу, слушал пение глухарей и вернулся вдоль наполненной бегучей водой канавы в избушку, когда над лесом поднималось солнце. К величайшему удивлению моему,

я увидел, что кружка, из которой я ночью пил чай, стояла наполненная водой. Я долго не мог разрешить загадку.

Однажды с приятелем моим Сергеем Николаевичем мы остановились на ночлег в лесной сторожке на берегу реки. Обязанности лесника выполняла молодая женщина. Она поставила для нас самовар. Мы выпили по чарочке водки, и я рассказал о загадочном случае, происшедшем со мной на глухарином току, о пустой кружке, неведомо кем наполненной ключевой водою. Слушая мой рассказ, молодая женщина улыбалась. Потом призналась нам, что тем утром делала обход своего лесного участка и набрела на избушку.

«Подошла к домику, — рассказывала она, — вижу, висят убитые глухари, сумка. Значит, живет здесь охотничек. Я увидела стол, пустую кружку, напилась воды и задумала над ним пошутить. Наполнила доверху кружку водою, поставила на стол».

Так разрешилась долго занимавшая меня загадка.

ТЕТЕРЕВ

Из множества русских наиболее привлекательных и поэтичных охот, связывающих внимательного человека с родной природой, самая разнообразная и увлекатель-

ная для ружейного охотника — охота по тетереву. Тетерев, несомненно, одна из красивейших охотничьих птиц, которую знают и видели не только охотники, но и многие люди, жившие среди природы. Есть что-то сказочное, русское в самом облике этой красивой и сильной птицы. Недаром в народных сказках тетерева ласково называли Терентием.

— Терентий, Терентий, я в городе была! — говорит лиса, желая обмануть сидящего высоко на березе краснобрового тетерева-косача.

— Бу-бу, бу-бу-бу, была так была... — отвечает хитрой лисице с березы недоверчивый косач.

Зимой и весной чудесен наряд тетерева-косача. Как бы в черные, бронзовые с зеленоватым отливом латы одет храбрый боец. На алые лепестки диких цветков похожи налитые кровью брови. Шумен взлет затаившегося в высокой траве, в густом низком кустарнике, старого косача. На черную лиру похож его хвост.

В центральной, лесной части нашей страны тетерев был распространен широко. Жизнь тетерева тесно связана с березой. Обычно тетеревиные выводки держатся по закрайкам березовых перелесков, у обработанных и засеянных озимых и яровых полей. Недаром тетеревов иногда называли «полевиками». Живут и гнездятся тетерева и на лесных вырубках, заросших высоким папоротником и иван-чаем, и в зеленых нескошенных лугах, на краю небольших болот и глубоких оврагов, где растет земляника. Тетерев — птица строго оседлая. Осенью и зимой он не совершает длительных, опасных перелетов. Лето и зиму проводит в излюбленных местах.

Всю долгую зиму тетерева кормятся смолистыми березовыми почками, большими стаями перелетают

и садятся на голые сучья деревьев. Стаю кормящихся на березах тетеревов можно увидеть издали. Точно тяжелые черные и серые груши, висят они на ветвях берез. Кроме почек берез кормятся тетерева можжевельными ягодами, всю зиму висящими на пышных зеленых кустах можжевельника. Там, где растет можжевельник, всегда можно увидеть на свежем снегу цепочки тетеревиных следов, похожих на небольшие крестики. Следы тянутся от куста к кусту, сходятся и расходятся, сплетаются в затейливый узор.

В зимние ясные морозные дни иногда можно наблюдать, как сидящие на березах тетерева один за другим начинают бесшумно падать с деревьев, зарываются в снег, в глубокие лунки, в которых они отдыхают. Не раз, бывало, идешь на лыжах — и вдруг из-под ног, в алмазной снежной пыли, одна за другой начинают вырываться из снега прятавшиеся птицы. Я не помню более сильного впечатления, как встреча с тетеревами на лунках в зимнем спящем лесу.

Поздней осенью и ранней зимою было принято охотиться на тетеревов загоном. Под березами, где кормятся и перелетают тетерева, охотники устраивали из еловых густых лапок удобные шалаши, а на ближнем дереве, прикрепив к длинным шестам, ставили набитые соломой суконные чучела птиц. Один из охотников, пешком или верхом на лошади, отправлялся разыскивать и подгонять стаю. Нет ничего легче застрелить подсевшую к чучелам птицу. Один за другим подсаживались к нехитрой приманке тетерева, и обычно охотники возвращались домой с обильной добычей.

По неглубокому снегу в начале зимы не раз доводилось мне охотиться на тетеревов «с подъезда». Для такой охоты нужна очень смирная и спокойная лошадь, не боящаяся ружейных выстрелов. С приятелем моим,

деревенским пастухом Прокопом, мы ездили на простых узеньких саночках-лисичках. Заметив кормящихся на березах тетеревов, мы осторожно, стороною подъезжали к ним. В местах, где есть проезжие зимние дороги, тетерева не страшатся проезжающих близко подвод. Они спокойно продолжают кормиться. Видно, как они склевывают мерзлые почки, как осыпается с ветвей легкий иней. Круг за кругом мы подъезжали к тетеревам на выстрел. Прокоп останавливал лошадь, нужно быстро и метко стрелять. Такая охота, разумеется, не могла быть очень добычливой, но неизменно доставляла большое удовольствие.

В конце зимы, в ясное и чистое утро, можно услышать первое весеннее токование косачей. Еще лежит глубокий снег, синие тени тянутся от деревьев по сугробам, не вскрылась река. А далеко за рекою слышно гулкое токование косачей, готовящихся к большому весеннему праздничному току.

Кто из настоящих охотников не бывал на весенних тетеревиных токах! Уже сошел снег, еще не оделись листвою деревья, но оживший лес уже полнится голосами прилетных птиц. Вечерами поют на вершинах деревьев дрозды, воркуют дикие голуби витютни, пролетают над лесом, тихо хоркая, длинноносые вальдшнепы, а на кочковатой, окруженной березовым и смешанным лесом поляне по утрам на рассвете собирается тетеревиный ток.

Заранее нужно поставить в центре тока шалаш, сплетенный из зеленых еловых веток. Токующие птицы должны к нему приглядеться. На ток приходиться нужно рано, еще в темноте, когда лес спит. Заберешься, бывало, в шалаш, пахнувший свежей смолистой хвоею, удобно расположишься и ждешь. Слушаешь, как наступает утро в лесу, как загорается на востоке ранняя зорька.

Еще до рассвета послышится в воздухе лёгкое шуршание крыльев. Это прилетел на ток первый косач-токовик. Он долго молчит. Вдруг раздаётся сильный и грозный боевой клич:

— Чуффшш!

Помолчит, помолчит немного и еще:

— Чуффшш! Чуффшш!

На первый боевой клич один за другим слетаются тетерева на свой ток. В полутьме рассвета можно разглядеть собравшихся на токовище бойцов. Распустив веерами хвосты, украшенные по бокам красивыми косицами (от этих перьев-косиц пошло название самцам-тетеревам, стали называть их косачами), волоча по земле широко распушенные крылья, вытянув шеи, пригнув к земле головы с налитыми кровью бровями, тетерева заводят знакомую охотникам песню. На что похожа эта весенняя песня? Быть может, на журчанье лесного весеннего, скрытого под снегом ручья?

Ярче и ярче над опушкой голого леса разгорается рассвет. Сидя в шалаше, раздвинув руками еловые колючие ветки, охотник наблюдает чудесное театральное представление. Он видит расхаживающих по токовищу актеров-птиц. Они то сходятся, то расходятся, издавая воинственные звуки, то вдруг схватываются в яростной драке. Слышно хлопанье сильных крыльев. Бормотанье многих птиц сливается в единый громкий гул. Вот пролетела над током и заклохотала самка-тетерка. И тотчас усиливается бормотанье, все чаще и чаще слышится грозный боевой клич:

— Чуффшш! Чуффшш!! Чуффшш!

Настоящему чуткому и наблюдательному охотнику весенняя охота на тетеревиных токах доставляет поэтическое незабываемое наслаждение. Забыв о ружье, слушает и смотрит охотник. Выше и выше поднимается над

деревьями солнце. Все жарче и страстнее поют тетерева. Чаще и чаще слышится призывное квохтанье тетерок. Случается, тетерева подлетают к самому шалашу, и тогда совсем близко можно увидеть чудесных красавцев, их черное с зеленоватым отливом брачное оперение, их пышные брови, похожие на распустившиеся алые цветки.

В приуральских местах мне доводилось наблюдать большие тетеревиные тока, на которые слеталось больше сотни птиц. Гудом гудит такой многочисленный ток. Приходит минута, и весь ток, как бы по мановению невидимого дирижера, вдруг замолкает. Такое молчание продолжается несколько минут. После недолгого перерыва птицы начинают петь еще громче, еще страстней. До позднего утра длится ток, и уже когда начинает пригревать солнце, один за другим певцы разлетаются со своего токовища.

Тетеревиные тока продолжаются, когда уже оденется в зеленые одежды лес. Но все реже и реже прилетают и квохчут тетерки, построившие себе скрытные гнезда. С прекращением тока косачи уединяются в глухих заросших болотах, где в скрытных местах они меняют свой брачный весенний наряд, проводят летнюю линьку. Косачи-тетерева не участвуют в воспитании своих детей. Матки-тетерки одиноко сидят на своих гнездах, высиживают птенцов.

В начале лета из яиц вылупляются маленькие шустрые и бойкие тетеревята.

В природе у тетеревов множество врагов. Их подкарауливает зоркий и скрытный ястреб-тетеревиный, охотится на тетеревов хитрая лисица.

Когда-то я много охотился на тетеревов. Еще до открытия сезона осенней охоты я разыскивал выводки, натаскивал молодых легавых собак. Приятно находить новые выводки, любоваться на работу умной и послушной

легавой собаки. Трогательна любовь матери-тетерки к своим маленьким неопытным птенцам. Взлетев из-под стойки, тетерка старается отвести в сторону собаку. Она низко летит над землею, то падает, то опять взлетает.

Тетеревята разбегаются, прячутся в высокой траве. Случалось, я шапкой накрывал затаившегося в траве тетеревенка, брал в руки, чувствуя, как бьется его живое маленькое сердце, осторожно выпускал на волю.

Настоящая охота на тетеревов с легавой начинается под осень, когда у подросших самцов-тетеревят показываются на спине черные перышки и отрастают на хвосте косицы.

Идешь с умной собакой по опушке березового леса или по краю мохового болота, приглядываешься к траве и кустам. Обычно подросшие выводки тетеревов держатся по краям необрунных овсяных полей, по лесным и болотным ягодникам.

Особенно интересна и трудна охота с легавой на вылинявших взрослых тетеревов-косачей. По косачиному следу долго и осторожно, припадая к земле, ведет охотника его любимая собака. Трудно угадать, где затаился, спрятался хитрый косач. Вот она останавливается, подняв переднюю ногу, замирает в мертвой стойке. Охотник осторожно обходит можжевельниковый куст, посылает собаку вперед. С треском, блеснув белизною подкрыльев, вылетает из куста затаившийся косач.

Из русских летних охот охота на тетеревов с послушной легавой собакой доставляет охотнику наибольшее удовольствие. Он любит работу любимой собаки, радуется удачному выстрелу. Счастливый и бодрый возвращается с такой охоты.

Еще в недавние времена весенняя охота на тяге и осенняя на вальдшнепиных высыпках с умной и чуткой легавой собакой была у русских охотников самой любимой и поэтической. О весенней охоте на тяге мне уже приходилось писать. Но есть интересная осенняя охота на вальдшнепиных высыпках.

Чуть-чуть тронулся, пожелтел на деревьях лист. В первом осеннем золоте стоят березы. По-прежнему густо зелены ольховые кусты на берегу реки. Идешь с умной собакой, приглядываешься. Вот, припадая к земле, верхним чутьем повела собака. Изредка она оглядывается на охотника, поспешно приготовившего к выстрелу ружье. Подойдя к густому кусту, в мертвой недвижимой стойке замерла собака. Чуть-чуть дрожит ее хвост, приподнята передняя лапа, вытянута шея с красивой ушастью головою. Охотник подходит к кусту, тихо командует:

— Вперед, Ринушка, вперед!

Шумно вылетает из куста длинноносая птица, быстро летит меж стволами деревьев. Умелому стрелку не трудно застрелить вальдшнепа. Возьмешь в руки подстреленную, еще теплую птицу. Капельки крови видны на ее перьях, открыты черные, прекрасные, уже мертвые глаза. Разинут длинный клюв. Чудесно осеннее оперение вальдшнепа, так сливающееся с окраской земли, покрытой опавшими пожелтевшими листьями. Подвернув под

крыло голову застреленной птицы, кладешь добычу в ягдташ. Дальше пускаешь разгоряченную собаку.

В жизни моей я знал обильные осенние вальдшнепиные высыпки. Идешь бывало — то и дело замирает на стойке собака. Я никогда не был слишком жадным охотником. Несколько удачных выстрелов вполне меня удовлетворяли. Вальдшнепы вылетали почти у самых ног, и я любовался полетом исчезающей за деревьями птицы.

Особенно была распространена такая осенняя охота в Крыму и на Кавказском побережье. Множество охотников, подчас с плохими, но хорошо натасканными собаками, на весь день уходили на охоту. Со всех сторон слышалась пальба, крики и визг наказываемых собак. Раз два или три мне довелось побывать на такой охоте, и, сознаюсь откровенно, она не доставила мне большого удовольствия. Птиц было много, но еще больше было охотников, вооруженных самыми разнообразными ружьями, с большими и маленькими собаками, похожими на простых дворняжек.

Есть еще одна осенняя охота на вальдшнепов — на грязи. Там, где много скопляется этой дичи, на лесных малоезженных дорогах, возле осенних луж, можно увидеть на грязи следы птиц и частые небольшие дырочки. Здесь точно кто-то тыкал в грязь гвоздем или заостренной палочкой. Сюда, на грязь, по вечерам слетались кормиться вальдшнепы. Своими длинными клювами прокалывая грязь, добывали они личинок и червяков. Охотник усаживался вблизи посещаемой вальдшнепами грязи. Спрятавшись за укрытием, он ждал вечера, когда вальдшнепы тихо подсаживались у своих вечерних кормежек. Стрельба в сидящего на грязи неподвижного вальдшнепа не доставляла мне удовольствия, и я никогда не занимался этой охотой.

На птичьих зимовках у южных берегов Каспийского моря я наблюдал «немую тягу» вальдшнепов. Каждый вечер вальдшнепы летели на кормежку на вспаханные поля. Здесь вальдшнепы не издавали обычных весенних звуков — хорконья, цвирканья, хорошо знакомых каждому русскому охотнику. Они летели молча, быстро и деловито. На вспаханных полях ночью их ловили местные жители-талыши. Я видел, как по полю движутся огоньки фонарей, с которыми бродили по пашне ловцы птиц. У одного из ловцов в руке был фонарь, другой держал в руках круглую сетку, похожую на рыболовную снасть. Ночью вальдшнепы вплотную подпускали к себе людей с зажженными фонарями, их запросто накрывали сетью.

Весенняя русская охота на тяге всегда была моей любимой. На такой охоте чуткий охотник слышит каждый звук пробуждающейся земли. Радостное, поэтическое чувство возникает в душе. Недаром так любили эту весеннюю русскую охоту наши великие писатели и поэты.

Охота на тяге была, пожалуй, моей первой в жизни охотой. Я отчетливо помню, как отец в первый раз взял меня весною с собой на тягу. Помню и место, где мы стояли, пролетавших над вершинами невысоких берез птиц, выстрелы, вылетавшее из ружья, пугавшее меня пламя. С тяги мы возвращались полевой тропинкой уже в темноте. Я устал, отец посадил меня на каркушки, я обнял руками шею отца, и вместе с добытой дичью отец доставил меня домой. Эта давняя охота запечатлелась в моей памяти на всю жизнь.

Я всегда относился с любовью к вальдшнепам, к этой милой таинственной длинноклювой птице, открывавшей радостное время весны. Еще лежит в лесу широкими пятнами снег, а уже начинается первая пролетная бога-

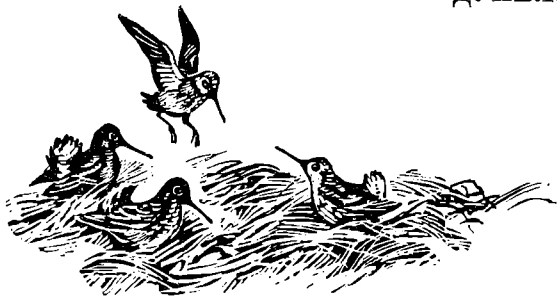
тая тяга. Вальдшнепы возглавляют весенний прилет птиц. С прилетом длинноносых гостей весенними звуками наполняется лес. Кукуют кукушки, распевают дрозды, начинает оживать лес. Жизнь пробуждается.

Еще долго продолжается весенняя тяга. Зеленой листвою покрылись березы. Покусывают, мешают стоять комары. Цветет по канавам, одевшись в подвенечное платье, красавица черемуха. Кончают токовать глухари. А все еще летят и летят по вечерам, цвиркая и хоркая, над зелеными вершинами берез длинноносые вальдшнепы.

Раза два или три мне доводилось находить гнездо вальдшнепов на земле под кустами. Как-то в начале лета, проходя лесом, я увидел у поленицы сложенных березовых дров странную, тяжело летевшую над землею птицу. Не сразу я узнал вальдшнепа, несшего в лапках уже подраставшего своего птенца. Вальдшнепы иногда переносят с места на место свой выводок, мужественно спасая птенцов от грозящей им опасности.

В долгой охотничьей жизни моей доводилось мне видеть богатые вальдшнепиные тяги. Еще в давней юности, начиная охотиться, я вместе с отцом стоял в березовом мелком лесу. Над нашими головами низко пролетали десятки птиц, хорканье и цвирканье раздавалось со всех сторон. Такой богатой тяги мне больше никогда не приходилось видеть.

Теперь вальдшнепиные тяги обеднели почти повсеместно. Гости весною в Ясной Поляне, я однажды стоял в тех самых местах, где некогда Лев Николаевич Толстой охотился на тяге со своим гостем Тургеневым. Цвела черемуха, пели дрозды, шла весна. Места для тяги были изумительные. Но над моей головой не пролетела ни одна птица. Чем объяснить убыль птицы? Наверное, беспощадной охотой, вырубкой лесов.

Современным молодым охотникам редко приходится слышать о дупелиных токах — этой необычайно интересной, забытой теперь охоте. Излюбленной ружейными охотниками «благородной» болотной птицы — бекасов, гаршнепов и дупелей — с каждым годом становится меньше.

Даже в известных дупелиных местах, на кочковатых, поросших кустами болотах, где в былые времена ленинградские охотники брали за выезд на «высыпках» по двадцати — тридцати пар, редкому счастливому стрелку удается взять двух-трех дупелей.

Очень возможно, что причиной оскудения угодий было несоизмеримое с прошлым обилие заядлых стрелков, осушка и вспашка болот, на которых гнездились и «высыпали» пролетные дупеля, а прежде всего безжалостное, безрассудное истребление всяческой дичи.

Бывалые охотники уверяют, что в некоторых обильных болотную дичью местах (например, на Волховских поймах) до сего времени сохранились хорошие дупелиные тока. Признаться, рассказам таких охотников я верю мало.

По рассказам старых, опытных и правдивых охотников, существовали некогда дупелиные тока, на которые в весенние зори вылетали десятки и сотни маленьких длинноклювых птиц.

Распустив крылышки и хвосты с белой подпушкой, дупеля бойко бегали по избранному ими токовищу, обычно представлявшему собой небольшую, поросшую прошлогодней травой кочковатую площадку. Здесь происходили дуэли, скрещивались шпаги ревнивых бойцов, от зари до зари продолжалась весенняя любовная игра. Всю долгую весну дупеля слетались на свое излюбленное токовище, и даже выстрелы охотников не очень их пугали.

На дупелиных токах охотились затемно, иногда с огнем. Посредине дупелиного токовища с вечера ставили зажженный фонарь. Не страшась огня, бойкие птицы всю ночь бегали вокруг фонаря, и попадавших в луч света охотники стреляли на выбор. После выстрела увлекшиеся любовной игрой птицы обычно не улетали, и охота на дупелиных токах продолжалась до рассвета.

Первый и единственный раз в моей охотничьей жизни на дупелиный ток меня водил отец. В те времена мы жили в Смоленской губернии, среди прекрасных охотничьих угодий, и мои детские впечатления тесно связались с природой.

Не могу забыть окружавшего наше жилище леса, кишевших рыбой прудов, хозяйского теплого дома с бревенчатыми стенами, от которых пахло смолой. В этих стенах, в окружавшем дом глухом лесу проходило мое детство. До сего времени волнуют меня воспоминания о первых охотах, на всю жизнь закрепивших горячую страсть.

Хозяин отца, богатый калужский купец и лесопромышленник Козлов, был тоже зрелый охотник. Охотничьи-

ми богатствами славились скупленные им лесные имения, находившиеся под управлением отца.

В одном из этих имений, носившем название Мой Удел (на реке Осьме под городом Дорогобужем), был дупелиный ток. Приглашая отца на службу, хозяин-богач ему говорил:

— Можешь что угодно в имениях моих делать. Доверяю тебе все мое имущество бесконтрольно, на полную веру. Одно настрою запрещаю: не смей охотиться на моем дупелином току и никого на ток не пускай. Ток этот у меня заповедный. Если нарушишь приказ — не гневайся, прогоню. . .

Долгое время отец беспрекословно выполнял строгий хозяйский наказ. Но нетерпеливо сердце охотника. Однажды отец не выдержал — уж очень манила его редкостная охота.

Помню, я очень просился взять меня на дупелиный ток, и, по мягкости характера, отец уступил моим настойчивым просьбам. По весенней, еще не просохшей дороге мы ехали на беговых дрожках. Уже и в те времена мало оставалось таких богатых охотой мест. Это было еще не тронутое царство охоты. Множество уток, гусей и другой дичи пролетало над нашими головами. Мы слушали пение птиц, музыкальное журчание весенних ручейков, бесчисленные звуки наполняли окружающий нас сияющий и счастливый мир.

Ночью мы сидели в шалаше, накрытом камышом и осокой. Хорошо помню впечатление, которое произвела на меня эта первая в моей жизни охотничья ночевка. Мы провели вечернюю и утреннюю зори на дупелином току. Всю ночь мы слушали пробуждавшиеся весенние голоса. В щели шалаша был виден ток. Маленькие птички, важно распутив хвосты, шныряли вокруг шалаша, высоко подпрыгивали, дрались. Иногда

они скрывались в высокой прошлогодней траве, и казалось, что вся трава шевелилась. Случалось, токующие дупеля подбегали к самому шалашу. Я близко видел их длинные клювы, грозно распушенные крылья. Сколько смешной важности было в их быстрых воинственных движениях! То и дело они схватывались, дрались и вновь разбегались. Мы любовались на них, как бы сидя в сказочном театре. Солнце уже восходило, но все жарче и страстнее разгорался удивительный дупелиный ток!

Множество голосов наполняло окружавшее нас озаренное утренним солнцем пространство. На опушке леса пели тетерева, крикали над рекой и озерами утки, страстно хрипели, проносясь в воздухе, дикие селезни. Чудесный, сказочный, звонкий окружал нас мир...

Отец не вытерпел, выстрелил. Два подстреленных дупеля затрепыхались в мокрой траве. Густой пороховой дым слоями растекся над токовищем. Мы долго не выходили из шалаша. Даже после выстрела дупелиный ток продолжался.

Солнце поднялось над лесом и над извилистой, скрытой рекой. Над заливными лугами, как недвижимое волшебное озеро, разливался золотистый туман. Бесчисленные бекасы — «баранчики», падая и взлетая, токовали над нашими головами...

Воспоминание о дупелином токе и сказочном весеннем утре осталось на всю жизнь. Уже никогда больше не удавалось мне побывать на такой редкостной охоте. Довольные и счастливые, возвращались мы домой.

Охота на заповедном хозяйском току не прошла отцу даром. О преступлении отца Козлову сообщил служивший в имении чахоточный конторщик-доносчик. Вскоро отец получил из Калуги письмо, в котором богатый хозяин Козлов сообщал, что не находит воз-

можным оставлять отца на службе. К письму было приложено подтверждение, что отец оставляет службу «по собственному желанию».

Так печально закончилась наша охота на запрещенном дупелином току. Скоро на место отца прибыл новый управляющий, сухой маленький человек, совсем не интересовавшийся охотой.

Потеря службы была, разумеется, большой неприятностью. Но все же воспоминание о дупелином току, о чудесном утре на реке Осьме осталось на всю долгую жизнь.

ЛОВЧИЕ ПТИЦЫ

Из всех охот на земле самой древней охотой была, пожалуй, охота с ловчими птицами — соколами, орлами и ястребами. Еще в далекие, уже незапамятные времена азиатские деспоты-владыки держали большие соколиные охоты. Сохранились сказания о том, как древний владыка с многочисленной свитой выезжал на охоту на разукрашенном слоне. Его окружали любимцы охотники-соколятники. Такая охота сопровождалась громким шумом, криками, трубными звуками, барабанным боем. Объезжая обильные всяческой дичью места, соко-

лятники выпускали обученных ловчих птиц. Лучших кречетов выпускал сидевший на слоне владыка. Обученные ловчие птицы кидались на испуганных шумом и криками диких птиц и зверей.

Соколиные охоты существовали и у нас на Руси. Отец Петра I, царь Алексей Михайлович, держал в Москве большую соколиную охоту. От тех времен сохранились названия некоторых подмосковных мест. Сокольниками называют москвичи сосновый подгородный бор. Страстный любитель соколиной охоты царь Алексей Михайлович сам написал книгу об охоте и воспитании ловчих птиц. Особенно ценились в те времена белые кречеты-альбиносы, неизменно попадавшие в царскую охоту. Воспитанием ловчих птиц занимались опытные люди, которых называли сокольничьими. Они носили особые, сшитые из алого сукна, кафтаны. На груди и на спине кафтанов были вышиты белые соколы. Почетное звание сокольничьих сохранялось долгое время. Царские шумные охоты устраивались поздним летом, когда подрастала дичь. Обученные ловчие птицы догоняли мелких зверей, убивали в воздухе уток и тетеревов. К потехе знатных охотников стрелою падал сокол на стаю летящих над рекою или болотом птиц. Кувыркаясь в воздухе, роняя перья, падала на воду или на землю сшибленная соколом добыча. Охота с ловчими птицами была большим праздником. После такой охоты устраивались большие царские пиры, на которых подавались различные, ныне забытые блюда. Гости пили из чаш шипучий мед и вино, шумно беседовали о недавней охоте.

Соколиной охотой занимались в те времена и мелкие люди — владельцы поместий. Воспитанием ловчих птиц заведовали опытные люди. Они находили гнезда хищных птиц, отлавливали подраставших слётков-птенцов, тер-

пеливо их приручали. Обучение ловчих птиц требует большого терпения и знания повадок. Пойманных молодых хищных птиц долго морили голодом, не давали им спать, пока они не возьмут корм из рук своего хозяина. После этого вольные птицы становились рабами хозяина-человека. Держа на привязи, их учили ловить и убивать голубей, натравливали на чучела зверей, глазные впадины которых набивали мясом. Чучело зверя, зайца или лисицы волочила по земле лошадь. Голодный сокол кидался на добычу, выклевывал спрятанное в глазницах мясо. Впоследствии обученный сокол так же кидался на живых зверей, выклевывал им глаза, а подскакивавшие на лошадях охотники подбирали добычу. Не все обучаемые ловчие птицы были одинаково способны к охоте. Лучших птиц отбирали в царскую охоту.

Богатые и шумные охоты с ловчими птицами давно забыты. Но и теперь в некоторых местах нашей страны сохранились отдельные любители ловчих птиц. Такую охоту с небольшими ястребами-перепелятниками довелось мне некогда наблюдать на перепелиных высыпках в обширной, еще не застроенной Адлерской долине на берегу Черного моря. Я ходил там на охоту с молодым местным охотником, державшим у себя ловчих ястребков. Таких ястребков перед осенним пролетом перепелов ловили охотники в сети на приманку, которой служила живая, привязанная к колышку птичка. Ястребки-перепелятники быстро привыкают к своему хозяину, который их кормит и обучает несложной охоте.

Обычно охотник с ястребом берет с собой легавую собаку. Он выпускает ястреба, когда из-под стойки собаки вылетает и низко летит над травой жирный перепел. Выпущенный ястреб гонится за перепелом, который, спасаясь, прячется в высокую траву. Чтобы найти в

густой траве ястреба и его добычу, к груди ловчей птицы привязывают колокольчик или бубенчик. Охотник все утро ходит по знакомым местам, вешая пойманную добычу себе на пояс. Чтобы поддержать у голодного ястреба охотничью страсть, охотник иногда угощает его мозгом пойманной птицы.

Более интересную охоту с ловчими птицами я наблюдал в высоких горах Тянь-Шаня. Там и до сих пор живут охотники-беркутчи, державшие у себя огромных ловчих птиц — беркутов. Гнездятся беркуты на почти неприступных скалах. Всякий день они вылетают с гнезда за добычей. Нужен зоркий, опытный глаз, чтобы выследить, где и в каком месте находится гнездо беркута. Не всякий человек решится взбираться на высокие отвесные скалы, разыскивать орлиные гнезда. Этим обычно занимаются местные жители — киргизы. Поймав беркутаслётка, они принимают за его воспитание. Грозную птицу долго не кормят и не поят, не дают ей спать. Не спит и сам хозяин, которому посчастливилось поймать беркута. На засыпающую птицу он брызгает изо рта водой. Нужно добиться, чтобы гордый орел взял из рук человека кусок мяса. С этого начинается полное подчинение грозного орла человеку. У любителей охоты с беркутами орлы живут вместе с людьми в их доме по многу лет.

На берегу озера Иссык-Куль мне довелось гостить у охотника-беркутчи. Угол его дома был завален шкурами лисиц и волков, пойманных ловчею птицей. Сама птица, привязанная цепочкой, сидела на деревянном столбике, вкопанном в земляной пол посередине комнаты. Ее кормили мясом зайца и бараниной. Раза два или три мы выезжали в степь на охоту. Обычно на такую охоту собирается несколько человек. Верхом на лошадях они цепью едут по заросшей высокой травой степи. Ловчие

птицы сидят на левой руке хозяина, на которую надета сшитая из сыромятной толстой кожи длинная, до плеча перчатка. Чтобы выдержать тяжесть большой птицы, рука беркутчи опирается на деревянную подставку, вставленную в луку седла. На голову беркута надета кожаная шапочка, закрывающая глаза. Когда из-под ног лошади выскакивает заяц, лисица или волк — хозяин беркута снимает с головы птицы шапочку. Взмахнув могучими крыльями, беркут взлетает и, поднявшись в воздух, бросается на добычу. С мелким зверем беркут расправляется быстро. На голову крупного волка он бросается с высоты, крепко сжимает когтями морду и затылок, выклеывает волку глаза. К беркуту и его добыче подскакивают на лошадях охотники, добывают волка.

Самое замечательное, что сильный и грозный орел покорно подчиняется своему хозяину-человеку. Взвившись высоко в воздух, паря в поднебесье, он покорно спускается на руку человека, когда хозяин, вынув из голенища сапога вáвило — заячью кость с остатком присохшего мяса, помахает этой костью над своей головой. Орел кругами спускается все ниже и ниже, покорно садится на свое место, а хозяин надевает ему на голову кожаный колпачок.

Судя по количеству кож, которые были сложены в доме приютившего меня охотника-беркутчи, можно было понять, как обильна была его охота с беркутом. Любуясь беркутом, восседавшим посреди хижины своего хозяина на деревянном пеньке, я обратил внимание, что вокруг деревянного столбика был обтопан правильный круг. Круг этот равнялся длине цепи, за которую был привязан беркут. Домашние кошки никогда не вступали в этот смертный круг, хорошо зная, чем кончится для них такая неосторожность.

Кто из охотников не испытал этого радостного чувства! Утром проснешься — особенный, мягкий видится в окнах свет.

Выпала пороша!

Еще в детстве незабываемо радовались мы первому снегу. Выбежишь, бывало, на поле за ворота — такая засверкает, заблестит вокруг ослепительная белизна! Праздничной скатертью покрыты поля, дороги, отлогие берега реки. На белой пелене снегов отчетливо рисуются лесные опушки. Белые пушистые шапки висят на деревьях. Особенными, чистыми кажутся звуки, дальние голоса. Выйдешь в открытое поле — больно глазам от снежной сверкающей белизны. Заячьими, лисьими, птичьими следами расписана белая скатерть снегов. Ночью на озимях кормились, «жировали» зайцы-русак. Во многих местах почти до самой земли вытоптан снег, под обледеленою коркою видна свежая зелень. Неторопливо топтался по озими ночью русак. Раскидывая по следу круглые орешки помета, он то и дело присаживался, насторожив уши, чутко прислушивался к ночной тишине, к ночным дальним звукам.

Даже опытному охотнику трудно разбираться в путаной грамоте ночных следов. Чтобы не тратить время, он проходит кромкою озимого поля. Здесь, у лесной

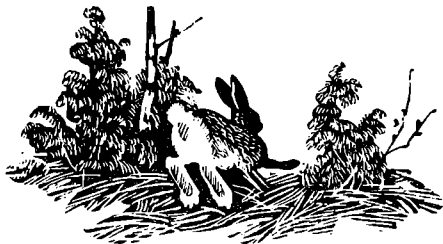
опушки, по склону оврага, длинною строчкой тянется опрятный лисий след. На заросшей можжевельными кустами, окруженной березами поляне бродят тетерева. Крошки пушистого чистого снега рассыпаны вдоль перекрещенных цепочек их свежих следов. С шумом взлетели тяжелые птицы и, роняя с ветвей снежные рассыпчатые шапки, торопливо рассаживаются на дальних голых березах...

Уходя на лежку, заяц-русак хитрит, петляет, сдвигает и страивает следы, делает хитрые сметки. Опытный охотник зорко приглядывается к местности, к заячьим петлям и сметкам, к запорошенным снегом кустам и лесной опушке. Приметливый охотник почти безошибочно угадывает место, где залег, прячется русак. Из своей скрытой лежки, прижав к спине длинные уши, заяц следит за движениями человека. Чтобы не испортить дело, охотнику не следует идти прямо на лежку, а нужно проходить стороною и зорко в оба смотреть. Нередко бывает так, что заяц незаметно «спорхнет» со своей лежки, и по простывшему «гонному» следу незадачливый охотник догадается, что хитрый заяц его надул, ушел из-под самого носа.

Тропление зайцев по свежей мягкой пороше я всегда считал самой интересной зимней охотой, требующей от охотника выдержки, большой наблюдательности и терпения. Нетерпеливым, суетливым и жадным охотникам лучше не браться за такую охоту. Подобная любительская охота редко бывает добычливой — иной раз приходится долго ходить, чтобы вытروпить и застрелить зайца. Да и мало осталось теперь добычливых мест, где сохранилось много непуганых русаков. Для настоящего, то есть не жадного и не суетливого охотника охота по первым зимним порошам доставляет много наслаждения. Чудесен зимний день, легка и чиста пороша, на которой

отчетливо отпечатаны следы птиц и зверей, прозрачен и свеж зимний воздух. Можно долго бродить по полям и лесным опушкам, разбираясь в мудреной грамоте ночных следов. Если неудачной окажется охота и без всякой добычи вернется домой усталый охотник, все же радостным, светлым останется в его памяти незабываемый день зимней пороши.

ЗАЯЦ

Это было много лет назад. Ранним утром я возвращался с дальнего глухарьего тока. С трудом перебравшись через горелое топкое болото, я выбрал удобное место, присел отдохнуть у большого зеленого пня, очень похожего на мягкое кресло.

В лесу было тихо, солнце взошло. Я раскурил трубочку и, развалившись у пня, положив на колени ружье, стал прислушиваться к звукам. Было слышно, как шумят на болоте журавли, токуют в позолоченном небе бекасы. Где-то поблизости прогремел и засвистел рябчик.

Весной я никогда не стрелял рябчиков, но с костяным старым пищиком из пожелтевшей заячьей кости никогда не расставался. Мне нравилось пересвистываться

с рябчиками, близко смотреть на подлетающих на свист задорных петушков, с распушенными крылышками и хвостами шустро бегавших по колодам и кочкам почти у моих ног.

Покуривая трубочку, пересвистываясь с подлетавшим рябчиком, я вдруг увидел за стволами деревьев тихо ковылявшего прямо на меня зайца-беляка. Усталый, он возвращался на лежку после веселых ночных походов. Коротенькими прыжками он тихо ковылял по моховым рыжеватым кочкам. На его мокрых ляжках смешно болтались клочки вылинявших зимних порточков.

Я сидел не двигаясь, не шевеля пальцем, сливаясь с высоким зеленым пнем. Когда заяц подбежал совсем близко, почти в колени, я немного пошевелился и тихо сказал:

— Ага, попался, Косой!

Боже мой, что стало с зайцем, как подхватился он, как замелькали между кочками его порточки, коротенький хвостик! Громко смеясь, я крикнул зайцу вдогонку:

— Улепетывай, Косой, поскорее!

У каждого охотника в запасе много воспоминаний о неожиданных встречах и происшествиях в лесу. Обычно такие охотники рассказывают о своих удачных выстрелах, о застреленной и добытой дичи, о работе умных собак. На охотничьем долгом веку я много перестрелял крупной и мелкой дичи, не раз охотился на волков и медведей, но — странное дело — простая встреча с забулдыгой-зайчишкой запомнилась больше, чем самые удачные и добычливые охоты.

Я как бы и теперь вижу лес, тихое утро, слышу свист рябчиков, отчетливо вижу зайчишку-беляка, мокрые его порточки.

Улепетывай, брат Косой, на доброе здоровье!

У всякого старого ружейного охотника непременно сохранились воспоминания о любимых охотничьих собаках. Помню, отец мне рассказывал о своей любимой собаке по кличке Жулик. Это был породистый умный черный пойнтер. Отец ходил с ним на охоту в богатых дичью местах, а Жулик ему был верным помощником. Жулик умел апортировать, приносить в руки отца убитую дичь. Он обладал редким качеством анонса — умением находить дичь и докладывать отцу о найденных выводках тетеревов и куропаток. Я играл с Жуликом в лесной конторе хозяина отца, и Жулик хорошо понимал мои детские шутки. Позже у отца был другой пес, старый английский сеттер Спорт, которого отцу подарил его богатый хозяин. Спорт спал в кухне возле большой русской печи, где обычно ставили самовар. Когда самовар поспевал, начинал шумно кипеть, Спорт срывался со своей постели, бежал сообщать о скипевшем самоваре. Никто не учил его этому, умный пес сам догадывался помогать в доме хозяйкам.

Все, кому приходилось иметь дело с охотничьими или сторожевыми собаками, знают хорошо, как различны и непохожи эти собаки. Есть собаки умные и глупые, талантливые и бесталанные, есть собаки, охота с кото-

рыми доставляет огромное удовольствие, и есть собаки неудачные, раздражающие своего хозяина тупым непониманием, отсутствием чутья и смекалки.

За долгую мою охотничью жизнь было у меня много собак. В двадцатых годах, живя на смоленской моей родине, в местах, обильных боровой, болотной и водяной дичью, я много и успешно охотился. Очень породистых собак у меня тогда не было, но у всех собак был большой охотничий опыт. Из гончих собак особенно памятен мне Ерошка. Это был сильный кобель неопределенной породы с отрубленным хвостом и хитрыми глазами. Его я купил за пуд хлеба у знакомого охотника-мужика. Отличался Ерошка строптивым нравом, лукавою хитростью. В те времена на смоленщине водилось много зайцев, русаков и беляков. Выходя на охоту с Ерошкой, я не торопился. Ерошка знал сам места, где ложатся зайцы-русаки. Приготовив ружье, я останавливался, спокойно ждал. Гон у Ерошки был глухой и негромкий. Как у многих собак, у Ерошки были свои причуды и недостатки. Не раз хитрый Ерошка в молчанку ловил зайца на лежке и тут же с ним расправлялся. Иду, бывало, по белой снежной дороге — и вдруг близко услышу жалобный крик русака, очень похожий на крик малого ребенка. Это расправился с пойманным зайцем мой Ерошка. Задушив русака, зароет его в снег и является ко мне с докладом, крутя обрубок короткого хвоста. По лукавым глазам Ерошки я догадывался о его хитрой проделке.

Помню, как-то Ерошка поднял и гнал по пороше зайца. Заяц прошел от меня далеко, я выстрелил, и раненый заяц убежал. Почувяв на снегу кровь, Ерошка прекратил гонный лай и скрылся с моих глаз, преследуя раненого русака. Деревенский приятель мой, Вася Бадеев, ходивший со мной на охоту, о Ерошкиной хитрости

догадался. Мы вместе пошли по Ерошкиному следу. На снегу краснели капельки крови. Ерошка скоро нас встретил и, улыбаясь, оскаливая зубы, доложил: «Ничего не знаю, ничего не видел...» Мы пошли дальше по следу и увидели место, где Ерошка поймал раненого русака и заячий след пропал. Следы Ерошки отчетливо были видны в снегу. По тоненьким черточкам на снегу мы догадались, что Ерошка нес пойманного зайца в зубах. Мы нашли место, где Ерошка зарыл зайца в снег, чтобы потом незаметно им пообедать.

Ерошка умел разыскивать кладовые лисиц. Возьмет, бывало, ночной лисий след и бежит по нему молча. Известно, лисица в один прием не может съесть пойманного ею зайца. Оставшееся мясо она зарывает в снег. Ерошка умел разыскивать такие кладовые лисиц и доделал спрятанное лисичкой мясо.

Больше всего я охотился с легавыми собаками по птицам. Жили у меня собаки сеттера и пойнтера. С ними я много исходил по полям и лесам нашей страны. Из легавых собак особенно памятен мне английский сеттер Понто. Эту награжденную многими золотыми медалями немолодую охотничью собаку мне подарил ленинградский старый охотник. Он привез ее ко мне в Гатчину, просил принять в подарок с единственным условием — иногда навещать Понтика и вместе со мною ходить на охоту. Понтик оказался хорошо натасканной, умной и очень вежливой собакой. Хорошо помню, как первый раз взял его на охоту. Сойдя с поезда, мы вышли на знакомый мне луг, поросший можжевельными кустами. Здесь держались старые вылинявшие косачи и молодые выводки. В высокой, еще не скошенной траве Понтик прихватил след старого косача. Оглядываясь, как бы проверяя мой опыт и умение, припадая к земле, повел он меня по длинному следу, тянувшемуся между можжевельных кустов.

Не доходя до большого куста, он вдруг остановился, оглянулся, взглянул на меня и неожиданно стал делать широкий круг. Признаться, я не сразу понял хитрый охотничий прием умного Понтика. Зайдя с другой стороны куста, он выгнал на меня старого косача, которого я удачно застрелил. Понтик обрадовался добыче и подал ее мне в руки.

Понтик был очень веселая и очень умная собака. Я много с ним охотился, и на охоте он иногда любил надо мной подшутить. Застрелю, бывало, тетерева. К убитой птице подбежит Понтик, осторожно возьмет ее в зубы и меня поджидает. Стоит мне приблизиться, лукаво взглянув, Понтик на несколько десятков шагов отбежит, держа в зубах застреленную птицу. Такую шутку он повторял несколько раз, потом весело ко мне возвращался и по всем охотничьим правилам подавал в руки добычу.

Понтик прожил у меня до своей смерти. Его очень любили мои маленькие дети, с которыми он умел весело и забавно играть. Под старость он стал слабеть и плохо видел. В те времена мы жили в Гатчине, в небольшом, но очень уютном домике. Спал Понтик в моей комнате в старинном ветхом кресле и радостно приветствовал меня, когда я возвращался домой.

Однажды у меня собрались гости. Мы долго сидели, пили чай и вели разговоры. Когда разошлись гости, я увидел пустое кресло. Понтик ушел из дому незаметно. Я искал его в садике, ходил по городским улицам, расспрашивал прохожих, но никто не видел исчезнувшего Понтика... Я знал хорошо, что собаки тоже, как многие другие животные, чувствуя приближение смерти, уходят незаметно из дома. Свою смерть они целомудренно скрывают. Уже через несколько дней мне кто-то сказал, что Понтика видели далеко за городом на краю

кладбища. Он ушел в лес и скрытно там умер. Я не раз слышал о том, как уходят умирать из дому охотничьи и дворовые старые собаки. У племянника моего долго жил гончий пес Кларнет. Ранней весною он вышел из своей конуры, стал переходить по льду Волгу, по-видимому желая перебраться на другой берег в густой темный лес. Эту уходившую из дому умирать старую собаку люди видели на оторвавшейся льдине, которая уносила ее вниз по Волге.

Кроме английских сеттеров, которых я особенно любил за их приветливый, ласковый нрав, жили у меня короткошерстные пойнтеры. Хорошо помню чудаковатого пегого пойнтера Фрама. Прежний хозяин его научил Фрама всяческим забавным проделкам. Собираясь гулять, он в зубах приносил свой поводок. С Фрамом очень любили играть мои дочери. Он хорошо понимал шутки и охотно участвовал в детских веселых играх. Дети клали ему на нос кусочек сахара. По приказанию он ловко подбрасывал и ловил ртом сахар. Иногда он начинал гоняться за кончиком своего хвоста, волчком кружился по комнате. Подойдя к дождевой луже, он шлепал по воде лапой и ловил ртом пузыри. Эта смешная забава Фрама очень нравилась детям. Фрам очень любил купаться. Стоило подойти к реке или к лесному озерку, как он начинал плавать, и было трудно выманить его на берег.

Он хорошо вел себя на охоте, умел апортировать. Выйдя на поле, где держались выводки серых куропаток, я спокойно садился на пенек или на камень и закуривал трубочку, посылал Фрама разыскивать куропаток. Иногда он скрывался надолго и показывался вновь, всем видом своим приглашая меня следовать за ним. Я поднимался с места, выколачивал трубку, снимал ружье и, не торопясь, шел за Фрамом. Пока я не прибли-

жался на верный выстрел, Фрам не поднимал затаившихся куропаток. Он аккуратно приносил в зубах застреленную дичь и подавал ее в руки.

О любимой моей собаке — английском сеттере Ринке-Малинке — мне уже приходилось писать. В тяжелые годы войны я не расставался с любимицей Ринкой. В Новгородской области мы провели голодную зиму. Вместе со мною она побывала в лесном Приуралье.

Мы охотились в приуральских богатых дичью местах, летали на маленьких самолетах лесной авиации. Помню, как, положив красивую голову мне на колено, сидит она в тесной кабине самолета, как бродим мы с нею по прикамским поемным зарослям и лугам. Уже после войны Ринке-Малинке была присуждена самая высокая для собак награда. В Ленинграде за красоту и полевую работу она получила звание чемпиона, имела много ценных наград.

Последней охотничьей собакой у меня был сын Ринки-Малинки, которого мы назвали Фомкой. Это был веселый и добродушный крупный пес, не обладавший талантами матери.

Теперь я уже не охочусь и не держу охотничьих собак, но воспоминания о четвероногих моих друзьях неизменно доставляют мне удовольствие. Я хорошо помню собак, с которыми мне приходилось охотиться.

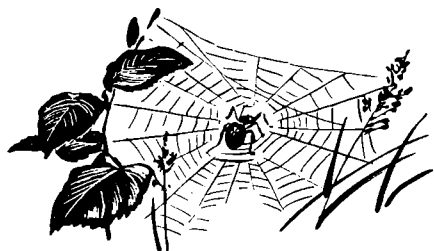
Особенно нравились мне охотничьи русские лайки. Из всех собак это, пожалуй, самые умные и попятливые собаки. С лайками охотился я на медведей и на глухарей, знавал на севере лаек-бельчатниц, чуткое ухо которых за многие сотни шагов ловило тихий лесной звук. Они были добрыми и умными друзьями своих хозяев-охотников. Знавал я северных ездовых лаек, собак, на которых на дальнем севере нашем в зимнее время люди совершают далекие путешествия.

Однажды на Новой Земле в Маточкином Шаре в бурную ветреную погоду я задумал высадиться на берег, где стояло промысловое становище охотников и рыбаков-ненцев. Спущенная с ледакола шлюпка подплыла к отлогому, покрытому галькой берегу, на который накатывали высокие морские волны. Я успел соскочить с носа шлюпки, а шлюпку с людьми отнесло в море отхлынувшей волной. Я стоял один на голом берегу и увидел, как от становища ко мне с лаем мчится большая стая собак. Признаться, мне стало немножечко страшно. Собаки бежали ко мне с громким лаем, их было несколько десятков. Спрятаться и убежать было некуда. Я стоял неподвижно. Первая подбежавшая собака бросилась на меня... и стала ласково облизывать мое лицо и руки, выражая свою радость. Другая собака ухватила ее за ухо, оттащила и стала ласкаться ко мне. Незнакомые, никогда не выдавшие меня собаки приветствовали появление нового гостя. Так поступали они с каждым человеком.

Теперь уже вымерли многие породы охотничьих собак, выродились, почти исчезли породы борзых, с которыми в старину устраивались шумные псовые охоты. Мало осталось чистых пород гончих. Исчезли некоторые породы служебных собак. Уже не увидишь добродушных, крупных сенбернаров, спасавших некогда в альпийских снежных горах заблудившихся путников. Нет и многих других пород, верой и правдой служивших хозяину своему — человеку. Модными стали лишенные охотничьего таланта немецкие овчарки.

Сознаюсь, я не любил и никогда не держал у себя немецких злых овчарок. Не очень люблю я и комнатных маленьких собачонок, которых частенько держат у себя недобрые старые дамы. Маленькие собачонки эти нередко злобно кусаются. Есть среди них и умные охот-

ничьи маленькие собаки, с которыми можно ходить на охоту, по птице и зверю. Но все беднее и беднее становится охота, мало осталось дичи в лесах и полях, и настоящему любителю охоты с собакой не всегда удастся полюбоваться работой умной и вежливой собаки.

ПАУКИ

Однажды летом я собрал у нашего домика небольшой букет полевых цветов — колокольчиков, лютиков, ромашек и простой серенькой кашки. Букет я поставил на письменный стол. Из букета выполз крошечный лазоревый паучок, очень похожий на живой драгоценный камешек. Паучок переползал с цветка на цветок, и я долго им любовался. Он то нерешительно спускался до самого стола на своей невидимой паутинке, то, как бы испугавшись, быстро поднимался. Я подставил ладонь, и, коснувшись ее, паучок тесно поджал лапки, притворился мертвым, совсем стал похож на кругленький драгоценный камешек, катавшийся по моей ладони. Я посадил его на букет цветов и скоро забыл о лазоревом паучке.

Я продолжал заниматься своими делами. Букетик полевых цветов на моем столе завял. Пришлось сменить его свежими цветами.

Крошечный паучок, оказалось, остался жить в моей бревенчатой комнате. Сидя за работой, я увидел однажды, как над моим письменным столом на тоненькой-тоненькой невидимой паутинке, перебирая зеленоватыми ножками, спускается с потолка знакомый лазоревый паучок. Он то поднимался, как искусный акробат, на своей невидимой паутинке, то быстро спускался, покачиваясь над моей рукописью. С тех пор я часто видел в моей комнате лазоревого паучка. Он спускался над моим столом, и я говорил ему:

— Здравствуй, дружище, доброе утро!

Я всегда с любопытством наблюдал пауков: мне нравились эти лесные трудолюбивые охотники-мастера. Идешь, бывало, в ранний час тихого летнего утра в лес на охоту и остановишься: такая чудесная развешана на зеленых ветвях, на стебельках высоких трав, тончайшая сеть паутины — вся в алмазных сверкающих капельках утренней росы. Долго любишь на чудесное тонкое кружево, сотканное искусным мастером-пауком. Сам мастер-паук сидит в центре своей сети, терпеливо, как настоящий охотник-рыболов, ждет — когда попадет в его сеть добыча: визгливый комар или кусачая злая муха. Быстро кидается он на добычу, опутывает, связывает ее своей паутиной.

Уже много лет назад я жил в глухой смоленской деревне, среди больших лесов, хорошо знакомых мне с детства. Тогда я очень много охотился, был крепок и здоров, любил проводить ночи в лесу у охотничьего костра. Я прислушивался к голосам птиц и зверей, хорошо знал места, где водилось множество дичи — лесной и болотной. Летом и зимою охотился на волков, обитавших в глухих непролазных болотах. Весною ходил на тетеревиные и глухариные тока, тропил зимой по пороше зайцев.

Бродя с ружьем по лесам, я внимательно присматривался к лесной таинственной жизни, мало знакомой городским неопытным людям. Каждое утро я видел, как восходит над лесом солнце, слушал, как дружным хором приветствуют восход счастливые птицы. Ночами я смотрел на высокое звездное небо, слушал чудесную тихую музыку раннего рассвета.

В лесу я иногда собирал диковинные корешки, похожие на сказочных птиц и зверей, вместе с охотничьей добычей клал их в свою сумку. Стены моей маленькой деревенской комнаты были обиты внутри еловой корою, очень похожей на дорогую тисненую кожу. На стенах висели мои ружья, охотничьи принадлежности, диковинные лесные находки, красивые и опрятные птичьи гнезда.

Поздним летом, выходя каждый день на охоту, я клал в карманы порожние спичечные коробки. В эти коробки я собирал в лесу понравившихся мне самых искусных мастеров-пауков. Вернувшись с охоты, я выпускал их в моей комнате. Пауки быстро разбегались по углам. Иные из них оставались у меня жить, иные куда-то уходили. На потолке и в углах комнаты висела чудесная свежая серебряная паутина. Ходившие ко мне гости дивились моему жилищу, разводили руками. Маленькая моя комната была похожа на лесной музей, на лесную сказочную избушку. Пыльной, запущенной паутины у меня, разумеется, не было. Мои жильцы-пауки старательно охотились на грязных мух, на надоедливых комаров. Я мог спокойно работать, спокойно спать: друзья пауки меня охраняли.

О пауках можно рассказать многое. Есть пауки — мастера и охотники. Есть пауки — быстроногие бегуны. Есть крошечные паучки-летчики, которые летают по воздуху на длинных, выпущенных из брюшка паутинках: как на-

стоящие парашютисты и планеристы, они пролетают большие пространства, перелетают широкие реки. Есть пауки-водолазы. Эти пауки спускаются под воду на дно неглубоких лесных ручейков. Вместо скафандра они уносят на своем брюшке большой пузырь воздуха, которым дышат под водою. В жарких странах водятся и злые, ядовитые пауки, укус которых бывает иногда смертелен.

Пауки очень верно предсказывают погоду. Пойдешь, бывало, за грибами — длинная вязкая паутина липнет к лицу, к рукам. Это значит — надолго установилась ясная, хорошая погода. В конце лета еще нескошеннные луга бывают сплошь покрыты тончайшей сеткой паутины. Здесь трудилась бесчисленная армия маленьких паучков.

Как-то ранней осенью мне пришлось плыть на пароходе по нижней Волге. Берега были раскрашены осенним цветным узором. Помню, ранним утром я вышел на палубу и ахнул от удивления. Над недвижной поверхностью Волги плыла и плыла освещенная восходящим над Волгою солнцем легкая паутина. Легкой, золотистой, как бы сотканной из воздуха паутиной был облеплен весь пароход: белые палубные стойки, деревянные поручни, решетки, скамейки. Пассажиры еще не проснулись, и, стоя на палубе парохода, я один любовался сказочным зрелищем плывущей над Волгой, освещенной утренним солнцем паутины.

Многие люди, особенно женщины, боятся и не любят пауков. Они громко вскрикивают, если паук проползет по платью или голой руке, широко раскрывают глаза, машут руками. Старые богомольные бабушки, помню, говорили нам в детстве так:

— Убьешь паука-крестовика — сорок грехов простится!

Пауками всегда называют жестоких, злых, жадных

людей. Сравнение недобрых людей с трудолюбивыми чистоплотными мастерами и охотниками, искусно плетущими свои красивые сети, несправедливо.

Молодые друзья! Если увидите в лесу развешанную пауком сеть-паутину — не обрывайте ее. Хорошенько полюбуйтесь, как умно и старательно развешивает свои сети трудолюбивый охотник-паук и кое-чему у него почитесь.

У ОЗЕРА КАРАБОЖА (Памяти В. В. Бианки)

С детским писателем Виталием Валентиновичем Бианки меня связывали долголетнее знакомство и дружба. Семьи наши нередко встречались. В те годы я много путешествовал и охотился. Виталий Валентинович настойчиво приглашал меня побывать в знакомых ему местах на севере Новгородской области. В письмах своих он соблазнительно описывал прелести тамошней природы и охоты.

В тридцатых годах с моими друзьями — известными охотниками Н. А. Зворыкиным и В. А. Митрофановым — я побывал в гостях у Бианки. Весною на реке Удине мы охотились на уток с подсадными, на тетеревиных токах,

стояли на вальдшнепиной тяге. Совершали прогулки по окружным местам. Часто сиживали в небольшой рабочей комнате Виталия Валентиновича, из окна которой открывался широкий вид на холмы, леса и перелески обширного Черного болота, богатого всяческой дичью. Здесь мы вели задушевные беседы, шутили, пили чай у кипевшего самовара.

В те же годы, соблазненный красотой и богатством природы, вместе с семьей, ружьем и охотничьей собакой я приехал в уже знакомые мне места. Хорошо помню долгую, покрытую бревенчатой гатью дорогу со станции Хвойной, сосновый болотистый лес, за которым открывались холмистые просторы валдайских отрогов, высокий, заросший соснами жальник-курган у самой дороги на берегу тихой реки. Помню деревню с развесистыми рябинами под окнами невысоких домов, крутые заросшие лесом песчаные холмы, а дальше — зеленую пойму реки Удины, небольшую деревню Михеево, в крайнем доме которой жила семья Бианки.

Мне полюбились нетронутые охотничьи уголья, чудесная красота мест. В маленькой деревеньке Тумашеве на берегу озера с древним славянским названием Карабожа мы счастливо прожили два лета. Навсегда запомнились это чудесное озеро, песчаные чистые берега, глубокие заросшие заводи, кишевшие рыбой. Над озером простирались холмистые, усеянные валунами поля, зеленели березовые перелески, темнел далекий бор. У самого берега озера выбивался из земли холодный ключ с прозрачной и чистейшей водою. Все здесь напоминало новгородскую древнюю Русь: древние жальники-курганы, светлая гладь озера, отражавшая летние, высокие облака, старинная деревянная часовенка на берегу лесного озера, проселочные, заросшие муравой дороги. Недаром в эти места, на родину известного самородка петровских

времен Посошкова, приезжал некогда писать свои этюды знаменитый художник Рерих, изображавший древнюю русскую старину.

Было что-то старинное и в самих жителях этих дальних мест, в их неторопливом говоре, обычаях и привычках. Всякое утро, просыпаясь на рассвете, слышал я доносившиеся с озера знакомые звуки. Это стучал о борт долбленого челна мой новый приятель старик рыбак, загонявший рыбу в расставленную сеть. Кто знает — быть может, такие же звуки раздавались над гладью туманного озера тысячу лет назад, такие же долбленые легкие челны были и у древних новгородских рыбаков?.. О давней старине напоминали названия рек и глухих лесных озер и озерок, возле которых водилось великое множество непуганой лесной и болотной дичи.

С Виталием Валентиновичем встречались мы почти ежедневно. Чудесны были летние дни и звездные ночи, росистые утренние рассветы. Мы много охотились в нетронутых наезжими городскими охотниками местах, ставили на озере сети, в тихие летние ночи вместе с нашими семьями ловили кружками раков в речке Удине, грелись у ярко полыхавшего костра. Помню лесную и луговую тропинку, по которой мы ходили в гости друг к другу. Теплыми летними ночами возле этой тропинки светились в высокой траве зеленоватые огоньки бесчисленных светлячков. Отчетливо запомнился табор цыган, стоявший у брода на берегу реки, цыгане и веселые цыганки с букетами цветов в руках.

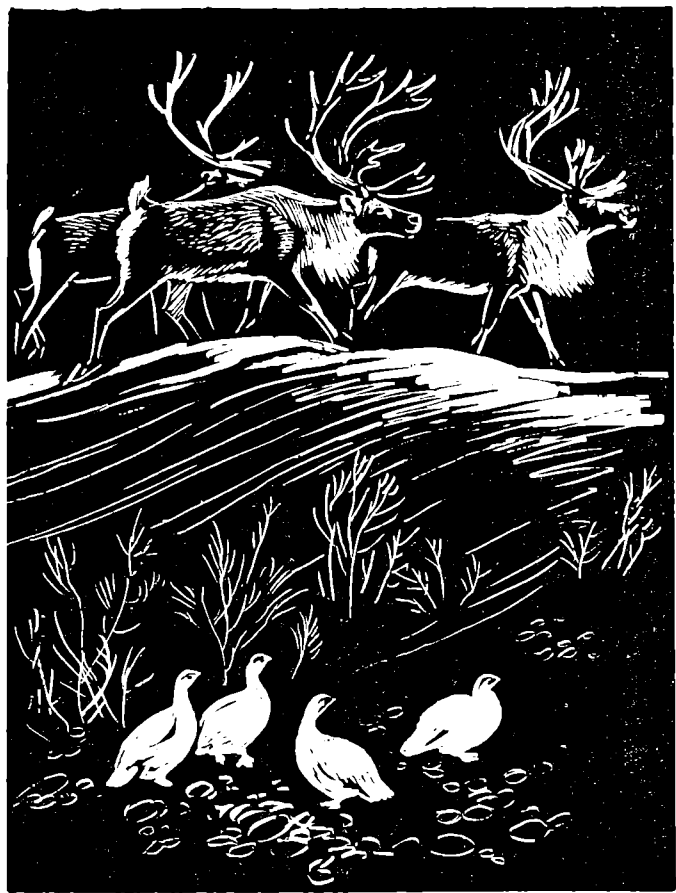
Для нас — охотников — особенно были дороги обширные охотничьи угодья. Мы хорошо знали лесные маленькие озера со сказочными именами, вокруг которых водилась лесная, болотная и полевая дичь. Охота, отношение к природе, литературные темы и вкусы нас сближали.

Хорошо помню дни открытия летней охоты, которые мы отмечали как радостный праздник. С улыбкой смотрел я на торжественные сборы, которыми обычно сопровождался первый выход Бианки на охоту, на его любимых маленьких длинноухих собак-спаниелей. Сколько было хлопот и забот в эти торжественные и праздничные дни! На охоту мы выходили врозь. Бианки — с семейством и своими собаками, я — один с моей Ринкой-Малинкой, знаменитой легавой собакой. На охоте мы где-нибудь встречались у края обширного болота, возле которого держались тетеревиные выводки. Дружески сидели у охотничьего костра, закусывали, иной раз немного выпивали, хвастались охотничьей добычей.

Нам хорошо были известны соседние деревеньки, жившие в них приветливые люди, относившиеся к нам с неизменной и гостеприимной русской добротой. Этим добрым деревенским людям мы были обязаны внимательной о нас заботой.

Тяжкий год войны застал нас в этих местах. В близком соседстве с семьей Бианки мы провели суровую, голодную и тревожную военную зиму.

ИЗ ТАЙМЫРСКОГО ДНЕВНИКА

Много раз побывал я на море, поднимался в горы Кавказа, любовался красотой Небесных гор голубого Тянь-Шаня, хорошо знал подмосковные места, не раз побывал в ледяной Арктике, бродил по дремучей тайге, видел степь и безрадостную знойную пустыню, но еще не удавалось побывать на «родине птиц», в холодной пустынной тундре, где на земном шаре кончается граница распространения леса и начинается пустыня с заложенной под почвой вечной мерзлотой.

Уже далеким, но незабываемым событием моей скитальческой жизни представляется мне последнее мое путешествие в холодную и пустынную страну, в которую еще не заглядывал глаз человека. Я вспоминаю чудесное Таймырское озеро, просторы холмистой тундры, суровые каменные останцы, снежные вершины таинственных гор Бырранга. Я как бы слышу бесчисленные голоса птиц, каждый год возвращающихся на далекую свою холодную родину. Какая неведомая сила древних воспоминаний заставляет воздушных путешественников ежегодно совершать свой долгий и опасный путь? Вспоминаю чудесные цветники, тонкий аромат северных цветов, которых не знают на юге. Как нежны, ласковы эти цветы, растущие в далекой холодной стране, которую многие люди считают жестокой и негостеприимной! И разве можно девственно чистые просторы еще не тронутой страны, прозрачность ее воздуха, ее нетронутую красоту сравнить с затоптанными, заплеванными «красотами» Крыма, морских южных пляжей, заваленных телами праздных «загорающих» людей, с шумом, городской суетней.

Необыкновенно чист воздух в этой холодной далекой стране. Здесь не почуешь запаха тления и вонючего дыма. Здесь ничто не глест и не разлагается, долгие годы не гниет дерево, месяцами свежей остается пища. Даже

тела умерших людей, погребенные на севере в вечной мерзлоте, навсегда остаются нетленны.

Разумеется, не для всех людей понятна и доступна красота и чудесная прелесть северной природы. Любителям шумных пляжей и джазовой музыки здесь нечего делать. В просторах тундры беспомощным и покинутым почувствует себя избалованный городской жизнью человек, и вряд ли по душе придется ему житье в походной палатке, тяжелые длительные переходы, после которых опытный путешественник обычно чувствует себя особенно бодрым и здоровым.

28 мая

Ночью последний раз прилетел на озеро самолет. Сквозь сон я услышал мощный звук приближавшейся машины; одевшись торопливо, вышел на берег, ярко освещенный полуночным солнцем.

На самолете прибыли люди нашей партии: доктор, топографы, зоолог. Боясь непогоды, обычной в холодных краях, летчики торопятся назад. После зимнего сезона они возвращаются в родную Москву. Моторы на самолете уже отработали положенный ресурс. У летчиков остался небольшой запас времени для последнего дальнего перелета. На обветренных, обожженных лучами полярного солнца радостных лицах летчиков как бы написано веселое слово: Москва!

Едва успев разгрузиться, машина готовится к вылету. Последний раз крепко жмем руку пилоту, передаем наспех нацарапанные письма в Москву, привет друзьям. Поднимая вихрь снежной пыли, машина трогается с места, скользит все быстрее, отрывается от снежной глади озера и, сделав над зимовкою круг, исчезает в низко насунувшихся снеговых облаках.

По-прежнему дует холодный, северный ветер, снежная пыль обжигает до боли лицо. Нестерпимый, ослепительный поток света режет глаза. Света так много вокруг, что даже в облачную погоду без темных очков больно смотреть. Спасаясь от разгулявшейся пурги, возвращаемся в домик-барак, по самую крышу заваленный снежным сугробом, над которым дымит и кружится сухая поземка. После холодного ветра особенно приятно погреться у печки, сооруженной зимовщиками из бочонка от керосина.

Здесь, у раскаленной докрасна печки, топившейся почти непрерывно, люди коротали долгую полярную зиму, сушили одежду, беседовали, вспоминали друзей, далекую родину, связь с которой надолго прервалась.

С отлетом последней машины на несколько месяцев остаемся одни почти в самом центре еще неизвестной страны. Трудно предвидеть, какие ожидают нас приключения. Дует по-зимнему ветер, высокие сугробы наносит перед домом пурга. Днем и ночью сверкают снега. Полуночный яркий свет непривычным людям мешает спать. В домике, занесенном снегами, мы долго бодрствуем по ночам, работаем, беседуем, готовимся к летним походам.

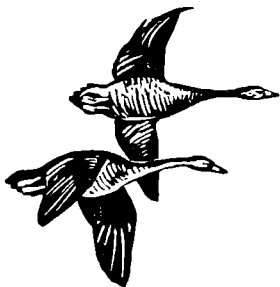
После городских удобств и домашнего уюта новая жизнь кажется суровой. Суровость походной жизни для бывалых охотников и путешественников привычна. Мы спим в мешках, обедаем за общим скромным столом. (Люди хозяйственно берегут продукты для предстоящих

летних походов.) Все же нередко доводится лакомиться превосходной олениной, свежей рыбой. К сожалению, рыба зимою ловится скудно. Подо льдом изредка попадаются крупные гольцы и сиги. Почти вся добыча идет в корм собакам, живущим с людьми на зимовке. Глядя на своих четвероногих лохматых помощников, толкущихся у порога, зимовщики жалуются шутливо:

— Аппетиты собачьи! По два килограмма свежатины на каждую голову ежедневно съедают. Не успеваем для них рыбу ловить. А что поделаешь: зимою собаки нас выручали. Без собак на Севере не обойдешься.

По наблюдениям зимовщиков, месяц май в этом холодном краю соответствует подмосковному выюжному февралю. Настоящая весна начнется не скоро — придется долго ждать!

ВЕСТНИКИ ВЕСНЫ

29 мая

Поразительно меняется здесь погода! Вчера прилетал самолет, был хороший летный день, а сейчас — пурга, нет возможности открыть наружную дверь, до самого верху забитую снежным сугробом. Под напором свирепого ветра стены и крыша трясутся. В невидимые щели ветер надувает тончайшую снежную пыль. Над крышей зимовки на всяческие голоса завывают стальные оттяж-

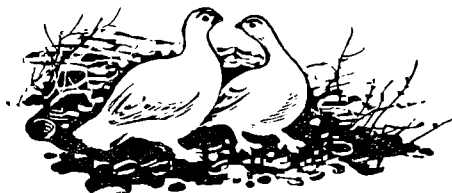
ки антенны. На непривычного человека эта несмолкаемая музыка пурги невольно нагоняет тоску. Старые зимовщики к неприятным звукам и завыванию пурги относятся с полным пренебрежением. Не обращая внимания на разбушевавшуюся в тундре погоду, мы спокойно сидим за столом у раскаленной по-зимнему печки, пьем крепкий чай, беседуем, шутим.

Греясь у печки, доктор Корнеич рассказывает: несмотря на лютую погоду, сырость и жестокие холодные ветры, в полярную ночь никто из зимовщиков не болел простудой. Зимой люди не знали гриппа, никто не пожаловался на кашель и насморк. По словам доктора, полярный климат благотворно влияет на больных туберкулезом. Есть наблюдения, что легкие формы этой распространенной болезни излечиваются на Севере бесследно. Воздух холодных стран лишен бактерий. На Крайнем Севере не гниет дерево, веками сохраняется выброшенный на берег плавник. Трупы животных и растения, погребенные в вечной мерзлоте, долго не разлагаются. В случайно вскрытых могилах на холодном севере не раз находили покойников, пролежавших много десятков лет. На ресницах не тронутых разложением мертвецов, как и в первый день погребения, пушился чистейший иней.

Разумеется, не все люди одинаково переносят зимовки, переживают долгую полярную ночь. Вынужденная скученность и неподвижность, теснота и неудобства общего помещения, постоянный холод и мрак иногда докучают самым выдержанным зимовщикам. За долгую зиму выговорены все слова, выслушаны все рассказы, жесты и движения товарищей давно пригляделись. Лучшее лекарство от начинающейся тоски — ежедневная неустанная работа, длительные прогулки. Постоянно работающие люди даже на самых трудных зимовках обычно чувствуют себя превосходно.

В истории полярных путешествий были известны печальные случаи, причиной которых было неравенство людей, отсутствие подлинных человеческих отношений, обострявшаяся вражда. В царские времена тяжелой трагедией завершилось плавание «Святой Анны», бесследно погибшей во льдах полярного океана. В записях штурмана Альбанова, совершившего некогда знаменитый пешеходный поход по дрейфующим льдам, с потрясающей правдою рассказано о печальной трагедии прошлого, происшедшей в отжитые, далекие, невозможные теперь времена...

Сегодня весь день жестокая пурга, носа нельзя показать за дверь. Но уже чуются признаки близкой весны. Вчера над озером видели гусей — первых разведчиков великой армии птиц, ожидающей время прилета. Гуси-разведчики летят небольшими косяками, парами и в одиночку. Под ними еще расстилается освещенная полуденным солнцем снежная пустыня. Трудно представить, где укрываются теперь застигнутые пургою, быть может обреченные на гибель, крылатые смелые вестники весны...

ПОСЛЕ ПУРГИ

30 мая, ночь

После жестокой пурги (утром дверь нашего жилища пришлось долго откапывать лопатами) — высокое чистое небо, спокойные белые облака, под ногами проваливается

мокрый снег: оттепель. Быть может, пришла наконец долгожданная настоящая весна! Непрерывно летят с южного берега гуси. Их небольшие усталые косяки низко тянут над ослепительно белой тундрой. Утомленные долгим полетом птицы присаживаются на снегу. Можно видеть в бинокль вытянутые шеи, маленькие серые головки. На обнажившихся каменных россыпях токуют тундровые белые куропатки. У птиц начинается весенняя брачная игра. Иногда, тихо планируя, размахнув белые крылья, над каменной россыпью бесшумно пролетает полярная сова. При появлении хищника, высматривающего добычу, все живое прячется и примолкает.

Утром поймал на самодельный крючок огромного гольца. Красивая сильная рыбина с зубастой чудовищной головой. Эх, показать бы такую добычу ленинградским приятелям-рыболовам! Опытные люди говорят, что летом такой рыбы наловить можно здесь сколько угодно. Зимний подледный лов затрудняется необыкновенной толщиной льда. Пробивать лунки в двухметровом крепком льду непосильно даже для самых настойчивых рыболовов. За обедом сегодня ели уху. Вряд ли кому из знакомых рыболовов приходилось лакомиться такой наваристой, вкусной ухой!..

Сказочно хороши, чудесны сверкающие солнечные ночи. Днем слишком много света, под ногами проваливается мокрый и рыхлый снег. Ночью прихватывает морозец, все как будто настораживается, примолкает. Недвижное сияет над снежной пустыней солнце, и в ослепительном, сказочном мире слышатся далекие голоса птиц.

Сегодня за обедом зимовщики рассказывали о трудностях зимних походов. Продвигавшимся вездеходам приходилось находить дорогу в кромешной мгле. Чтобы не

провалиться в невидимую пропасть или засыпанную снегом полынью, на крыле вездехода посменно дежурили рабочие со щупом в руках. Время от времени они измеряли глубину снега, точно так, как на волжских речных пароходах матросы меряют глубину воды, покрикивая ежеминутно привычные слова:

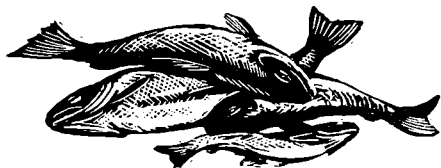
— Табак! Полтабака!

Однажды, приближаясь к берегу (переходили занесенную снегом реку), тяжелый вездеход провалился в невидимую полынью. К счастью, передние колеса были уже на твердом берегу. Под воду ушла левая гусеница вездехода. Люди выскочили на лед, измерили глубину реки. Стали думать-гадать: как выручить машину? В рискованные моменты с особенной быстротою работает у людей смекалка. Вколотили в мерзлую землю железные ломы, прикрутили к гусеницам стальной трос, завели мотор.

— Пошел! Пошел!

Тяжелый вездеход двинулся, машина была спасена.

ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

31 мая

Ходили на рыбалку, на лед. Под глубоким слоем снега скрыты прорубленные еще с осени, наполненные водою глубокие прорубки-лунки. Долго раскапываем утрамбованный пургою снег, лопатами выбрасывая тяжелые

белые пласты. Рыболовные сети спущены на дно. Чтобы не порвать тонкую снасть, тщательно очищаем лунки от кусков снега и льда. В прозрачной воде видится зелено-ватая-темная холодная глубина. В привычных руках рыболовов медленно выходит из воды мокрая сеть. Серебристо-розовая рыбина запуталась в сети. Рыбак вынимает из сети гольца, выбрасывает добычу на снег. Необычайно красива живая, сильная, извивающаяся на снегу рыба. На розоватых мокрых боках тончайшими красками играет многоцветный узор. Живая скользкая рыбина извивается в снегу, бьет сильным хвостом, огромная зубастая пасть беспомощно раскрывается. При ярком солнечном свете медленно гаснут на воздухе подводные краски ее цветного узора.

Нестерпимый свет солнца отражается в снегах. Солнечный свет обжигает лица, слепит глаза. Жестокий, нестихающий ветер валит с ног. Сбиваемый ветром, над нашими головами низко тянет отбившийся разведчик-гусь. Усталая птица низко летит над снегами. Долго наблюдаем, как, тяжело махая крыльями, птица борется с ветром, упрямо держа путь на север. Черною точкою разведчик-гусь исчезает в сверкающей, ослепительной белизне.

С каждым днем приближается настоящая весна. Днем и ночью ослепительно сияет солнце. На белом снегу, на обнажившихся каменных россыпях куропатки делятся на пары. Где-то на вскрывшихся горных ручьях собираются прилетные гуси. Отбрасывая синеватые тени на сверкающий снег, с хищным криком кружат над тундрой чайки. Если посмотреть в сильный бинокль, можно увидеть в ослепительной дали спокойно бредущих по снегу оленей.

В первый год зимовки табуны диких животных безбоязненно подходили к самому человеческому жилью. Из

окон своего жилища зимовщики наблюдали тысячи оленей, осенью и зимою проходивших привычным и безопасным путем. Появление людей, и особенно собак, по-видимому их пугает. Чтобы добыть оленя, охотникам теперь приходится отходить на несколько километров от шумного жилья, которое олени старательно обходят.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

1 июня

Необычайно наступает здесь ранняя весна. В сильном дыхании ветра не чувствую обычных возбуждающих запахов пробудившейся земли. Холодный ветер мчит над закованной снегом пустынной страной, завывает в горах и ущельях, скользит над ледяной гладью озера, дымит снежною пылью в кружевных белых застругах. Но уже с каждым днем на наших глазах вырастают, ширятся в тундре темные пятна проталин. Засохшие стебли растений выходят из снега. По крепкому снегу ветер разнесит их зрелые семена.

Множество птиц собирается на обнаженных полянах. Видно издалека, как перелетают они, садятся на снег, незримо сливаясь с сияющей его белизною. Распластав белые крылья, пролетает над тундрой сова. В розысках открытой воды непрерывно тянут над тундрою гуси. Приятно слышать знакомый клик гусей, пробуждающий

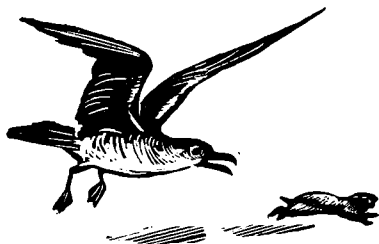
далекие воспоминания. На чистой пелене снегов ежедневно наблюдаем оленей. Робкие животные сторонятся жилья. В хороший бинокль видно, как пугливо толкуются они возле глубокого следа вездехода, пересекшего их привычный путь. За стадами оленей, идущих на север, неотступно следуют волки. Горе зазевавшемуся, ослабшему, отбившемуся оленю! Бесчисленное количество оленей погибает в тундре от беспощадно преследующих их волков. Даже опытным и умелым охотникам трудно наладить борьбу с хищным зверем. Уверенно ведут себя волки в полярной тундре. Здесь они чувствуют себя полными хозяевами, и даже присутствие человека их мало смущает. Не раз участники экспедиции подвергались волчьей осаде. Застигнув безоружного человека, волки пытались окружить его кольцом, осторожно подкрадывались к предполагаемой добыче. Напасть на человека звери, однако, не решались. Вид и запах двуногого существа, звуки человеческого голоса наводили страх на зверей, и, отбежав на некоторое расстояние, угрожающим воем они провожали своего ненавистного врага.

Охотясь за полярной мышью-пеструшкой, летом и зимой рыщут по тундре песцы. Необыкновенно дерзок и смел этот зверь, обитающий в безлюдных просторах. В прошлые времена стоянки полярных путешественников неоднократно подвергались набегам песцов. Из походных палаток песцы воровали плохо укрытые продукты, растаскивали снаряжение, портили научные приборы. В тех местах, где люди охотятся на песцов, эти животные бывают осторожнее и не всегда решаются приблизиться к жилищу.

На берегах озера мы нередко видим мышкующих песцов. Низко опустив голову, прислушиваясь и оставиваясь, совершает зверь свой охотничий маршрут.

Малейший звук привлекает его внимание. Под толщею снега он слышит писк леммингов. С необычайной ловкостью разрывают песцы слежавшийся снег. К молодому неопытному песцу иногда удается подойти вплотную. Увлечшись охотой, зверь не обращает внимания на человека, спокойно устанавливающего фотографический аппарат.

СОЛНЕЧНАЯ НОЧЬ

2 июня

Чудесная солнечная ночь!

Готовлю ружье, патроны. Один выхожу на прогулку.

Над тундрой — полуночное солнце, сверкающая тишина. Пощипывает легкий морозец.

Наст держит, как крепкий паркет.

На снегах — лиловый оттенок. Небо — без единого облачка, глубокое, чуть-чуть голубое.

Чем дальше ухожу в тундру, испытываю большее чувство одиночества, оторванности от обычного мира.

Сказочный, пустынный окружает охотника мир.

Радостно слышать в пустынном призрачном мире весеннее пение птиц. В знакомом пении птиц, разбившихся на пары, — утверждение жизни, радостное чувство весны, всеобщего пробуждения!

Полуночное солнце светит в глаза, нестерпимо отражается в белизне снегов. Поверхность снега покрыта кристаллами, хрустально звенящими под ногами. Голубые, лиловые, розоватые лежат на снегу тени.

По белой скатерти снега, мягко подпрыгивая, катится легкий сказочный колобок. Это выбрался из своих подснежных ходов крошечный зверек — лемминг-пеструшка. Ослепленный солнечным светом, он торопится изо всех сил. Куда, по каким весенним делам выбрался этот скрытный неловкой зверек? Тысячи опасностей ожидают его на открытой поверхности снега.

Долго и внимательно наблюдаю в бинокль, как совершает он свое опасное путешествие. В сияющем поле бинокля вдруг появляется темная тень. Вижу внезапно появившегося поморника — большую хищную чайку. Приподняв черные крылья, зоркая птица садится на снег. В страхе мечется на снегу лемминг, стараясь защититься от крылатого врага. Но спокоен, равнодушен к своей жертве черный разбойник. Он как бы наслаждается беспомощностью зверька.

Недолго продолжается неравная борьба. Сытая птица не торопится. Ударом клюва поморник приканчивает добычу.

Я опускаю бинокль, берусь за ружье, торопливо вкладываю патроны.

«Хороший подарок будет зоологам!» — думаю, осторожно приближаясь к птице, расхаживающей возле добычи.

Зоркий хищник не допускает на выстрел. Поспешно проглатывает он мертвого лемминга, всего целиком (трудно понять, как вмещается в горло хищника добыча), и неторопливо улетает, отбрасывая на снег лиловую тень...

Расстегнув куртку, я иду дальше по рассыпчатому

хрупкому снегу, один-одинешенек в сверкающем снежном просторе.

Полуночное солнце сияет на небе. Жмурясь от света, смотрю в бинокль: далеко, далеко в белом пространстве видятся крыши зимовок. Я иду, рассыпая под ногами хрустальные кристаллы льда, изредка останавливаюсь, слушаю, наблюдаю.

Необычайные звуки рождаются в призрачной тишине.

Справа и слева раздаются эти хрустальные, чистые звуки. Сказочным кажется охотнику полуночный свет, ослепительное сияние снежной равнины. На темных пятнах проталин, со странным, тающим в воздухе звуком, взлетают, точно снежные белые хлопья, трепеща крыльями, токуют куропатки.

По освещенным полуночным солнцем снежным просторам я иду среди бесчисленных токующих птиц.

Не обращая внимания на человека, птицы сидят, гоняются по снегу, дерутся, перелетают. При взлете они как бы растворяются в воздухе, девственной белизною своего оперения сливаясь с ослепительной белизною снегов.

Осторожно приближаюсь к парочке птиц. В двух шагах от меня белоснежный краснобровый самец-петушок ухаживает за своей скромной подружкой. Защищая подругу, петушок отважно пытается вступить со мною в бой. С отчаянной храбростью он подбегает к ногам, грозно хохлится, принимает самые воинственные позы.

«Берегись, берегись, я тебе задам!» — выражает его воинственный вид.

Чтобы доставить полное удовольствие маленькому храбрцу, притворяюсь очень испуганным и понемножку, шаг за шагом, начинаю отступать. Петушок-забияка гонится за мною. Убедившись в своей победе, с торже-

ствующим видом возвращается он к подружке. Делая возле нее круги, чертя по снегу крылышками, он рисуется перед нею своей отчаянной храбростью, готовностью жертвовать жизнью.

Множество раз повторяю игру с птицами, не боясь человека. Увлекательная веселая игра доставляет особенное удовольствие, я забываю о заряженном ружье, которое здесь не нужно.

ГНЕЗДО СОВЫ

В каменных россыпях, еще покрытых слежавшимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы. Огромная белая птица бесшумно слетела почти у самых ног. Хорошо видна круглая голова, раскрытые широкие крылья сливаются с белизной снегов.

В устланном пухом гнезде я увидел два насиженных яйца. Несмотря на мороз, яйца были теплые, в них наклевывались птенцы.

Эта замечательная птица очень рано начинает откладывать яйца. Самое удивительное, что даже в сильные морозы охраняемые родителями насиженные яйца не застывают. Нередко в гнезде совы находят оперившихся птенцов и только что снесенные, еще не насиженные яйца.

Полярные совы зимуют в тундре. В ночной темноте пролетают они над мерцающими в звездном свете снегами. Обычным кормом птиц являются полярные мышিপеструшки, зимою живущие под снегом. Там, где водятся зайцы, полярные совы беспощадно преследуют беспомощных зверьков. Редкий заяц не побывал в когтях полярной совы. Старые зимовщики рассказывают о невероятном скоплении зайцев, по неизвестным причинам теперь почти исчезнувших на берегах озера. Зайцев, собиравшихся многочисленными стаями иногда под самыми окнами зимовки, преследовали полярные совы. Они садились на крышу, точно грозные часовые, своею тяжестью не раз обрывали антенну. Чтобы избавиться от докучливых посетителей, зимовщики стреляли их беспощадно, но полярные совы всю зиму продолжали их беспокоить.

Весною и летом, как бы поделив на участки просторы тундры, полярные совы ведут уединенную сторожевую жизнь. На темном фоне тундры неподвижными белыми столбиками маячат их застывшие головастые фигуры. Долгими часами в полнейшей неподвижности дежурит на своем наблюдательном посту сова. С непостижимым терпением ожидает она появления добычи. Удивительной остротою зрения обладают полярные совы. В ночной темноте и при дневном свете на большом расстоянии замечают они промелькнувшего в траве лемминга-пеструшку. Охотнику редко удастся подойти близко к спокойно сидящей сове. В отличие от других птиц, населяющих тундру, необычайно осторожно ведет себя этот свирепый и зоркий хищник. Только при случайной встрече удастся подстрелить огромную птицу, зимнее оперение которой кажется белее снега.

Выходя по ночам, мы слышим странное гуканье, доносящееся с каменных россыпей и останцев. Так пере-

кликаются над тундрою полярные совы, вместе с другими птицами переживающие пору любви. Сказочными кажутся в тишине солнечной ночи голоса невидимых, таинственных птиц.

КОРАБЛИКИ НА СНЕГУ

3 июня

По утрам ботаники отправляются «в поле» — на работу. С рюкзаками за плечами гуськом бредут они по снегу: профессор и его помощники-ученики. Проваливаясь в сугробах, они уходят в тундру надолго, терпеливо роются на обнажившихся от снега проталинах, разыскивая редкие растения на прогретых солнцем южных склонах каменных останцев.

Изумительны эти необыкновенные растения, оживающие под снегом!

Их стебли и листья покрыты теплым и густым пухом, спасающим от стужи. Многие растения жмутся друг к дружке, образуя круглые плотные цветнички. В обросших пушистою шубкою корнях прячутся насекомые, устраивают гнезда лемминги и полевки. Только у немногих северных растений созревают за лето семена. Большинство растений, сохранившихся еще от доледниковых времен, продолжают размножаться вегетативно.

Гонимые ветром, по снежному полю под погами пу-

тешественников мчатся крошечные кораблики с поднятыми парусами. Я поднимаю, внимательно разглядываю такой маленький кораблик. Мелкие круглые семена прикреплены в раскрывшейся легкой коробочке, похожей на лодочку с парусами.

Куда ни посмотришь — мчатся, мчатся по снегу кораблики с распушенными парусами. Во всех направлениях они пересекают покрытую снегом голую тундру. В этих крошечных корабликах по бескрайним снежным просторам путешествуют семена растений, несущие в себе упорную, неистребимую жизнь.

СНЕЖНЫЕ ТЕПЛИЧКИ

— Не желаете ли полюбоваться на «снежные теплички»?

Глаза профессора-ботаника радостно смеются. Лежа на снегу, большим ботаническим ножом он осторожно вскрывает прозрачную ледяную пластинку, образовавшуюся над углублением в снегу, в котором виднелись живые зеленые побеги.

— Посмотрите, как ладно устроено. И прозрачное ледяное стекло, пропускающее живительные солнечные лучи, и мягкая, теплая подстилка. Настоящий миниатюрный парничок, крошечная снежная тепличка!..

Я опускаюсь рядом с профессором на снег. Под тончайшею хрустально-прозрачною коркою льда хорошо видно в снегу распутившееся растение с пушистыми, свернутыми в трубку зелеными ростками. Термометр, просунутый в снежную тепличку, показывал положительную температуру. Тот же термометр на поверхности снега быстро спустился на двенадцать градусов мороза.

На южных склонах холмов, покрытых тонким снежным покровом, мы нашли множество маленьких тепличек. Весною растения выйдут из снежных тепличек с почти распутившимися цветами. Наличием этих тепличек объясняется удивительное явление в растительной природе полярных стран, где рядом со снегом весною можно видеть живые прекрасные цветы, поражающие путешественника своей нежностью и красотою.

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

С каждым днем борьбы с отступающей зимою в природе побеждает живая, радостная весна. На озере, в тундре, на вершинах призрачных гор и холмов нетрожно сияют снега. Высокий зимний сугроб закрывает окно, у которого я пишу. Но уже выше колена тонет нога в напивавшемся весенней водою размытом снегу, глубоко проваливаются гусеницы вездехода, который готовят

к далекому походу. На южных склонах ширятся пятна проталин. На солнечном пригреве, у основания каменных останцев, ботаники обнаружили первые распустившиеся цветы. Удивительно и необычайно: вокруг зима, почти нетрожно лежат снега, а рядом с глубокими сугробами на мохнатых стебельках ветер колеблет нежнейшие живые цветы! Кажется, от одного дыхания должны завянуть тончайшие лепестки, чудесным образом переносящие морозы и холодный, обжигающий ветер.

ОХОТА

Оттепель. Снег быстро тает. На береговых проталинах, прогретых солнцем, распустилась сиверсия — полярный «подснежник». Так странно видеть рядом со снегом нежные золотые цветы! Пользуясь сном собак, свернувшихся калачиками в снегу, стайки куропаток ночами токуют под окнами. На кучах отбросов прыгают, поют по-весеннему пуночки.

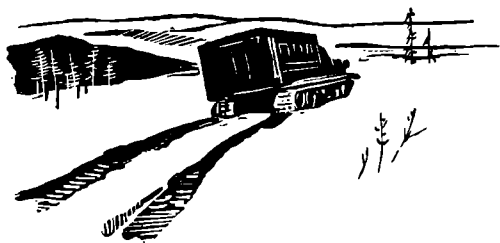
В окрестностях озера продолжается большой ход оленей. Сегодня мимо зимовки прошло несколько табунов. Из окна хорошо видно, как бредут они по снежному полю, с южного берега на север. Бредут тихо, с усталой опущенными головами. На ослепительном фоне снегов

видны их дымчатые спины, откинутые рога. Иногда передовой олень останавливается, ловит ноздрями воздух. Быть может, в кристальной чистоте полярного воздуха он издали чувствует человеческое жилье. Осторожные животные обходят зимовку, где их пугают незнакомые запахи, лай собак.

Весенняя охота на кочующих оленей даже для опытных и привычных охотников особенного интереса не представляет. Жалко убивать истощенных долгим переходом, измученных зимнею голодовкой животных. Только крайняя потребность в мясе и корме для собак, необходимость научных наблюдений заставляет продолжать не всегда добычливую весеннюю охоту.

Сегодня зоолог Василий Михайлович вернулся с такой охоты. Сидя в засаде на маленьком островке, он напустил проходящих оленей на близкое расстояние. После первого выстрела испуганные животные продолжали беспомощно толпиться. Не сходя с места, охотник уложил четырех оленей. Вернувшись домой, он отправил людей свежевать добычу. Как потом оказалось, один раненый олень при появлении людей поднялся на ноги и быстро пошел в горы. Охотники долго и безрезультатно преследовали раненое животное, несомненно угодившее в зубы волкам.

Сегодня особенно хлопотливый день. Первая партия разведчиков отправляется в большой многомесячный поход. Укладывается походное снаряжение, увязывается груз. Как всегда перед большим предприятием, люди особенно возбуждены. До глубокой осени путешественникам придется жить в суровой походной обстановке. Участники похода чувствуют себя уверенно и спокойно. Внимательно обсуждают они предстоящие трудности, старательно пересматривают снаряжение и запасы, стараясь не упустить мелочи, необходимые в походе.

Ночью наши товарищи отправились в долгий поход. День прошел в сборах, в горячей подготовительной работе. Люди торопились уложить снаряжение и продовольственные припасы; вымыться в бане и выстирать белье. С особенным чувством мы проводили друзей, отправившихся в трудное путешествие.

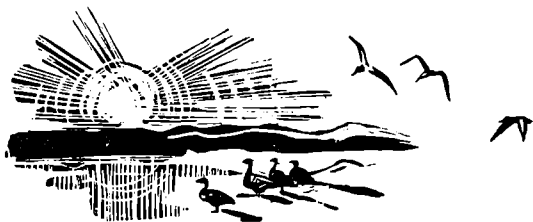
Кузов тяжелого вездехода набит до отказа. Здесь — железные бочки с бензином, ящики с продовольствием, свернутые палатки, прикрытые спальными мешками и шкурами оленей. Людям приходится пристраиваться на крыльях и подножках вездехода, цепляться за переполненный кузов, брести пешком за машиной, прокладывая в снегу глубокую и плотную колею.

Толпясь на утоптанном снегу, мы прощались с отъезжавшими друзьями, шутили и смеялись:

- Счастливый путь!
- Не забывайте нас.
- Желаем удачи!

Перегруженная машина тяжело трогается с места и, оставляя широкий след в снегу, медленно уходит в тундру. Люди и собаки долго ее провожают. Жмурясь от снега, мы наблюдаем, как удаляется, исчезает в снежном пространстве, крошечной точкой становится покинувшая нас наполненная людьми машина.

Проводив товарищей, не торопясь возвращаемся в опустевшее, неубранное помещение, хранящее следы недавнего отъезда. Как всегда после большого напряжения, особенная чувствуется усталость. Присаживаемся за стол, пьем чай, припоминая подробности хлопотливой и бессонной ночи.

ПОТОП СВЕТА

6 июня

Изумительный день — день яркого света. Такого ослепительного света не приходилось еще наблюдать. Выходить без темных очков невозможно. Отраженный в снегах солнечный свет нестерпимо режет глаза. Ослепительный свет льется потоками — невыносимый, яростный потоп света!

Ночью буйство света немного утихает. Звенит под ногами, на мельчайшие кристаллы рассыпается снег. Призрачный — и все же почти невыносимый — свет полуночного солнца отражается на далеких, тающих в воздухе вершинах. Снегом пронизан воздух, призрачные вершины, тонкие холодные облака в высоком небе.

Ход весны трудно предвидеть. По словам старых полярников-зимовщиков, если продержится тепло — в конце месяца может начаться ледоход. Обычно озеро вскрывается позднее.

Пока весь лед стоит нерушимо. Кажется, конца-краю не будет ослепительному потоку яркого света.

У СИНЕГО МОРЕЯ

Из многих путешествий по обширным и дальним просторам родины нашей особенно запомнились мне мои охотничьи путешествия в чудесный край птичьих зимовок.

Занимаясь наблюдениями и охотой, несколько раз возвращался я в полюбившуюся мне зеленую, теплую Ленкорань, богатством и разнообразием своей природы во все времена манившую охотников и натуралистов.

С особенным чувством вспоминаю первое охотничье путешествие. Диким, нетронутым казался тогда сказочный край.

С ружьями за плечами бродили мы в горах Талыша, с риском для жизни перебирались через бурные потоки, пенившиеся в заросших огромными папоротниками крутых берегах. Нетронутый лес накрывал нас.

Здесь впервые увидел я диковинное «железное» дерево, покрытое серебристой корою, ночами отражавшей свет луны. На сказочные изваяния были похожи спрощенные ветвями стволы.

Мы любовались величественными каштановолистными дубами, в самое небо возносившими зеленые, шумевшие на ветру вершины свои.

Колючие плети лиан сплошными занавесями загораживали нам дорогу.

Длиннохвостые фазаны шумно взлетали из-под ног охотников, не успевавших поднять ружья.

Сказочным казался этот чудесный далекий край, лежавший на древнем пути в Индию, в богатый древний Иран. О чудесных богатствах далекого края складывались в старину сказки, о синем Хвалынском море и лебеди с лебедями певали русские женщины хороводные песни.

В маленькой лодке-куласе скитались мы по мелководному обширному морскому заливу, любовались бесчис-

ленным множеством зимующих здесь птиц. По зеркальной глади плавали белоснежные лебеди, тысячными стаями, похожими на чудесные розовые острова, кормились на отмелях красные гуси фламинго. В зарослях тростника, на голубых скрытых озерах, наблюдал я султанских курочек. Над головами нашими пролетали бесчисленные косяки гусей, а с берегов отмелей непрерывно слышался шум несчетных птичьих голосов.

«...За последние годы в нашей природе происходят огромные перемены, и многое, пожалуй, Вам узнать теперь невозможно. На глазах наших совершается грандиозный процесс, наблюдать который ученым приходится редко. Только за последние десятилетия уровень Каспийского моря резко понизился (установлено, что такое явление происходит периодически в различные геологические эпохи), и понижение уровня воды немедленно отразилось на живой и мертвой природе. Во многих местах море отступило на целые километры, обнажились обширные отмели, иными стали очертания берегов. Типичная степная растительность с необычайной быстротою

заняла отвоеванное у моря пространство, а за флорой и фауной степей появились первые разведчики пустыни. На территории заповедника мы обнаружили растения, свойственные засушливым песчаным районам, наблюдали ядовитых змей и других типичных обитателей пустынь. Процесс изменения ландшафта, смена форм живой и мертвой природы протекают здесь в стремительные сроки, предоставляя нам, натуралистам, возможность интереснейших наблюдений. . . » — так писал мне мой старый знакомый, директор заповедника имени С. М. Кирова, приглашая еще раз приехать.

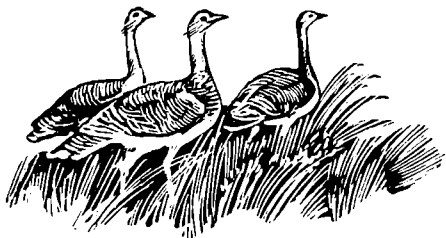
Все, о чем писал старый знакомый, увидел я своими глазами. С изумлением наблюдал я необычайные перемены, происшедшие в хорошо знакомой мне природе любимшегося края. Там, где при первом моем путешествии простиралось открытое море и мы свободно проходили на тяжелых морских катерах, а перед глазами нашими открывался покрытый плавающей птицей широкий залив, — теперь расстилалась заросшая буйной растительностью степь. Вместо бурных морских волн, куда ни поведешь глазом, колыхался седой степной ковыль, а по обнажившемуся дну залива ветер гнал клубки сухого пережати-поля. Поднимая столб пыли, наша машина бежала по степной, крепко обкатанной дороге.

С каждым годом дальше и дальше уходило море, обнажались новые отмели, наступала степь. Почти исчезли, сгорели и высохли бескрайние заросли камышей, дававшие приют бесчисленным стаям шакалов и волков, которые кормились зимовавшей здесь птицей. Заросли камышей не успевали следовать за стремительно отступавшим морем и, оставшись на сухом берегу, медленно отмирали. С невероятной, буйной силой двинулась за отступившим морем степная растительность.

— Эх, тут раньше и камыши были — лес дрему-

чий! — говорил мой спутник Иван Васильевич. — А лет двадцать пять тому назад в самом этом месте еще пароходы ходили, стояли ловецкие ватаги. Осетра, севрюгу ловили рыбаки. Теперь сам погляди: степь. Куда хочешь катись — хоть пешком, хоть на колесах. Земля расчудесная. Тут ежели бахчи развести — арбузами завалишься. . .

В СТЕПИ

Со старым приятелем моим Иваном Васильевичем вторую неделю живем мы на кордоне в маленьком, похожем на украинские белые ма́занки, домике, построенном на берегу обсыхающего птичьего залива. Вправо от домика простирается широкая степь, слева — плещется море.

По утрам, на рассвете, я ухожу в степь, слушаю, как кричат, разговаривают между собою пробудившиеся на заливе птицы. Над моей головою то и дело, свистя крыльями, пролетают небольшие табунки диких гусей. Гуси летят в степь кормиться или возвращаются с жировки на воды залива. Многочисленными стаями пролетают над степью краснозобые казарки, красивые редкостные птицы, ежегодно прилетающие сюда зимовать с далеких арктических берегов Ледовитого океана.

Веселыми голосами разговаривает в небе «пискулька» — белолобая казарка. Кружат, водят в небе веселые хоромы крикливые чайки. Как бы справляя шумную свадьбу, танцуют они над степью. Снизу слышны их резкие голоса. Точно хмельные, чайки то кружат на месте, то неуклюже валятся на бок. На пьяный истошный хохот похож их крик. Долго наблюдаю, как, то затихая, то раздражаясь хохотом, кружится над степью пьяный чайный хоровод.

Вдали, на отступившем берегу, видна кормящаяся у воды птица. Полоска воды серебром переливается, исчезает в степи, поросшей рыжеватой шубой полыни. Куда ни поведи глазом — степь, степь. Гонимые ветром, точно живые, катятся к берегу клубки сухого перекаченного поля.

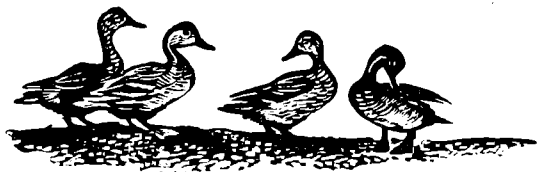
Я иду с ружьем за плечами, с биноклем в руках, останавливаюсь, оглядываю степную равнину. Многочисленные стаи дудаков-дроф мирно пасутся в высокой сухой траве. За тысячу шагов видны их желтоватые туловища, сторожко поднятые шеи. Точно зоркие часовые следят они за человеком. Стая стремительных стрепетов взрывается вдруг над степью и, сверкнув быстрыми крыльями, поднимается над горизонтом. Остановившись, приложив к глазам бинокль, долго наблюдаю, как летят над степью, исчезают освещенные солнцем быстрые птицы. Этой, теперь уже такой редкой степной птице, народ дал некогда удачное имя за ее стремительный трепетный взлет.

Наблюдателю-охотнику негде укрыться в голой степи. Множество птичьих и звериных глаз наблюдает за ним. Вот, торопливо взмахнув крыльями, повис в воздухе седой лунь. Что видит он под собою в густой траве? Желтая степная лисичка перебежала через натопанную в степи тропинку и, зачуяв человека, вдруг притаилась.

Издали вижу рыжую ее шубку, острые уши. Вынюхивая мышей, она то припадает к земле, то легким движением кидается на невидимую добычу.

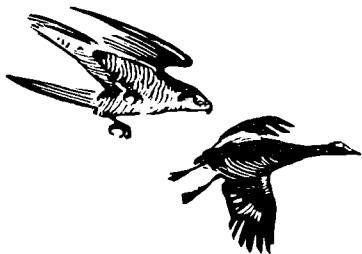
Степь покрыта следами птиц и зверей. На подсохшей земле написана грамота невидимой ночной жизни. Тысячи шакалов, волков, лисиц скитаются в местах птичьих жировок. Разбойникам всегда есть готовая, доступная добыча. Норами маленьких грызунов изрыта степь. Хищникам всех пород и мастей добычливое, золотое житье.

ЗЕЛЕНый ШАЛАШИК

Чтобы поближе видеть сокрытое от глаз человека, я построил в зарослях зеленой куги небольшой и уютный шалашик. Из прикрытой дерном и травой засады было удобно наблюдать кормившихся на отмели птиц. Из шалаша был виден залив, берег и степь — обширные места птичьих жировок. Занятые своим делом птицы и звери не замечали укрывшегося в куге человека. Они продолжали плавать, летать и кормиться. С утра до позднего вечера перед моими глазами происходило великолепное и пышное представление.

Сидя в зеленом шалаше, наслаждаясь нетронутой природой, час за часом наблюдал я и записывал, как идет-движется вокруг меня чудесная шумная жизнь.

Глядя на покрытый птицами залив, я увидел сокола-сапсана. Короткокрылая сильная птица летела над самой водою. Бреющим полетом сокол мчался над сборищем птиц. Кормившиеся на воде, застигнутые врасплох утки быстро ныряли. По пути полета сапсана сама собою расчищалась на воде широкая опустевшая дорога.

На середине залива сапсан налетел на кучку жирных черных лысúх. Растерявшись от неожиданного нападения, глупые птицы пытались взлететь. С необычайной ловкостью сокол-сапсан начал маневрировать. Делая крупные виражи, он старался отжать лысúх от воды. Стремительный короткокрылый хищник кружился и падал, как настоящий самолет-истребитель.

Чтобы лучше наблюдать воздушный бой, я взял в руки бинокль. Теперь были видны все движения птиц. Отжимаемые от воды, выше и выше поднимались неуклюжие лысúхи. Хищник, казалось, издевался над ними.

Я следил за смертельной игрою. Вдруг изменив свой полет, сапсан ракетой взвился над лысухами в небо. Набрав высоту, он ринулся с неба на разбившихся, растерявшихся птиц. Сраженная ударом лысуха закувыркалась в воздухе, беспомощно стала падать. Стремительно

описав петлю, сапсан бросился на другую, отбившуюся от стаи лысуху. Воздушный боец делал мертвые петли, падал в пике. Глядя на него, я вспоминал летчиков, с таким же искусством владеющих крылатой машиной.

С необычайной быстротою сапсан расправился со стаей лысух. Сбитые птицы падали на берег. Жестокому хищнику вряд ли пришлось воспользоваться добычей. Он убивал, чтобы насладиться своей ловкостью и могуществом.

ОРЛАН-БЕЛОХВОСТ

На отмели, в местах жировки птиц, высится грозная фигура орлана-белохвоста. Сидя в своем шалаше, я долго наблюдал в бинокль. Долгими часами орел сидел неподвижно, как каменный истукан. Изредка он поворачивал голову. Казалось, он наблюдал за порядком великого птичьего мира.

Неисчислимое множество птиц двигалось, кипело, кричало вокруг. По-видимому, птицы ничуть не боялись неподвижного истукана. Не обращая внимания на грозного орла, они двигались у самых его ног. Чертя клювами жидкую грязь, быстро бегали длинноногие кулики,правлялись и чистились утки всех пород и мастей.

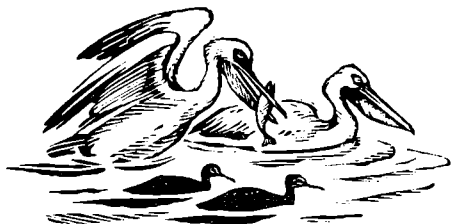
Под самым клювом орлана важно прогуливалась белая цапля-эспри. Долго я любовался птичьим многочисленным миром, который казался мне великолепным театром.

«Что делает в этом мире неподвижный огромный орлан? — думал я, наблюдая шумную жизнь птиц. — Какая выпала ему роль в этом большом представлении?»

Но вот наконец орлан зашевелился и, раскрыв огромные крылья, тяжело поднялся на воздух. Он летел к самому берегу, где на приплеске чайки делили свою добычу. По-видимому, это была большая мертвая рыба, выкинутая на берег волною. Чайки брезговали падалью и неохотно клевали тухлую рыбу.

Разогнав птиц, орлан принялся жадно клевать отнятую у чаек добычу. Я с изумлением смотрел на орлана, питавшегося отбросами. Так обманчиво было первое впечатление. Грозный, царственный орел вел жалкую жизнь побирушки, исполнял самую позорную роль, и птицы его презирали.

ПЕЛИКАНЫ

Возвращаясь в наш домик, я шел берегом наполненного весенней водою протока. Остатки камышей скрывали меня от кормившихся на отмелях птиц.

Подходя к воде, я услышал сильный шум. Поначалу мне показалось, что где-то на всех парах проносится скорый поезд.

Через камыш и высохшее соленое озерко я стал осторожно подвигаться на шум. Чем ближе я подходил, отчетливее слышались странные звуки. Непонятный шум то усиливался — и тогда казалось, что поезд проносится совсем близко, то вдруг затихал — и в наступившей тишине можно было различить крики и гоготанье птиц.

«Наверное, к берегу подошел большой косяк рыбы и это охотятся пеликаны», — думал я, вспоминая свои давние наблюдения.

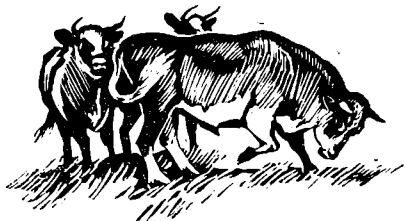
В устье реки, впадавшей в залив, я увидел множество пеликанов. Огромные белые птицы выстроились на воде полукружьем, замыкавшим вход в мелководный залив-култук. Иногда, как по команде, пеликаны начинали хлопать по воде крыльями. Производимый ими шум был похож издали на шум пробегавшего поезда. Хлопая по воде крыльями, птицы загоняли на отмель косяк рыбы. Вода в култуке, казалось, кипела. Пользуясь случаем, много черных бакланов кружилось и падало над водою, кишевшею рыбой. Не разрывая охотничьей цепи, приближались к отмели загонщики-пеликаны.

Спрятавшись в камышах, я видел, как кипит рыбой вода, как подбрасывают, задрав головы, живую добычу прожорливые бакланы.

Пригнав рыбу на отмель, пеликаны стали торопливо набивать добычей подклевные мешки, растягивавшиеся как резина. С наполненными живой трепещущей рыбой торбами-мешками пеликаны тяжело отрывались от воды, поднимаясь в воздух. Нагруженный добычей большой белый пеликан низко пролетал надо мною. Не желая

убивать, я выстрелил в воздух. Испуганная выстрелом птица быстрее замахала крыльями и выкинула из мешка свою добычу. С неба к моим ногам упала живая трепещущая рыбина, которой пеликан как бы хотел от меня откупиться.

КОРОВЫ

Возвращаюсь в наш белый домик, где мы пьем с Иваном Васильевичем утренний чай. От Ивана Васильевича, старого ленкоранского жителя, я слышал много удивительных рассказов. Теперь он мне рассказывает о стаде одичавших домашних коров, которых еще в годы коллективизации выпустили в степь богатые жители больших молоканских селений. Выпущенные на волю коровы одичали. Они скрывались в береговых камышах, из которых выходили в степь на кормежку. По распоряжению директора заповедника для одичавших коров были устроены в степи кормушки. Чтобы приручить коров, в степи были расставлены корыта с солью — солонцы. Коровы ходили к солонцам и кормушкам. Когда же Иван Васильевич пытался приблизиться к ним, несколько коров, грозно наклонив рогатые головы и подняв хвосты, всякий раз угрожающе бросались навстречу. Не подбегая близко, они быстро поворачивались, и все одичав-

шее стадо на глазах человека скрывалось в далеких камышах. По наблюдениям Ивана Васильевича, коровы научились обороняться от степных волков. При нападении волков они собирались в тесный круг, в центре которого оставляли телят, и, наклонив рогатые головы, отражали атаки хищников.

В первое время, рассказывал Иван Васильевич, вожаком стада одичавших коров ходил большой грозный бык. Потом этого быка сменила корова. Корова долго оставалась вожаком, и стадо ей повиновалось.

ШАКАЛЫ

Ночами под окнами нашего домика шакалы устраивают свои концерты. В их голосах есть что-то жалобное и слезливое. Просыпаясь, я вспоминаю похоронный женский плач, слышанный в детстве.

Охотники справедливо ненавидят этих трусливых и дерзких разбойников, промысляющих днем и ночью. Обмеление залива позволило шакалам пробраться в самые недоступные уголки, где гнездившиеся птицы чувствовали себя в полной безопасности. В заповеднике гнездилась султанская курочка и лысуха. Пробравшись на остров, шакалы и лисицы дочиства истребили гнездовья,

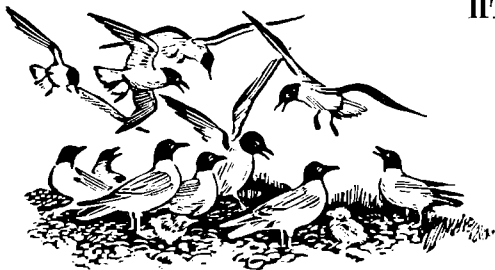
перерезали фазанов, которые в огромном количестве обитали в зарослях дикобразника и ежевики.

Убить разбойника-шакала дело нелегкое. Трусливый и осторожный зверь редко попадает на глаза даже самому наблюдательному человеку. Незаметно сопровождают шакалы охотника, отправившегося за добычей. Они следят за каждым выстрелом, за каждым его шагом. Упавший после выстрела и отлетевший подранок неизбежно попадает в острые зубы шакалов.

По ночам я прислушиваюсь к вою шакалов, дерзкие звери завывают иногда под самыми окнами, и тогда в их голосах мне слышится глухая и отчаянная угроза. Чтобы отогнать незваных гостей, я с ружьем выхожу на крыльцо, но и в помине нет дерзких разбойников.

Необыкновенно темны, непроглядны здесь зимние ночи. В густой темноте я не вижу своей протянутой руки. Влажный ветер дует в лицо. С залива доносятся далекие голоса птиц.

ПТИЧИЙ ОСТРОВ

На пустынном маленьком островке, недавно поднявшемся со дна моря и уже покрывшемся степной травой, летом гнездятся большие морские чайки-хохотуны. Ры-

баки называют этих чаек «мартынами», «мартышками». В период кладки яиц отлогий берег островка, поросший редким камышом и рагозником, покрывается множеством гнезд. Гнезд так много, что человеку трудно между ними пройти. В прежние времена местные жители приезжали на куласах собирать птичьи яйца и уже вылупившихся маленьких птенцов, с которых безжалостно сдирали пух. Общипанных птенцов сборщики пуха тут же бросали. Наполненные птичьими яйцами куласы возвращались в деревни. Чайчьи крупные яйца за гроши продавались на ленкоранском и даже бакинском базарах. Экономные хозяйки не отказывались покупать эти яйца, отличавшиеся своей величиною и дешевизной.

Хищнический сбор яиц теперь запрещен. Птицы без опаски могут выводить своих птенцов. Уцелевшие гнездовья чаек находятся под особой охраной.

Необычайное зрелище представляют такие птичьи гнездовья. Тысячи, десятки тысяч птиц выются над островом, покрытом их известковыми испражнениями. Чайки то вдруг поднимаются белою тучей, то вновь садятся на свои гнезда. Хохот и шум (крик чайки-хохотуньи напоминает громкий человеческий хохот) слышен на много километров. Днем и ночью чайки ссорятся и дерутся.

Множество гнезд покрывает весь маленький остров, — теснота бывает причиной многочисленных ссор и драк. На огромный шумный базар похоже голосистое птичье становище.

Но не всегда чайки проводят время в ссорах и драках. Дружно отражают они опасность, грозящую их гнездовью. Тучей нападают они на крылатого хищника, орлана, задумавшего навестить птичий остров. Величина и сила хищной птицы их не пугает. Оглушенный криком,

поливаемый жидким пометом (защищаясь от своих врагов, чайки прежде всего прибегают к этому испытанному средству), опозоренный разбойник старается скрыться. Провожаемый злым хохотом, он летит над водой, а тысячи птиц еще долго продолжают его преследовать. Редкому хищнику удастся попользоваться добычей: чайки издали видят его приближение. Только четвероногие хищники — шакалы — не боятся птиц, защищающих свое гнездовье. Стоит шакалам пробраться на остров, в обычное время окруженный водою, и птичьему царству приходит конец. В самое короткое время расправляются шакалы с гнездовьем, и потревоженным чайкам приходится искать новое, недоступное для беспощадных разбойников место.

В связи с обмелением залива, в последние годы чайкам неоднократно приходилось менять место гнездовий. Недоступные прежде для шакалов острова соединились теперь с материком, и целые полчища четвероногих разбойников появились в местах гнездовий. Ища спасения, чайки переселились на новые, выступившие из воды острова.

Только на таких островах, окруженных со всех сторон водою, птицы могут чувствовать себя в полной безопасности.

Чтобы подробнее изучить жизнь чаек, мой знакомый ученый-натуралист поселился однажды на таком маленьком птичьем островке. На первых порах чайки отнеслись к человеку враждебно и не раз пускали в ход свое испытанное оружие. Ученый терпеливо переносил нападения птиц.

— Мне нужно было приучить чаек к себе, — рассказывал он о своих злоключениях. — Для этого я старался как можно меньше беспокоить птиц, не причинять им ни малейшего вреда.

Чтобы чайки меня узнавали, я всегда ходил в одном и том же охотничьем костюме. Палатку свою я поставил в центре птичьей колонии. Ближайшие гнезда были в нескольких сантиметрах от полога палатки, протянув руку, я мог достать до гнезда.

Птицы скоро перестали считать меня за врага, привыкли ко мне, моя палатка и лодка их не тревожили. Не обращая на меня внимания, чайки продолжали вести свою общественную шумную жизнь — ссорились, дрались, насиживали яйца и выкармливали птенцов.

За два месяца такой отшельнической жизни я в непосредственной близости мог наблюдать мельчайшие подробности птичьего быта. Я видел, как самцы кормят своих самок и заменяют на гнездах своих хлопотливых подруг.

Подраставшие птенцы, бродившие по всему станковищу, нередко приползали в мою палатку. Я их понемногу прикармливал. Нередко они собирались у меня целой кучей, а неподалеку сидели их родители, спокойно доверявшие мне своих детей.

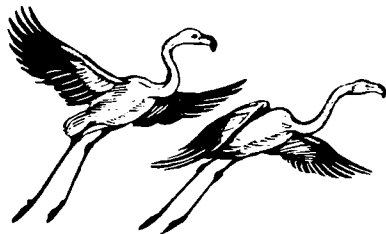
Одного маленького птенца (родители его, по-видимому, погибли) мне пришлось усыновить. Это был чудесный птенец ростом около двадцати сантиметров. Он был в пуху, на крылышках едва пробивались первые перья. За ум и находчивость я назвал его человеческим именем. Ванька привязался ко мне, хорошо узнавал, вместе с ним мы жили в палатке.

Закончив свои наблюдения, я взял Ваньку с собою. Занимаясь в лаборатории, я часто слышал его тоненький писк. Больше всего Ванька любил пристраиваться у моих ног. Разумеется, я не мог приучить его к чистоплотности: в моей лаборатории он вел себя как на гнездовье и всюду оставлял «печати». Дурные привычки Ваньки портили нашу дружбу. Ложась спать, я отсылал Ваньку на кухню.

Ночью он обычно перекочевывал к моей кровати и сладко засыпал в ночной туфле, лежавшей на полу. Когда я просыпался, Ванька со всех ног бросался в кухню, как бы стараясь избежать наказания и скрыть свое непослушание.

С Ванькой я мог бы прожить долго, но наши научные занятия требуют жертв. Мне пришлось умертвить Ваньку, чтобы пополнить свои наблюдения над возрастом птиц. Заспиртованная тушка Ваньки хранится в наших научных коллекциях. Глядя на нее, я буду долго вспоминать о моей жизни на птичьем острове. . . — так закончил свой рассказ мой знакомый ученый-натуралист.

ОХОТА НА ФЛАМИНГО

Перед моим отъездом директор заповедника предложил мне участвовать в редкостной охоте. Для научных целей нужно было отстрелять несколько пар «красного гуся» фламинго, тысячными стаями державшегося на отмелях птичьего залива.

Обычная охота на фламинго запрещена законом. Благодаря долгому и строгому запрету охоты на редкостных птиц, уничтожавшихся некогда беспощадно, стаи фламинго в последние годы размножились чрезвычайно.

Еще в прошлые мои путешествия подолгу любовался

я тысячными скоплениями птиц. В пасмурные зимние дни зрелище это производило незабываемое впечатление. Казалось, что за привычной сеткой зимнего дождя на горизонте пылают сказочные алые острова. Тысячи, десятки тысяч огромных птиц необычайного вида и раскраса толпились на отмелях залива. В поле бинокля были видны отдельные птицы.

Охота на фламинго — дело нелегкое. Сидя на отмелях тысячными, похожими на острова стаями, птицы днем не подпускают человека на выстрел. При приближении лодки фламинго начинают подниматься на воздух, и на глазах путешественника волшебный алый остров начинает таять. В воздухе птицы выстраиваются длинную вереницей. Изумительно видеть, как исчезает над горизонтом, извиваясь и вытягиваясь, длинная розовая лента выстроившихся птиц.

Вряд ли кому-нибудь из моих друзей охотников доводилось испытать подобную фантастическую охоту. Окруженные непроглядною тьмой, мы плыли серединой мелководного залива, прислушиваясь к голосам невидимых в темноте птиц. Яркий сноп света — мы приладили на носу лодки автомобильную фару — освещал впереди воду. И лодка, и сидевшие в ней люди оставались в темноте.

В призрачно-белом электрическом свете возникали фантастические очертания птиц. Слепленные птицы напускали вплотную. Освещенные фарою, они казались огромными. Множество диких птиц со всех сторон окружало лодку. Мы видели спящих уток, гусей, лебедей. Уснувшая на волнах чайка, поднявшая при приближении лодки крылья, казалась белым видением.

Эта необычайная охота напоминала мне хорошо знакомую с детства осеннюю рыбную ловлю «с лучом». В темные осенние ночи, по первым заморозкам, — вода

в это время особенно прозрачна — мы так же езживали по реке. На носу лодки ярко полыхал смоляной костер, освещавший песчаное дно. На дне реки были видны чудовищные коряги, подводный лес водорослей, бросающих зыбкие тени. Большие и маленькие рыбы, пошевеливая плавниками, недвижно спали в воде. С острогами в руках мы стояли в лодке у жарко полыхавшего костра, и ночной, звездный замыкался над нами мир.

Точно такое же поэтическое чувство испытывал я теперь на новой, невиданной мною охоте. Лодка двигалась посреди морского залива. Густая, влажная, непроглядная окружала нас темнота. В этой непроглядной ночной темноте со всех сторон слышались странные звуки. Ночуя на отмелях, птицы переговаривались. Мы издали слышали отдельные гусиные крики, сонные ночные птичьи голоса.

Стоя на корме лодки, Иван Васильевич осторожно толкался длинным чапом-веслом, упиравшимся в твердое дно. Лодка покачивалась на волнах, музыкально звеневших о деревянные борта нашего маленького куласа. В пустом ночном заливе легко заблудиться. Потеряв направление, мы плыли на голоса птиц, поглотивших наше внимание. Чем ближе мы подплывали к стае фламинго, отчетливее слышались их отдельные крики, внезапное хлопанье сильных крыльев.

Множество диковинных птиц с длинными шеями и странно надломанными клювами со всех сторон окружало скрытую темнотой лодку. Попадавшие в луч фары птицы плавали, бродили в воде на длинных высоких ногах, засунув за крыло клювы, спокойно покачивались на волнах.

— Стреляйте! — шепнул мой спутник.

Я медлил. Было жалко нарушать изумительную картину. Ослепленные светом птицы ходили и плавали у са-

мой лодки. При ярком электрическом свете алая окраска крыльев фламинго побледнела. Птицы казались видениями, скользившими над водою. Иногда они расправляли крылья, и чудилось, что мы любуемся ночным фантастическим балетом.

— Стреляйте же! — еще раз сказал спутник.

Нужно было выполнять задание, я прицелился в одну из бродивших по воде птиц. Невероятный поднялся после выстрела шум. Тысячи напуганных птиц снимались с воды в ночной темноте. Поднимаясь на воздух, они долго хлопали крыльями, громко кричали. Казалось, вокруг нас пробудился огромный сказочный мир, населенный неведомыми существами.

Раненый фламинго, вытянув тонкую шею, плавал у самого борта лодки. Нам хотелось взять его живьем, но он быстро и ловко увертывался от наших рук; пришлось его пристрелить. Мы положили в лодку первую добычу. Это была огромная, тяжелая птица. С вытянутой шеей и длинными красными ногами она была ростом со среднего человека.

Напуганные выстрелом птицы не отлетали далеко. Мы слышали, как они садились на воду, и направили к ним нашу лодку. Необычайная охота не представляла больших трудностей. Слепленные фарой птицы по-прежнему позволяли подъезжать к ним вплотную. Стрельба по живым освещенным мишеням не доставляла удовольствия, и я предпочел любоваться редким зрелищем, видеть которое довелось, наверное, единственный раз в жизни.

Мы долго кружили по просторному, наполненному птицами заливу и, разумеется, заблудились. Конечно, мы знали, где находится берег, но найти маленькую пристань было нелегким делом. Приближаться к берегу в лодке было рискованно — мы боялись засечь на мель.

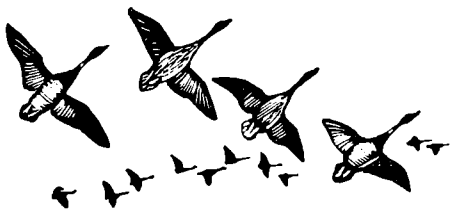
— Чтобы попасть к кордону, надо забирать влево, — сказал один из моих спутников, правивший лодкой.

— Ошибаешься, приятель, — возразил другой, — я хорошо примечаю дорогу, — надо держать правее.

— Наверное, на пристани фонарь погас и теперь ни один черт не найдет дороги, придется кружить всю ночь до рассвета.

Болтаться в заливе до рассвета нам очень не хотелось. Чтобы выручить товарищей, я решил сойти с лодки. Высокие резиновые сапоги позволяли мне безбоязненно идти вброд. Шагая по колено в воде, я направился по заливу к предполагаемому берегу. Чем дальше уходил я от лодки, гуще и темнее накрывала меня ночь. Никогда еще не испытывал я такого странного и приятного чувства. Я брел посреди залива, и временами казалось, что конца-краю не будет воде: я один в мире и вокруг меня — темнота. Медленно повышавшееся дно показывало мне, что я не ошибался. Тоненькой звездочкой горел вдалеке фонарь на покинутой мною лодке. Я брел среди черного, непроглядного мрака, вода журчала по моим сапогам. «Так можно идти без конца», — улыбаясь, думал я.

В полной темноте я наконец добрался до песчаного берега морского залива. Стояла полная нерушимая тишина. Я шел по скрипевшему под ногами песку, добрел до маленькой лодочной пристани, зажег погасший фонарь, служивший маяком для нашей лодки. Спутники мои скоро возвратились. Утром мы снимали с убитых фламинго их яркие шкурки. Я взял себе два больших красных крыла, которые привез в Ленинград, повесил на стену рядом со многими предметами, служившими памятью о давних моих путешествиях.

Бывает так: на севере еще нет знаков бурной весны, термометр показывает зимнюю температуру, а первые косяки птиц уже двигаются в дальний путь. Где-то далеко, на северных реках, в эти сроки начнется весна. Кто, по какому таинственному радио, дает птицам первый сигнал отлета? Нередко бывает, прилетев к своему месту, птица страдает от нагрянувших внезапно холодов. Кому не известно, как гибнут застигнутые заморозками, поздним обильным снегопадом первые весенние гости. Долгий свой путь птицы совершают не торопясь, двигаясь по этапам. В пути они останавливаются в кормных местах на отдых. Негаданно переменявшаяся погода может надолго задержать птичьи пролетные косяки.

Медленно, неторопливо движется южная весна. Соки земли не приходят здесь в кипение. Не бывает тут шумных и полноводных разливов, весеннего ледохода, тревогою наполняющего сердце впечатлительного человека, родившегося в России.

Весна. Здесь она чувствуется в сборе и отлете птичьих стай. Скоро на север двинутся полчища птиц. Последние дни на гостеприимном заливе проводят дикие утки и гуси. Но уже по-особенному кличут гуси, в их клике есть что-то дорожное, путевое. Стройными косяками, не сбиваясь с пути, полетят они к местам родных

гнездовый. Давно уже, блистая белизной своих крыльев, улетели лебеди. Быть может, птицам уже видится родина, широкие и могучие реки, родные северные озера. Здесь, провожая на север птиц, с особенным чувством вспоминаю родную весну, набухшие соком березовые ветви, тревожные, волнующие запахи обнажившейся от снегов земли. Ручеек бежит под землею. И мне кажется, далеко-далеко токует тетерев косач. Ниточкой пролетели над вскрывшейся рекой утки, над обнажившимися полями высоко в небе прокликали журавли. . .

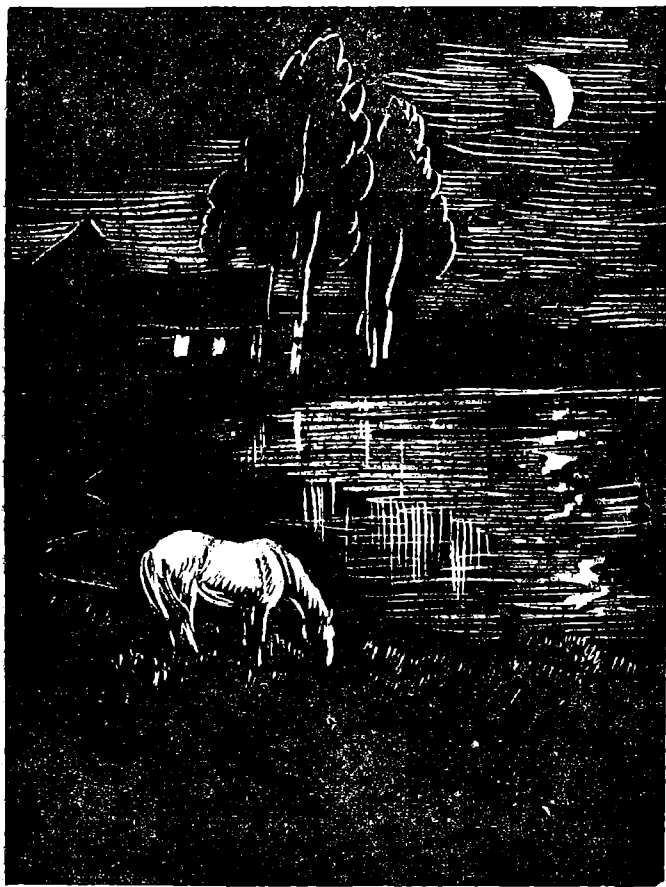
Я иду по степи. Маленькие степные цветы голубыми звездочками высыпали на пригревах, пригретые солнцем, проснулись в лагунах медлительные черепахи. Медленно и лениво совершается здесь круг годовой жизни, не спеша движется весна.

Из-под ног сорвался, затрепетал в воздухе и, поднимаясь в небо, радостно запел жаворонок. Я остановился ошеломленный. Так вдруг вспомнилась Россия, своя родная весна. Я стоял в степи, подняв голову, и слушал песню, рассыпавшуюся с неба золотым дождем. Крылья жаворонка горели в лучах солнца. С необычайной отчетливостью почувствовал я далекую родную весну, первые проталины на освободившихся от снегов полях, черные кочки, свист крыльев в высоком ослепительном небе. Как бы утверждая возникшее радостное чувство весны, высоко в небе стройными косяками летели над степью гуси. Клики отлетавших на родину птиц был особенный, деловой и спокойный. Следуя как по компасу, не останавливаясь, гуси тянули прямо на север.

И неудержимое желание — точно я сам был птицей — увидеть родную весну охватило меня, и, прислушиваясь к дорожным голосам птиц, быстрее и быстрее я шел по степи.

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

*(Карачаровские
записи)*

Доводилось ли вам побывать в Карачарове на берегу Волги? Многие москвичи и калининцы хорошо знают большой дом отдыха, где летом и зимою собирается множество приезжих людей. Хорош старинный карачаровский запущенный парк. Хороша широкая запруженная Волга, по которой теперь то и дело бегают на подводных крыльях быстроходные катера. Несколько лет назад еще ходили по Волге старые пароходики, раздавались над Волгою веселые пароходные гудки. В до-революционные времена здесь было большое имение князей Гагариных. От прошлых времен остался запущенный парк с дубами и липами, несколько домов и хозяйственных построек.

Старого Карачарова не узнать. Построены новые удобные дома, в которых живут и отдыхают многие сотни людей. Но та же осталась природа, поля и леса, тихое течение реки, широкий простор, которому радуется коренной русский человек.

По берегу Волги здесь некогда пролегал бойкий и широкий корчевской тракт. По этому тракту двигались к железной дороге бесчисленные подводы, возившие изделия кузнецовского фаянсового завода. Тракт тянулся до стоявшего на берегу реки, описанного Салтыковым-Щедриным уездного зеленого городка Корчевы, подобно сказочному Китежу-граду, погребенному под водами запруженной Волги. Русло мелководной реки извивалось среди поемных цветущих лугов, где летом стояли бесчисленные стога сена. Большие торговые села с высокими белыми колокольнями и мелкие деревеньки жались к берегам Волги. В этих местах было много дворянских старинных поместий, от которых остались едва заметные следы: кое-где еще растет и цветет живучая сирень, в заплывших и заросших бурьяном ямах лежат обломки позеленевших кирпичей.

Знаменитый тракт, соединявший Москву с Петербургом, протекает недалеко от Карачарова. До сих пор сохранились названия сел и деревень, описанных Радищевым в его прославленной книге.

Кому не известно, что великая русская река Волга начало свое берет в Калининской области, бывшей тверской губернии. По старинным описаниям, там, где началась Волга, стоял небольшой рубленый колодец, небольшая похинувшаяся часовенка. Как водилось в старину, на срубе колодца висел деревянный ковш-корец, из которого каждый мог напиться свежей ключевой воды.

Мне не довелось побывать у истока Волги. По рассказам видалых людей, я знаю, что теперь там стоит небольшой домик, похожий на беседку, вдоль и поперек исписанный именами побывавших там досужих туристов. Недалеко от истока Волги простирается широкое и очень красивое озеро с древним названием Селигер, некогда богатое рыбой.

Недалеко от Карачарова пролегалла граница между Московским и Тверским княжествами. В лихие удельные времена не ладили между собою московские и тверские князья. Долгое время Тверью владели татары; московские и тверские князья ездили в Золотую Орду на поклон к татарскому хану. После убийства татарского наместника в Твери татары жестоко расправились с бунтовавшими тверечанами. До корня были разрушены древние монастыри. Еще и теперь названия некоторых деревень хранят напоминание о давних трагических временах. От Карачарова, с правого берега Волги, в ясные дни хорошо видна белая высокая колокольня, стоящая посреди деревни с именем, сохранившимся от забытых давних времен. Деревня эта называется Юрье-Девичье. Несомненно, здесь был некогда женский монастырь.

Сохранилась легенда о том, что один из тверских князей, вернувшись с похода, зашел в соборную церковь, где совершалось венчание молодой пары. Стоявшая под венцом красавица невеста полюбилась самовольному князю. Он остановил венчание молодых и предложил невесте стать его женою. Отказавшись от предложения князя, разлученная с женихом, невеста постриглась в монахини и якобы основала Юрье-Девичий монастырь, который впоследствии разрушили татары.

Разумеется, уже никто не помнит о давних тех временах, но и теперь ближайшее колхозное поле колхозники именуют полем «монастырским». Следа не осталось от древнего монастыря. Печальным кажется старинное деревенское кладбище с похинувшимися деревянными крестиками над заросшими муравью холмиками забытых могил.

По-прежнему течет русская река Волга, пересекая огромное пространство нашей страны. Во многих местах она перерезана мощными высокими плотинами. Воды ее широко разливаются. Множество больших и малых рек впадает в Волгу, пополняя ее воды. Сказочно звучат имена этих рек и речушек.

Кто и когда давал имена нашим малым и большим рекам? Здесь, возле Карачарова, в Волгу впадают небольшие речки Созь и Шоша, а в самом Калининском районе впадает в Волгу речка Тверца, напоминающая нам о старинном названии древнего русского города.

Когда-то по Волге ходили маленькие и большие деревянные суда. По Волге лежал большой торговый путь. Из Твери плыл русский предприимчивый купец и поэт Афанасий Никитин, проделавший великое путешествие в Индию и в другие заморские страны. Стоя на берегу Волги, заполненном телами «загорающих» людей, странно думать, что вот здесь, мимо этих берегов, проплывал

этот удивительный русский человек, запечатлевший в истории нашего народа навсегда свое славное имя.

Что рассказать еще о здешней, неизменно изменившейся, запруженной Волге, которую мы гордо называем Московским морем? Первое, построенное людьми водохранилище на Волге находится в этих местах. Там, где в старину пролегла граница враждовавших между собою Московского и Тверского княжеств, — построены новые города и заводы, дымят высокие трубы могучей ГРЭС, снабжающей электрической энергией села и города. Природа обыграла берега широкого водохранилища с многочисленными заливами и затонами, заросшими камышом и осокой. По просторной глади в ветреную погоду гуляют и пенятся волны. Дело человеческих рук дополнила и украсила сама природа. Еще величественнее и обширнее здесь Волга.

С давних времен тверской древний край славится красотами русской природы. Недаром сюда приезжали знаменитые русские художники-пейзажисты. Известно, что в тверские места наезжал гостить, писал свои этюды художник Левитан. Здесь, на севере калининской области, жил академик Беляницкий-Бирюля, дом которого сохранился. В Карачарове некогда гостил друг Лермонтова известный художник князь Гагарин, могила которого находится вблизи Карачарова у самого устья небольшой реки Сучёк, впадающей в Волгу. До сего времени в Калининской области сохранились обширные леса, живописные озера, некогда богатые дичью и рыбой. Для художников и писателей, охотников и рыболовов, знатоков и любителей родной природы места эти драгоценны.

Уже пятнадцатый год в весеннее и летнее время я живу вблизи Карачарова в маленьком домике, построенном в лесу. С охотничьим ружьем за плечами я обошел

ближние лесные уголья, путешествовал в лодке по Волге. Мне довелось побывать в глухих местах Оршанского моха, на Петровских озерах, куда не всякий год может проникнуть неопытный человек. Я знакомился с молодыми и старыми людьми, слушал их рассказы, любовался природой. Живя в Карачарове, написал я несколько небольших рассказов, в которых изображена близкая моему сердцу родная природа.

Мне хотелось бы рассказать немного о том, как, живя в далеком Ленинграде, мы приехали и поселились в Калининской области на берегу Волги.

Будучи уроженцем смоленских мест, я, разумеется, слышал о тверской губернии, о бойких тверских мужиках, которых шутили кликали «козлами» в отличие от наших доверчивых смоленских «рожков». «Рожком собор подпирали, пехтерём солнце ловили!» — говаривали, бывало, посмеиваясь, о бородастых смоленских мужиках, живших в бедных избах, крытых соломой. Смоленские наши мужики уходили на заработки либо в шахты, либо

на землекопные или плотничьи работы, служили «шестерками» в московских трактирах.

Тверские мужики на заработки уходили в богатый столичный Петербург, где простым рабочим платили дороже, чем в близкой к ним Москве. Да и жили тверские «козлы», пожалуй, побогаче наших смоленских «рожков». В тверской губернии почти не было изб, крытых соломой. Крестьянские дома, построенные в верховьях Волги, отличались изяществом и красотой. Светлые дома эти просились иной раз на картину. Многие тверские мужики в дореволюционные времена занимались извозом. На бойких дорогах стояли села с лавками и трактирами, в которых можно было останавливаться и ночью и днем. Ничего подобного не было в нашей смоленской губернии. Тверские молодухи, бабы и девки давно не носили русских простых сарафанов, сукманок, домотканых панев, одевались в городские нарядные платья. Несмотря на близкое соседство смоленской и тверской губерний, обычаи и обряды крестьян были различны. Да и сами тверские мужики не были похожи на наших смоленских. Тверские крестьяне носили хорошие сапоги, одевались в поддевки. Многие занимались сапожным, кожевенным, малярным и строительным делом, строили в Петербурге новые дома. И до сих пор почти в каждой семье живут в Ленинграде дальние родственники.

Что бы я мог еще рассказать о прошлом и настоящем Калининской области, о ее природе, о ее людях? Самая природа калининских мест во многом отличается от знакомой и близкой мне природы родной Смоленщины. Иные здесь леса: нет в них знакомого нижнего яруса-подлеска, состоящего из развесистых ореховых кустов. Но много и общего в русской, знакомой нам всем природе. Те же растут деревья, такие же цветут полевые и лесные цветы.

Такая же неродимая, песчаная и суглинистая земля, требующая удобрений. И там и здесь сеяли крестьяне лен, гречиху. На крестьянских огородах колыхалась высокая душистая конопля. Помню конопляное зеленоватое масло, с которым, бывало, ели мы кашу и аржаные горячие лепешки, испеченные матерями в русских печах.

И Калининская и Смоленская область пострадали от прошлой войны. Были разрушены деревни и многие города. На Смоленщине война затянулась и причинила там больше разрушений: больше разбежалось и разъехалось во все стороны народа, больше пустует земли, заросли и подсохли речки, вымерли и совсем уничтожены некоторые деревни. Уже новые пролегли на Смоленщине дороги. О старых проселочных лесных дорогах почти забыли.

Да и самый Калинин не подвергался великому разрушению, как наш родной Смоленск. Приезжему человеку город Калинин очень напоминает теперь пригород Москвы. Те же дома, такие же заводы, улицы и магазины. В Калинин сравнительно мало осталось древней старины. Сохранились некоторые исторические здания, кое-какие церквушки. Но самый город стал типично фабричным и заводским: дымят трубы многих огромных фабрик и заводов. Здесь в Калинин старый вагоностроительный завод, построены новые фабрики, полиграфический комбинат, в котором печатаются многие книги. По-прежнему течет через бывшую Тверь река Волга, но нет уже древнего монастыря, в котором Малюта Скуратов по приказанию Грозного-царя совершил злодейское убийство. На месте древнего монастыря возвышается новый речной вокзал с обширными залами и пристанями. Лучше, говорят, сохранилась прежняя Волга в верхнем течении, вблизи своих истоков.

На историческом пути между Москвой и Петербур-

гом стоят старинные города и поселки. Кто только не **езживал** по этому прославленному пути! Начиная от царя Петра, ездили по радищевской дороге цари и царицы, богатые помещики. Гоняли лошадей царские гонцы. Не раз проезжали здесь Пушкин и Гоголь. Да разве можно перечислить всех путников знаменитой дороги, на которой стояли дорожные станции со зрителями и перекладными лошадьми, лихими ямщиками, валдайскими колокольчиками. И днем и ночью, зимою и летом двигались по радищевскому пути бесчисленные подводы. Сколько сложилось песен, сколько услышали проезжие люди рассказов. Сколько было на пути торговых сел и бедных русских деревенок. Позднею осенью и весною подводы и барские экипажи утопали в непролазной грязи. Недалеко от Карачарова сохранилось селение с прежним названием «Черная грязь». Уже никто не подумает, откуда взялось это название бывшей деревни. Теперь здесь широкое асфальтовое шоссе, одна за другою мчатся на резиновых шинах быстрые легковые и грузовые машины. Никто не помнит о прежних временах. Давно спят на кладбищах удалые ямщики, знатные господа, заставлявшие их распевать веселые песни. Почти стерлись с земли дворянские усадьбы, нарядным ожерельем украшавшие знаменитый тракт. Только в старинных книгах, написанных спокойным и размеренным языком, можно прочитать о былых, давным-давно позабытых временах.

С удивительной быстротой изменяется Калининский край, географически близкий к Москве, но остались еще глухие нетронутые места в стороне от большой проезжей дороги. Старинными именами зовутся многие города. Мы проезжаем древний Торжок, Вышний Волочок, каждый из городков этих напоминает о далеком прошлом. Не раз я бывал в селе Городне, стоящем над Волгою на древнем высоком кургане. Хороша старинная церковь, маленькое

кладбище с похинувшимися крестиками, откуда открывается чудесный широкий вид на Волгу. Есть и другое село, называвшееся Новым, с церковью и высокой колокольней. По рассказам старожил, в прошлые времена в этом селе были три бойких трактира, торговали разным товаром лавочки. Через село по корчевскому тракту один за другим проходили извозчицьи обозы. У села Нового, получившего иное название, останавливаются теперь быстроходные катера, приезжают московские гости-дачники. Недалеко от Волги находится Завидовское охотничье хозяйство, в котором разводят диких зверей и птиц. Есть на Волге и другие охотничьи хозяйства.

Мы поселились в Калининской области после тяжкого события, потрясшего нашу семью.

В Карачарове жили мои родственники, приехавшие из калужских мест, с родины моей матери. Помню мой первый приезд в Карачарово. Тогда здесь не было больших новых корпусов, в которых живут и отдыхают приезжие люди. Все было очень просто и спокойно. В помещичьем доме князей Гагариных в годы войны был госпиталь. Племяннику моему Борису Петровичу, нынешнему директору карачаровского дома отдыха, было поручено переоборудовать госпиталь в дом отдыха. Мне нужно было разыскать небольшой и дешевый домик, чтобы постройиться на отведенном в лесу участке.

Помню, как зимой, на лошадке в санях, объезжали мы ближние и дальние деревни на левом берегу Волги. Я знакомился с людьми, слушал их разговоры. Особенно запомнилась мне встреча с одной деревенской старушкой. Мы вошли в избу, в которой, казалось, не было ни одного человека. На печи под шубой зашевелилась старушка, спустила костлявые голые ноги. Надев валенки, она усе-

лась за стол. Мы сказали ей о нашей нужде. Ах, какая чудесная оказалась эта старушка! Она рассказала, что одна-одинешенка живет в своей избе, что ее дети давно разлетелись по разным городам и редко ее навещают. Ей самой приходится таскать из лесу дровишки, и поэтому она редко топит печку. Мы поднесли ей небольшую стопочку вина, угостили имевшейся у нас закуской. Она оживилась. Какими драгоценными, народными сыпала она поговорками и словами! Почти ко всякой фразе у нее находилась присказка или поговорка. В ней было то русское народное словесное богатство, о котором мы забываем.

Где-то я купил домик, и его на лошадях перевезли через застывшую Волгу. Весною началась спешная постройка. Кругом еще стоял лес, возвышались высокие сосны и ели, зеленели голые кружевные вершины осин. В те времена вокруг Карачарова водилось много дичи. Почти у самого домика я поднимал выводки рябчиков и тетеревов. Зимними ночами зайцы ходили под самыми окнами. После пороши всюду были видны заячьи и лисьи строченные следы. Но особенно много было в запруженной Волге рыбы. Летом и зимой ловили больших судаков, вытаскивали огромных и жирных лещей. Нынче здесь рыба почти исчезла, так же как исчезла водяная и боровая дичь. Причиной истребления рыбы и дичи была, разумеется, неумеренная и жестокая охота. Рыбу злостно вылавливал местный рыбозавод, не соблюдавший правил и сроков. Много рыбы погибало зимою подо льдом, когда спускали из водохранилища воду и толстый зимний лед ложился на дно. Как всюду и везде, больше всего погибло рыбы от ядовитых отходов, которые сбрасывали в Волгу построенные на ее берегах фабрики и заводы. Борьба с браконьерством и истреблением рыбы была, по-видимому, невозможна.

Но почти прежней осталась здесь природа. Правда, в годы войны повырубили заповедный бор, вырубали леса в водоохранной зоне, но богатая лесами Калининская область не обеднела. Поднятые воды Волги заболотили некоторые низменные места. Но все же сохранилось много хороших, почти нетронутых лесов. Мне полюбилась природа, окружающий Карачарово типичный русский пейзаж, сочетающий в себе лес, поля, луга и широкую Волгу. Для меня, охотника и старого любителя природы, карачаровские места до сих пор остаются дорогими. Уже давно не беру в руки ружья, но всякий раз радуюсь, когда из-под ног моих вылетит уцелевший тетерев или рябчик.

Любовь к природе, впрочем как и всякая человеческая любовь, несомненно закладывается в нас с детства. Ребенок, родившийся в городском каменном доме, выросший на городской улице и тесном дворе, не может со всею силой почувствовать и узнать красоту и радость живой природы. Такого ребенка можно лишь пожалеть. Я не могу спокойно видеть городского человека, идущего в лес с транзистором, повешенным на животе. Что он услышит в лесу, да и хочет ли он что-нибудь слышать? Для него не существует песни соловья и песни жаворонка, он не слышит тихий шелест листвы над своей головой, наверное не замечает лесных чудесных цветов, которые ему чужды. По лесу он идет, как по городской улице, досадуя, что на поворотах нет указателей. Нет для него тихих звуков, журчания лесных ручейков, стрекота кузнечиков. Он никогда не увидит птицы или красивого зверя, которые разлетаются и разбегаются при приближении шумного существа. У такого человека мало радости. У моего лесного домика я как-то остановил группу маленьких пионеров, которыми руководила взрослая женщина. В руках ребят были вырванные с корнями моло-

дые березки. Из этих березок могла бы вырасти целая маленькая березовая рощица. Помню, я спросил руководительницу отряда, зачем она позволила ребятам вырывать молодые березки. Она ответила мне с недоумением и даже неудовольствием, что эти березки ребята несут в лагерь, чтобы кормить козу. Что я мог ответить? Я не мог обвинять маленьких ребят, которым следовало объяснить, как растет живой лес и что маленькие зеленые березки — это тоже лесные живые пионеры, которых они погубили.

Почти против Карачарова, на левом берегу Волги, и до сих пор возвышается высокое городище — Топорок. Еще в недавние годы я часто ездил на лодке на Топорковское городище. Мне понравилось и само высокое городище, сосновый топорковский бор, высокий песчаный берег реки.

Некогда, еще до первой мировой войны, на Топорковском древнем городище вела раскопки ученый-археолог Ю. Г. Гендуне. По рассказам местных старых людей, это была очень добрая, приветливая женщина, подолгу жившая возле карачаровской усадьбы, дружившая с местными крестьянами, помогавшими ей производить археологические раскопки.

На древнем языческом городище археологу Гендуне посчастливилось найти много предметов древней культуры. До сих пор на Топорке сохранились следы ее давних раскопок: заплывшие землей, заросшие травой прорытые траншеи. На небольшой выставке, устроенной при карачаровском доме отдыха, имеются фотографии ее археологических находок: осколков разбитых глиняных жертвенных сосудов, костей животных и некоторых других предметов. Археолог Гендуне долгое время занима-

лась раскопками вблизи Карачарова и во многих других местах. Ученые труды ее хорошо известны.

Замечательный вид открывается с высокого топорковского городища на широкую запруженную Волгу. Я стою на вершине поросшего муравью холма, люблюсь рекою, стараюсь представить давние времена. Еще до прихода славян здесь обитали неведомые нам люди. Кто знает, быть может, в давние века, окруженное высокой деревянной оградой, здесь возвышалось капище неведомого языческого бога, полыхали жертвенные огни. О том, как жили древние люди, нет никаких свидетельств, кроме скромных археологических находок. И теперь, после весеннего паводка, размывающего песчаное основание городища, можно находить черепки разбитых глиняных сосудов с орнаментами, свидетельствующими о древней эпохе, когда на берегах реки селился первобытный человек, занимавшийся охотой и рыбной ловлей. Само по себе замечательно выбранное древними людьми место. С высокого холма на обе стороны открывается вид на широкую красивую реку. По берегам реки простирались непроходимые темные леса, полнившиеся зверем и птицей. Воды реки кишели рыбой, ловившейся на самодельный костяной крючок. В нетронутых лесах не было проезжих дорог. Единственным надежным путем была река, по которой двигались долбленые ладьи. В те отдаленные языческие времена еще не существовало гончарного искусства. Люди плели из тростника или ивовых прутьев незатейливые сосуды, облепляли их сверху глиной, украшали узором и обжигали в кострах. На глиняных черепках, которые мы находим в размытой волнами осыпи, отчетливо видны отпечатки тростниковых и ивовых плетений.

К сожалению, Топорковское древнее городище, памятник давней старины, подвергается медленному разрушению. Недавно машинами здесь брали песок, и часть горо-

дища разрушена. Рядом с красивым городищем образовалась широкая и глубокая рывина. Воды поднятой Волги подмывают песчаное основание городища. Отчетливо виден черный, «культурный» слой земли, образовавшийся за много веков. Выпадающие осколки глиняных древних сосудов, кости жертвенных животных уносит течение реки.

Каждое лето здесь, на берегу Волги, останавливаются проезжие туристы. Только немногие из них знают о происхождении языческого древнего городища. В верхнем течении Волги сохранилось много подобных городищ. Но уже давно не ведутся организованные раскопки, и почти никто не интересуется забытой стариной. В карачаровском парке на правом берегу Волги и теперь уцелели высокие, заросшие травой нераскопанные могильные курганы, происхождение которых неизвестно.

Некогда мне довелось присутствовать на раскопках подобных курганов. Раскопки производил мой приятель ученый-археолог. Хорошо помню, как тщательно и осторожно он вскрывал уцелевшие курганы, частично распавшиеся крестьянами. Эти высокие курганы насыпали наши предки славяне-кривичи, жившие в верховьях Днепра. По языческому обычаю они клали умерших людей на землю в избранных местах и насыпали над ними высокие курганы, сохранившиеся до наших времен. Рядом с покойниками клали оружие и домашнюю утварь, умерших женщин наряжали в праздничные одежды.

Я с любопытством следил за кропотливой работой археолога. С кисточкой в руках, песчинку за песчинкой он сметал с обнаруженных в земле находок. Перед моими глазами раскрывались тайны далекой неведомой старины. Удивляли своей красотой и изяществом найденные в могильниках предметы — женские украшения, височные бронзовые кольца, запястья, серьги, пряжки, остатки истлевшей одежды. В могильниках хорошо сохранились пред-

меты, сделанные из негниющей бересты. По находимым в земле костякам, по уцелевшим останкам, по клочкам одежды, по бронзовым украшениям, поясам можно было судить, как стройны и красивы были древние люди — наши предки-славяне, жившие на нашей земле в незапамятные забытые времена.

Памятники седой старины нужно беречь. Людям, приезжающим отдыхать в Карачарово, хочется сказать: «Непременно посетите Топорковское городище, полюбуйте окружающей вас природой, поклонитесь седой старине».

От жителей Карачарова я давно слышал о моховом болоте на левом берегу Волги. Среди огромного торфяного болота есть большие озера, называются они Петровскими озерами. На песчаных островах посреди этих озер с давних пор живут люди, существуют небольшие колхозы и деревни.

Только в сухое, засушливое лето можно добраться до Петровских озер. В дождливое и мокрое лето болото почти непроходимо. Из Петровских озер вытекает небольшая река Созь, впадающая в Волгу. Трудно пробраться и по этой заросшей, перегороженной во многих местах реке до Петровских озер.

Меня давно привлекали загадочные, почти недоступные озера. Даже самым смелым и терпеливым туристам, охотникам и рыболовам редко удавалось на них побывать. Самое удивительное, что недоступные эти озера и непроходимое моховое болото находятся сравнительно недалеко от людной шумной Москвы, от новых фабричных больших поселков и городов.

Мне не раз рассказывали, что на островах Петровских озер живут особенные, непохожие на других люди,

что в прежние времена эти люди якобы жили обособленной жизнью, не мешаясь с местным населением. Шофер Саша Корюшкин, работающий в карачаровском доме отдыха, коренастый и крепкий добродушный человек, уроженец Петровских озер, рассказывал мне о сохранившихся там старинных обычаях, которые в других деревнях давно позабыты. Однажды, в очень сухое и засушливое лето, с московским гостем моим, имя которого вам всем известно, мы собрались побывать на загаточных Петровских озерах.

Как описать удивительное и полное приключений короткое путешествие наше? Проводником и путеводителем вызвался быть шофер Саша, которого милостиво отпустил с нами директор карачаровского дома отдыха Борис Петрович. Благополучно переночевав в городе Калинин, утром мы двинулись в путь на машине — на северо-восток Калининской области. В Калинин у шофера Саши были земляки с Петровских озер, собиравшиеся побывать там на свадьбе. Мы захватили их с собою, мужчину и женщину с грудным ребенком.

Ехали мы по незнакомой пыльной дороге, иногда останавливаясь в селах и деревнях. На пути нашем то и дело встречались запустелые помещичьи усадьбы. Я еще раз подивился обилию старинных дворянских гнезд в бывшей тверской губернии. Дворяне, по-видимому, селились здесь поближе к знаменитому тракту, соединявшему наши столицы. Останавливаясь, мы заходили в колхозные чайные, знакомились и беседовали с людьми. Наливалась в колхозных полях рожь, цвела гречиха. Спутник мой неизменно заходил в колхозные кузницы, где пахло окаленной, кузнечным горном, в котором тлел уголь. Посещение кузниц напоминало ему далекое его детство, наши родные смоленские места.

Благополучно добрались мы до последней небольшой

деревни, возле которой начинался смешанный лес, отделявший деревню от непроходимого Оршанского моха. Закусив и отдохнув, оставив в деревне нашу машину, мы тронулись пешком в трудный путь.

В охотничьей долгой жизни мне не раз доводилось видеть большие моховые болота. Мы прошли смешанным лесом по пробитой людьми стежке-тропинке до самого края мохового болота, где стежка незаметно терялась. Приходилось ли вам самим видеть большие моховые болота, заросшие редким сосняком? Идешь, идешь, бывало, по такому болоту, и ничто не меняется.

Потеряв узкую стежку, мы вступили в такое болото. На моховых кочках ожерельем краснела созревшая крупная клюква. Иногда из-под наших ног с шумом поднимался выводок белых куропаток и, низко летя над землею, исчезал за деревьями. Мы шли почти наугад. Изредка на мху попадались человечьи следы. Трудно представить себе что-нибудь унылее мохового болота. Все однообразно, те же растут низкорослые сосенки, без края без конца виднеются моховые круглые кочки. Несколько часов пробирались мы по однообразному болоту, пока за поредевшими мелкими сосенками не показалась темная гладь Петровских озер.

Были мокры, неприветливы берега этих озер, заросших кугой и осокой. Черной казалась торфяная неподвижная вода. На обширном озере, сохранившемся от далеких ледниковых времен, не было видно противоположного берега. Озеро простиралось неподвижной темной гладью, по которой ходили едва заметные волны.

На берегу озера нас никто не встретил. Не было видно населенных островов, куда мы направлялись. Наш проводник Саша и его земляк отправились берегом озера, чтобы разжечь костер и сообщить таким способом жителям острова о прибытии гостей. Мы остались одни на

пустынном и голом берегу дожидаться ночи. Нелегко было развести костер, возле которого на подостланных ветвях мы устроили женщину с ребенком. Иногда я отходил от костра, прислушивался к ночным звукам. Где-то кричали дикие утки. Казалось, мы попали в необитаемое и дикое место, куда люди еще не проникали.

Полночи мы провели на берегу пустынного озера, ожидая людей, которые должны были приехать за нами. Почти под утро в густой темноте послышался с озера стук подвесного мотора. Вскоре увидели мы лодку, в которой сидели мужчина и девушка. Оказалось, что это были жених и невеста, на свадьбу которых мы поспешали. Вместе с женщиной и ее ребенком мы погрузились в присланную за нами лодку.

Почти в полной темноте мы направились к неведомым островам. Над нами светили лишь высокие звезды, над таинственным озером поднимался серп месяца.

Через час или полтора пути мы достигли острова. Мы проплывали мимо свайных построек, напоминавших древние времена. Сказочным показался нам этот высокий таинственный остров. На берегу, над крышами домов, возвышалась старинная шатровая церковь. Над деревянным шатром церкви, как в настоящей сказке, висел тоненький серп месяца.

Нас провели в освещенный керосиновой лампой опрятный дом с чистыми крашеными полами. Дом этот напоминал мне старинные архангельские и карельские постройки. Молодежь где-то гуляла на свадьбе. С нами остались две пожилые женщины, усердно принялись нас угощать. Они потчевали нас пшеничными пирогами, самогоном, подкрашенным клюквенным соком. Я догадывался, что по каким-то, нам неизвестным причинам, нас, городских гостей, не хотят приглашать на свадебную молодежную гулянку.

Угостив пшеничными пирогами и самогоном, женщины отправили нас ночевать на сеновал. Мы улеглись на прошлогоднем сене. Над нашими головами на жердочках спали куры. Ранним утром, еще на рассвете, куры нас разбудили. Они бесцеремонно бродили по нашим ногам, а голосистый петух кукарекал почти у самого уха.

Уже на другой день, после бессонной ночи, нас пригласили на свадьбу. Как самых почетных гостей, усадили за широкий свадебный стол. За столом сидели жених и невеста, а во главе восседал бородатый мужик, которого в шутку мы называли царем острова.

Попировав на свадьбе, отдохнув в знакомом доме, мы вышли вечером на улицу. Возле запустелой церкви веселилась и гуляла местная молодежь, ничем не отличающаяся от любой колхозной молодежи. Играл баян, девушки пели и плясали.

Близко к полуночи, когда кончилась деревенская гулянка, мы оказались свидетелями старинного, еще невиданного нами, обычая. Участвовавшие в гулянке парни и девушки, с подушками в руках, парами стали расходиться по санным сараям. Нет, это не было непристойным развратом. Проводник наш Саша рассказал нам, что с давних пор на острове существует такой старинный обычай. После летних гулянок парни и девушки парами расходятся по сараям. Ночуя в сарае, парень не смеет тронуть девушку. Во время ночевки парни и девушки как бы приглядываются и узнают друг друга, и ни одна девушка не выйдет замуж, не узнав хорошо своего жениха. Кто знает, быть может, этот древний народный обычай, сохранившийся, возможно, от языческих времен, охраняет молодежь от поспешных и несчастливых браков. Мы подивились на старинный обычай и отправились ночевать на знакомый уже сеновал.

Три дня мы прожили на острове среди малодоступ-

ных Петровских озер. Нас очень гостеприимно принимали и привечали островитяне. Занимаются они рыболовством, сельским хозяйством, но больше всего сбором клюквы, которая в великом множестве растет в окружающих озера болотах. Клюкву начинают собирать еще с осени. На сбор клюквы отправляются взрослые и дети, которых оказалось очень много в маленьком островном поселке. Собранную осенью клюкву жители острова вывозят в зимнее время, когда устанавливается санный путь. Они продают клюкву на рынках Москвы и в дальних поволжских городах, вплоть до Саратова. Жители острова зарабатывают хорошие деньги. Дома островитян широки, чисты и уютны. Девушки одеваются в нарядные городские платья, носят туфельки с каблучками. Женщины пекут хлеба и пироги из привозной пшеничной муки. В старинной деревянной церкви расположена небольшая лавка, где можно покупать разные товары. Мы с удовольствием прожили три дня на малоизвестном острове, пользуясь общим гостеприимством.

Возвращаться прежним путем нам не хотелось. Строго наказав Саше пригнать вовремя оставленную в деревне машину нашу, договорившись с одним из жителей острова, мы отправились в лодке на реку Созь, чтобы вернуться на Волгу.

Удивительно было и это наше водное путешествие. Мы долго плыли среди неоглядных высоких камышей, цветущих кувшинок и белых водяных лилий, пробираясь к устью узкой извилистой реки, протекавшей через непроходимое болото. Долго кружили, подталкивая лодку, пока не добрались до края болота. Здесь, на высоком песчаном берегу, возвышалось старинное село Спас-на-Сози. Мы увидели чудесную древнюю шатровую церковь, о которой когда-то мне рассказывал побывавший здесь молодой предприимчивый художник. Забытая древ-

няя церковь срублена из толстых сосновых бревен без единого гвоздя. В церкви не было икон и украшений, но даже по немногочисленным уцелевшим предметам, по железному узорчатому замку, по столбикам разоренного иконостаса можно было видеть, каким высоким художественным вкусом обладали наши прадеды, обитавшие некогда на тверской земле.

От старинного тихого села Спаса-на-Сози, попрощавшись с провожавшими нас людьми, мы отправились пешком в сторону Волги. Это было торопливое пешеходное путешествие. Мы шли по грунтовым пыльным дорогам, среди цветущих колхозных полей. На пути изредка нам встречались небольшие деревни. В стороне от дорог текла извилистая, заросшая кустарниками река Созь. Попутчиков не было; мы шли не присаживаясь и не отдыхая, поспешая к катеру, который отходил вечером от фабричного поселка Первого Мая в устье реки Созь.

К вечеру мы добрались до людного поселка. Мы едва успели к отходу катера, стоявшего у пристани завода. Необыкновенное путешествие кончилось. Мы устроились на катере, наполненном заводскими и городскими людьми, вернулись в обычную шумную жизнь. Утром на рассвете мы прибыли в Карачарово.

Что добавить к описанию нашего путешествия на Петровские озера? Разве то, что наш шофер Саша, которому было строго наказано немедленно пригнать машину, — пропал. Мы ждали его день, другой, третий и четвертый. Возникло опасение, что с Сашей в дороге что-то случилось. Особенно волновалась жена Саши. Ей казалось, что Саша утонул на Петровских озерах. На четвертый день Саша явился. Оказалось, он загулял на свадьбе. Мы очень обрадовались приезду Саши и с ним расцеловались. Этим и кончилось наше короткое путешествие на Петровские озера.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Вышел утром на крыльцо и ахнул: свет, тепло, одеваются березы! Так похоже на милую девичью улыбку. Лучший день, лучшее мгновение в русской природе. Именно — мгновение. . .

И на это смотрю уже как бы со стороны. А когда-то был праздник: так тянуло в далекий путь! Устал.

Помню: зеленый Троицын день, возле деревенских изб натыканы зеленые пахучие свежие березки, девки идут в лес с песнями заплетать венки. На лугу, возле реки,

водят хоровод, поют старинные хороводные песни, как пели сто и двести лет назад.

По хороводу ходят пары. Когда кончается песня, парни и девушки церемонно целуются, платочками вытирают губы. Бабы в нарядных, расшитых повойниками с «рогами», в праздничных сарафанах.

*

Был молод, не замечал молодости, ею не дорожил. Все казалось: подожду немного, счастье придет. И вот позади долгий, долгий, ухабистый, очень неровный мучительный путь. На этом бесконечном извилистом пути мало радостного. Самые яркие радости в детстве: теплый свет домашнего уюта, материнской и отцовской любви, своя любовь к открытому светлomu миру.

*

Так памятно далекое утро, когда разбудили на рассвете в радостный праздничный день: «Погляди — солнце играет!» Я смотрю в окно: за деревьями дальнего леса восходит огромное, яркое, как бы расплавленное солнце. Оно распухает, раздувается, точно огненный пылающий шар: играет!

*

Как освещенная солнцем радостная зеленая поляна, далекое видится детство. Рвем ландыши, цветет земляника. Под старым развесистым дубом выбивается из земли ключ, струится по скользким камешкам, прячась в траве, студень ручеек. Над ним колеблется, шелестит качаемая прозрачной водою высокая жесткая осока.

Трепеща прозрачными крылышками, присела на осочине. взвилась, растаяла в летнем солнечном воздухе стрекоза...

*

Чудесный, тихий первый весенний — по-настоящему — день. Слышно, как дышит земля. Появились бабочки. Звенят на солнце мухи.

Еще несколько таких дней — и все поперет. И это не во власти человека, и этому подчинен человек, но только лишь отвернулся — стал видеть в Земле не свою мать, а свою батрачку.

*

У самого окна, под карнизом, две трясогузки вьют гнездо. То и дело прилетают с длинными травинками в клювах, повисают в воздухе, как умеют это одни трясогузки да пустельга. И, боже мой, сколько в их веселой и дружной работе счастья! Можно смотреть час-другой, улыбаться. На улыбку похожа их жизнь, их заботы, веселая их торопливость.

•

В молодости и зрелом возрасте так волновала всегда весна. Неудержимо тянуло странствовать. И так сильны казались весенние запахи, запахи пробуждавшейся земли. На реке шел лед — любимое русское зрелище.

*

Стою, как старое дерево у дороги. Уж давным-давно выжжена вся сердцевина, — ветер подует и — капут.

А все еще зеленеет веточка, теплится жизнь. Зачем и кому нужна эта зеленая веточка...

Способность любви так же редко дается людям, как и всякая одаренность. Как часто выдают за любовь — подделку. Основа любви — самопожертвование. Для матери нет разницы между ребенком уродливым и прелестным. Урода, несчастного она больше жалеет. Такова подлинная любовь. А какая цена любви, которая не имеет материнской основы? Так часто мы искажаем понятие любви.

Из всего, что потрясает, — это наш человеческий язык.

В основе искусства лежит чувство меры, «по-ученому» — ритм, т. е. порядок, лад.

Простой народ, живший в природе и с природой, этим чувством меры владел. Таковы народные песни, одежда, утварь, жилище. В народе умели владеть устной образной и яркой речью. Простые, неграмотные люди были творцами языка, на котором мы пишем и говорим.

Взгляни на деревянный поморский крестик или шатровую северную церковку. Какая совершенная гармония в полнейшей их простоте!

Сегодня первый осенний золотой день. Высокое небо, прозрачный воздух. Церковки на том берегу реки как на картинке.

Третьего дня ходил в лес, на охоту. Присел под березой на опушке. Чудесный пейзаж — такой грустный. Русские просторы, русская печаль. Вот откуда печаль русской песни, от которой хочется плакать.

Пролетели журавли, сбившись со строя, сделали в небе круг. И еще острее чувство утраты. Боже, как знакомо это с самого детства. Поколения русских детей прощались с отлетающими журавлями, таинственно мапившими наши души в счастливые теплые страны. И я смотрю на отлетающих журавлей с чувством острой тоски.

*

На опушке березовой рощи — поздние крепкие грибки, подберезовики. Из молодого частого осинничка вылетел молодой тетерев-петушок. У петушка спина черная, отросли косицы. Чувство жалости и стыда за совершенное убийство и погубленную красоту.

Жестокая страсть — охота. И эту жестокость давней привычки начинаешь понимать только в старости.

*

Осенние запахи: палый лист, мокрая земля и что-то горьковатое: осина.

*

Сегодня мороз, солнце. Возвращался с охоты, мерзли уши. В лесу под ногами хрустит мерзлый лист. Дорога белая, крепкая, шаг звенит. На зеленях мерзлая земля.

Сорока засуетилась в кустах.

Небо чистое, высокое. Одно облачко легкое и прозрачное. И днем — прозрачный серп месяца.

Вода в ручье прозрачная: на дне палый потонувший лист.

Снегу бы, порошу!

*

Никогда, никогда не должно быть праздным сердце, — это самый тяжкий порок.

Полнота сердца — любви, внимания к людям, к природе — первое условие жизни, право на жизнь.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

У светлых истоков .	3
У светлых истоков .	7
Звуки земли	13
Журавли	17
Жаворонок	19
Соловьи	21
Скворцы	24
Ласточки и стрижи	27
Лебеди	31
Цапли	35
Кулики	37
Дергач	40
Кукушонок	42
Дятлы	44
Сойки	46
Щур	47
Удод	50
Клесты	52
Зимородок	54
Иволга	56
Синицы	57
Поползень	58
Трясогузки	61
Голуби	64
Воробьи	67
Сороки	71
Вороны	74
Ворон	77
Грачи и галки	80
Пугач	84

Совы	89
Сыч-воробей .	93
Оляпки . .	96
Кукши . .	98
Пупочки . .	100
Кайры .	102
Зуёк . .	105
Колибри	106
<hr/>	
Выдры и норки .	114
Бобры . .	116
Барсуки . .	121
Лисицы .	124
Ежи	128
Последний русак .	132
Горностай .	134
Белки . .	137
Соня-полчок .	141
Бурундук .	143
 Русский лес .	 145
Дуб .	150
Береза .	152
Липа . .	154
Сосна .	156
Ель .	158
Клен . .	160
Осина .	161
Ольха	162
Можжевельник .	164
Ива	165
Рябина	167
Калина .	168
Черемуха	169

Рассказы старого охотника	. 171
Волки 175
Медведи 183
Лоси 192
Глухари 197
Тетерев 202
Вальдшнепы 209
Дупелиный ток 213
Ловчие птицы 217
Пороша 222
Заяц 224
Мои собаки 226
Пауки 233
У озера Карабожа 237
 Из таймырского дневника	 . 241
На озере 245
Вестники весны 247
После пурги 249
Подледный лов 251
Наступление весны 253
Солнечная ночь 255
Гнездо совы 258
Кораблики на снегу 260
Снежные теплички 261
Первые цветы 262
Охота 263
Проводы 265
Потоп света 266
 У синего моря 267
Море и степь 271
В степи 273
Зеленый шалашик 275

Бой в воздухе	276
Орлан-белохвост	277
Пеликаны	278
Коровы	280
Шакалы	281
Птичий остров	282
Охота на фламинго	286
Весна	291
На своей земле. Карачаровские записи	293
На своей земле	300
Из записной книжки	317

Соколов-Микитов

Иван Сергеевич

У СВЕТЛЫХ ИСТОКОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1969 г. 328 стр. Тем. план вып.
1969 г. № 65.

Редактор К. М. Успейская

Худож. редактор М. Е. Новиков

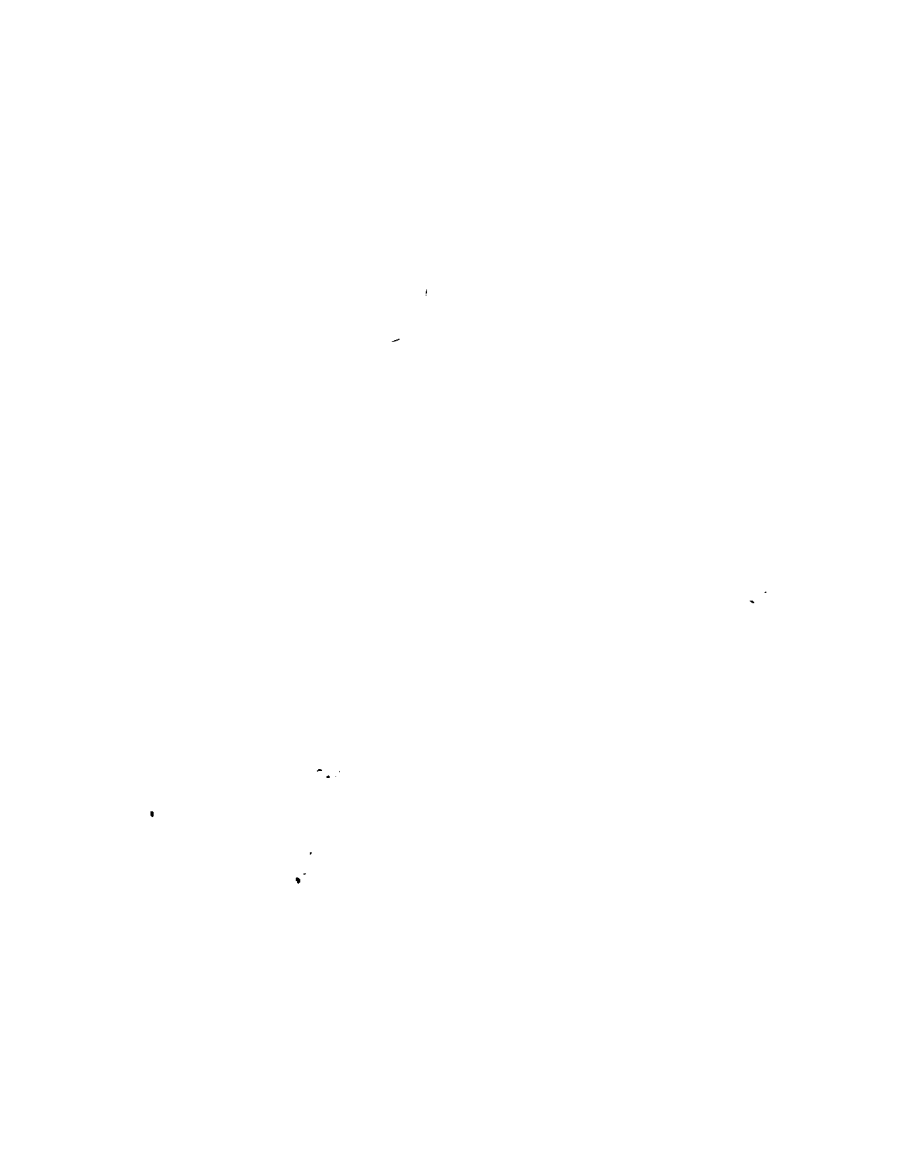
Техн. редактор М. А. Ульянова

Корректоры Т. П. Калецкая и
Е. А. Омельяненко

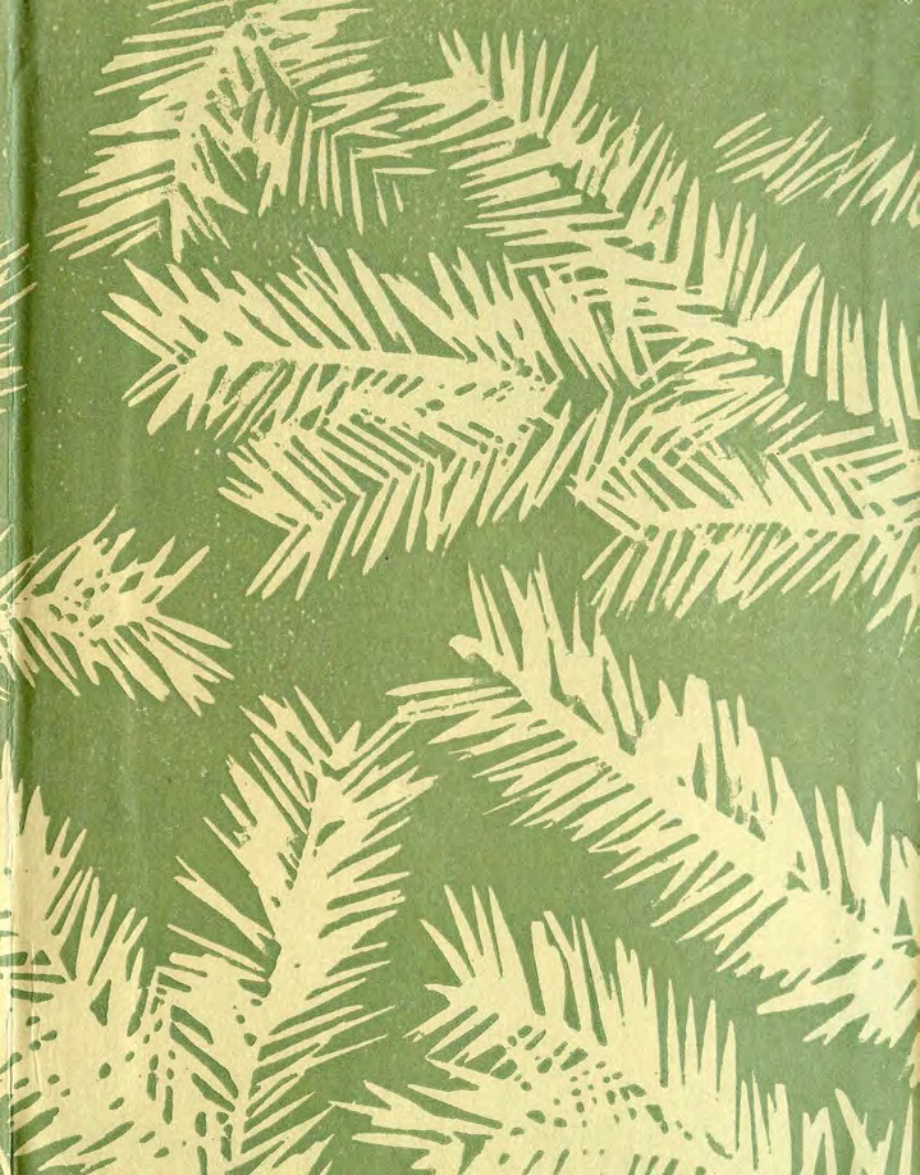
Сдано в набор 16/VI 1969 г. Подпи-
сано в печать 22/X 1969 г. М 14600
Бумага $70 \times 108^{1/32}$, № 1. Печ.
л. $10^{1/4} + 1$ вкл. (14,39). Уч.-изд.
л. 12,84. Тираж 30 000 экз. За-
каз № 875. Цена 57 коп.

Издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение.
Ленинград. Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР,
Красная ул., 1/3.

577.

